VISIT…

А.И.Таланов

КАВАЛЕРГАРДЫ

РЕЙТАР

6

ISBN 5-8067-0018-6

А.И.Таланов

КАВАЛЕРГАРДЫ

по страницам полковой летописи

часть вторая

1825-1925

Москва
"РЕЙТАР"
1999

ББК 63.3(2) 612
Т- 16

Таланов А.И.. **Кавалергарды.**
По страницам полковой летописи. Часть 2-я. 1825-1925.
Москва. «Рейтар». 1999. 144 с. илл.
Малая военно-историческая серия «Рейтар». №6

Вторая книга исторического обзора жизни кавалергардского полка главным образом посвящена малоизвестному периоду первой мировой и гражданской войн, содержит ряд ранее не публиковавшихся сведений и воспоминаний офицеров полка, написанных в эмиграции. Не меньший интерес для читателя представляют разделы, посвященные обычной, повседневной работе гвардейской части российской армии, ее быту.

Директор издания Таланов А.И.
Редактор Панасян Ф.С
Компьютерная верстка Мосолов С.А.

Научно-популярное издание.
Издательство «Рейтар». Лицензия ЛР 064237 от 15.09.96.
103051, Москва, а/я 116. E-mail: ritter@cabel.net.

Налоговая льгота - общероссийский классификатор продукции ОК-00-93, том 2, 953000 - книги, брошюры.
Гигиенический сертификат №77 ФЦ 8.953.П.362.4.99 от 19.04.99.
Подписано в печать 20.07.99. Формат $60\times90^{1}/_{16}$.
Тираж 1000 экз.
Отпечатано с оригинал-макета в ЗАО «S-PRESS».
Москва, Оболенский пер.10

© «Рейтар». 1999.
© Таланов А.И. 1999.

ISBN 5-8067-0018-6

ДЕКАБРЬ 1825 ГОДА

Прошло уже почти 180 лет с памятного всем 14 декабря 1825 года, когда вышли на Сенатскую площадь войска с требованием политических перемен в России. И все эти годы существовали две диаметрально противоположные оценки их действий. «Обещаю и клянусь Всемогущим Богом, перед Святым Его Евангелием в том, что хочу и должен Его Императорскому Величеству Самодержцу Всероссийскому и ...Его ...Наследнику верно и нелицемерно служить, не щадя живота своего до последней капли крови...И все по совести своей направлять и для своей корысти, свойства, дружбы и вражды против службы и присяги не поступать, и во всем себя вести и поступать, как честному, верному, послушному и расторопному воину надлежит» – так звучали слова присяги в XIX веке. Здесь нарушение присяги налицо. С другой стороны заговорщиками двигали лучшие побуждения, основанные не на личных интересах (или не только на личных), а на желании улучшить положение миллионов людей. Мы не будем их ни обвинять, ни оправдывать, а просто посмотрим, какое участие приняли кавалергарды в тех событиях и как они отразились на их судьбах.

Объективные причины к недовольству у наиболее здравомыслящей и активной части офицерского корпуса, конечно, были. Практически вся армия побывала в заграничных походах и наблюдала совершенно иной уклад жизни и иную, в чем-то весьма привлекательную общую культуру быта. Неприятным контрастом стало возвращение к устаревшим порядкам государственного устройства на родине.

Необходимость перемен была очевидной для многих, в том числе и для приближенных к Александру генералов, пользовавшихся его благосклонностью и доверием. В их число входил генерал-майор Михаил Федорович Орлов, сын одного из знаменитых в екатерининское время братьев Орловых. Кавалергардским юнкером он храбро дрался под Аустерлицем и получил за это свой первый офицерский чин. В 1812 году Орлов уже штабс-ротмистр и флигель-адъютант свиты императора. За участие во взятии Вереи награжден орденом св. Георгия 4-й степени, в марте 1813 произведен в полковники кавалергардского полка. Генеральский чин ему принесли энергичные действия при взятии Парижа – составление текста капитуляции и непосредственное участие в переговорах о сдаче столицы Франции «на великодушие союзных государей»

Сразу после возвращения в Россию Орлов вместе с графом Матвеем Дмитриевым-Мамоновым принимается за создание «Ордена русских рыцарей». С соавтором генералу не повезло –

Обер-офицеры Кавалергардского, Л-гв. Конного и Л-гв. Кирасирского полков. 1814-1820.

сын упоминавшегося нами ранее екатерининского офицера-кавалергарда, сформировавший в Москве в 1812 году кавалерийский полк своего имени, сошел с ума («от такой затеи» – говорили злые языки) и был взят под опеку. Задуманный для «сопротивления лихоимству и другим беспорядкам, кои слишком часто обличаются (т.е. обнаруживаются) во внутреннем управлении России», орден распространения не получил и распался, ничего не совершив, а его автор получил назначение в Киев на должность начальника штаба 7-го корпуса Н.Н.Раевского.

В 1816 году создается тайное общество «Союз спасения или общество истинных и верных сынов Отечества». В его формировании участвовал, помимо князей Долгорукова, Барятинского, Трубецкого, Шаховского и кавалергард поручик Павел Пестель. Старший из трех братьев, служивших в кавалергардах, Павел начинал свою карьеру в Лейб-гвардии Литовском полку. В Бородинском сражении был тяжело ранен и вернулся в строй лишь в мае 1813 года. Новый тайный союз тоже просуществовал не долго.

Через два года возникает третье объединение – «Союз Благоденствия» с двумя организационными центрами: в Петербурге и в штабе 2-й армии в Тульчине, впоследствии названные Северным и Южным обществами Этому союзу суждено было довести дело до восстания 14 декабря.

В какой-то степени привлечению внимания офицеров к политическим проблемам способствовал сам Александр. Его либерализмом и неясными намеками на возможность введения конституционных форм правления отмечены еще первые годы его царствования. Эта же идея была подтверждена им в знаменитой речи 15 мая 1818 года на открытии Польского сейма в Варшаве: «распространить на все страны, Провидением моему вверенным, спасительное влияние конституционного правления», – сказал он. Речь эта произвела впечатление не только в России, но и при иностранных дворах. Сестра Александра, Анна Павловна, королева Нидерландов, написала Константину, что она «преклоняет-

Обер-офицеры Кавалергардского, Л-гв.Конного и Л-гв. Кирасирского полков. 1814-1825.

ся перед речью Императора, потому, что живя в конституционной стране, она, более, чем кто-либо, может оценить ее достоинства».

Казавшиеся близкими перемены увеличили приток офицеров в союз. Во многом этому способствовала популярность в их среде ряда известных воинов, в разной степени участвовавших в движении. Популярен в войсках был и князь Сергей Григорьевич Волконский – брат аустерлицкого героя Н.Репнина-Волконского. В 1818 году бывший кавалергард командовал бригадой в уланской дивизии. Боевой генерал-майор отличился во многих сражениях, получил не мало иностранных и российских наград, в том числе и орден св.Георгия 4-й степени, был на хорошем счету у Александра. Этим объясняется и снисходительность императора, проявившаяся в определении наказания за дуэль Волконского с губернатором Волыни Галицким. Князь вступился за своего офицера, которого губернатор пытался согнать с квартиры, освобождая ее для своего знакомого. Возникла ссора, закончившаяся дуэлью на пистолетах. К счастью оба противника промахнулись. Волконский получил всего трое суток ареста, но этот случай упрочил его репутацию внимательного и заботливого командира.

Любопытно, что именно Волконскому было поручено принять в члены Южного общества А.С.Пушкина. Однако, как потом писал князь, «угадав великий талант, предвидя его будущее и не желая подвергать его случайностям политической поры, воздержался от исполнения возложенного на него поручения».

Во 2-й армии, в ее штабах и частях находилось значительное число членов общества. Было среди них и еще несколько кавалергардов. Ротмистры Лев Витгенштейн и Василий Ивашев, поручик Александр Крюков служили адъютантами при командующем армией П.Х.Витгенштейне. Недавно получил Ахтырский гусарский полк полковник Артамон Муравьев. Князь Павел Лопухин (брат возлюбленной Павла I) командовал уланской бригадой. Со многими кавалергардами, причастными и не причастными к делам тайного общества, встречался там в те годы высланный из столицы Пушкин. Жизнь поэта оказалась очень тесно связанной с

полком и мы еще не раз обратимся к этим связям.

Многие встречи происходили в Каменке – «большом, великолепном барском имении с усадьбой на большую ногу», принадлежавшем Александру Давыдову. О самом хозяине биографы его знаменитых гостей упоминают, как правило, с несправедливым пренебрежением. Конечно в те годы отставной кавалергард уже стал большим барином и просто наслаждался жизнью. Но ранее он прошел славный путь воина, как подобало мужчине из семьи Давыдовых. В кавалергардском полку он служил с момента его создания в 1800 году, водил эскадрон в сражении под Аустерлицем, командовал в 1812 году кирасирской бригадой, за Дрезден награжден орденом св.Георгия 4-й степени, был четырежды ранен, но строя не оставил. Службу покинул с чином генерал-майора только после окончания боевых действий. Как у каждого человека у Давыдова были свои слабости, которым он иногда потакал и на службе. Знавшие его шутили, что в 1815 году, командуя отдельным отрядом, он «старался действовать в местностях, славящихся производством редких фруктов и овощей, искусно откармливаемыми птицами или приготовлением особых блюд». В своем имении он полностью смог удовлетворить свою страсть к удовольствию гостей, которых у него всегда собиралось великое множество. Кого только не видела эта усадьба – А.Пушкин, Д.Давыдов, М.Орлов, С.Волконский, Раевские и многие другие приезжали постоянно. Самому хозяину Каменки Пушкин посвятил стихотворение «Нельзя, мой толстый Аристип», строфу в первой главе «Евгения Онегина» и заметку в «Table tolk».

Путешествуя по югу России, Пушкин пишет стихотворение «В.Л.Давыдову», где есть такие строки:

И за бутылками Аи
Сидят Раевские мои,
Когда везде весна младая
С улыбкой распустила грязь,
И с горя на брегах Дуная
Бунтует наш безрукий князь...
Тебя, Раевских и Орлова,
И память Каменки любя, –
Хочу сказать тебе два слова
Про Кишинев и про себя.

«Безрукого князя» Александра Ипсиланти мы уже встречали среди кавалергардов в 1812 г. По отзывам знавших его, князь в сражениях «обнаруживал большую храбрость, доходившую иногда до безрассудства». Он дрался при Клястицах, Полоцке, Бауцене. Под Дрезденом полковнику ядром оторвало руку. После войны братья Ипсиланти (младшие Георгий и Николай тоже служили в кавалергардах) участвуют в подготовке восстания на своей родине Греции против турецкого ига. Местом организационной деятельности российских греков становится юг России – Измаил, Одесса, Кишинев, где часто пересекаются пути Пушкина и Ипсиланти.

Там же в Кишиневе состоялась встреча Пушкина с Пестелем, отмеченная дневниковой записью поэта: «Утро я провел с Пестелем, умный человек во всем смысле этого слова...Мы с ним имели разговор метафизический, политический, нравственный и проч. Он один из самых оригинальных умов, которых я знаю...». Отмеченные Пушкиным качества Пестеля позволили ему стать одним из самых заметных лидеров и теоретиков Союза Благоденствия. Разработанные им документы о будущем устройстве России не раз заслушивались и обсуждались на собраниях и съездах общества. Мы выделим из них любопытный фрагмент, непосредственно относящийся к теме нашего рассказа. Пестель предлагал русифицировать ряд военных терминов и названий, вернув понятия рать, воевода, гренадеров называл опричниками, жандармов – рындами, батареи – бойницами и т.д. Особо он выделял свой бывший Кавалергардский полк, называемый им Полком Царских Мечников. Состоять он должен был из 16 дружин (эскадронов) латников. «Он составлял бы прикрытие Императорского Величества и был бы ближним его телохранителем, занимая исключительно во дворце все внутренние караулы». Шеф полка должен был называться Главным Воеводой. Столицу государства Пестель предлагал перенести в Нижний Новгород.

Интересно, что судьба свела лидеров двух заговоров. В начале 1817 года в Митаве Пестель встречался с жившим неподалеку в своем имении Паленом. Старый граф верно понял направление мыслей своего собеседника и однажды сказал ему: «Если вы хотите что-нибудь сделать путем тайного общества, то это глупость. Потому что если вас двенадцать, то двенадцатый непременно будет предателем! У меня есть опыт и я знаю свет и людей».Предсказание Палена полностью сбылось – Пестель был арестован 13 декабря 1825 года по доносу, всего за день до восстания в Петербурге.

В Северном, петербуржском обществе кавалергарды были представлены более многочисленной группой, но состоявшей, главным образом из молодых офицеров полка и без таких ярких лидеров, как на юге. Многими из них, как потом оказалось, двигало только свойственное молодости фрондерство без особо обдуманных и четких убеждений. В разной степени к участию в делах общества привлекались корнеты Д.Арцыбашев, Н.Васильчиков, А.Вяземский, Н.Депрерадович, А.М.Муравьев, П.Свистунов, поручики И.Анненков, А.Горожанский, П.Свиньин, ротмистр З.Чернышев и полковник А.Кологривов.

Основу столичного гарнизона составляли гвардейские полки. В то красивое и романтичное время в них были собраны лучшие офицеры и солдаты России. Чувство собственного достоинства, образованность, уверенность в незыблемости своих прав были характерными чертами гвардейцев. На этом фоне резким диссонансом прозвучал так называемый «семеновский бунт». Спровоцировал его в основном Аракчеев. С огромным неудовольствием он наблюдал разумный либерализм в отношениях офицеров и солдат в большинстве полков, независимость их поведения. Осо-

бенно его раздражал Семеновский полк и его командир генерал Потемкин. Семеновцы были заметны даже на фоне отличной гвардии.

Но перед всеми отличался
Семеновский прекрасный полк,
И кто ж тогда не восхищался,
Хваля и ум его, и толк,
И человечные манеры ?
И молодые офицеры,
Давая обществу примеры,
Являлись скромно в блеске зал.
Их не манил летучий бал
Бессмысленным кружебным шумом.,
У них чело яснелось думой,
Из-за которой ум сиял. – писал тогда Ф.Глинка.

Аракчеев сумел внушить Александру, что Потемкин распустил полк и для пользы дела надо бы заменить его офицером построже. Таким человеком стал полковник Шварц – злобный и подлый воспитанник Аракчеева. Через весьма короткое время полк залихорадило. Издевательству и наказаниям подвергались не только заслуженные ветераны многих кампаний, но и офицеры. Вскоре солдаты потребовали смещения Шварца. Несмотря на полное сохранение дисциплины и субординации солдатами в полку, испуганное инициативой нижних чинов большое начальство приняло решение об аресте всего полка. Случай был уникальный – из казарм в походных колоннах полк в полном составе сам перешел в Петропавловскую крепость. Наказание за этот «бунт» последовало суровое и, как потом признавалось, несправедливое. Семеновцев раскассировали по разным армейским мелким частям и сформировали полк в новом составе. Это решение породило заметное волнение в Петербурге и, особенно, в гвардии. Кто-то донес Александру, что слишком острые разговоры на эту тему ведутся в Кавалергардском полку. Император не стал вникать в существо дела и приказал для острастки задержать производство всех офицеров полка в следующие чины. С такой мерой воздействия не согласилось даже гвардейское начальство. Неоднократно протестовал в своих рапортах командир гвардейского корпуса генерал Васильчиков: «Я не могу так же согласиться ...что остановить производство в Кавалергардском полку было бы средством против болтовни. Напротив. При настоящих условиях, этим толки лишь увеличатся, так как наказание пало бы не только на виноватого, но и на невинного, что, конечно, произвело бы дурное действие». Общими усилиями удалось убедить Александра отменить свое решение, но в воспитательных целях было признано полезным немного «проветрить гвардию». 3 апреля 1821 года гвардейский корпус получил приказ выступить в поход в Белоруссию и Литву. 8 мая кавалергарды покинули Петербург.

Все лето полк провел в маленьких и глухих местечках. 19 сен-

тября офицеры гвардии дали обед в честь Александра на живописном берегу Двины. Обед и праздник прошли в дружелюбном настроении и все надеялись, что они станут своеобразным знаком примирения императора с его гвардией. Однако, приказа о возвращении в Петербург не последовало. Зиму корпус провел в тех же местах, причем местным властям было дано указание установить «негласный надзор» за всем, происходящем в частях. Кавалергарды размещались в Витебске и вспоминали потом об этой зимней стоянке с большим неудовольствием. Лишь к концу следующего 1822 года корпус получил разрешение вернуться в столицу.

Все эти злоключения последних лет не могли не сказаться на общем настроении. Да же ранее спокойно настроенные офицеры стали более внимательно прислушиваться к рассуждениям своих товарищей и ряды членов тайного общества пополнялись новыми людьми. Нельзя сказать, что деятельность общества проходила незаметно для властей. Доносов Александр получал не мало. Однако розыск по ним велся вяло и одной из причин, видимо был неожиданно проя вившийся религиозный настрой императора. Участились его встречи с различными старцами, монахами, посещения монастырей. Похоже, что им овладело какое-то смутное беспокойство и дела всяких обществ его не слишком занимали. Этот настрой последних лет породит потом легенду о «сибирском старце». Кроме того, хорошо помня переворот 1801 года, император не видел и не верил в возможность его повторения сейчас.

Тем временем подготовка к восстанию продолжалась. По плану, разработанному Пестелем, оно должно было начаться 1 января 1826 года. Назывался и более поздний срок – лето того же года. Однако все произошло иначе.

Летом 1825 года Александр отправился в поездку по югу России. Он побывал на Дону, в Новочеркасске, Таганроге и продолжил путешествие по южному берегу Крыма. 4 ноября в Мариуполе он почувствовал недомогание и возвратился в Таганрог. Быстро прогрессировавшая лихорадка привела к смерти императора 19 ноября. Внезапная смерть его получила в 60-х годах неожиданное объяснение. По нему следовало, что уставший от мирской жизни царь скрылся в Сибири под именем старца Федора Кузьмича, а в гроб положили другого человека, может быть погибшего в те же дни фельдъегеря Маскова, внешне похожего на Александра. Легенда эта жила почти до наших дней. Была проведена графологическая экспертиза образцов почерка Александра и действительно существовавшего старца. Результаты ее не подтвердили гипотезу. Кроме того, подмена не могла быть проделана без помощи и ведома большого круга людей, бывших тогда в Таганроге. Во вскрытии и бальзамировании тела участвовали 9 врачей, все время рядом находились императрица Елизавета Алексеевна, Дибич, Волконский, Чернышев и многие другие, не считая придворной челяди. Сохранить полнейшую тайну в таких условиях было бы невозможно. И затем, по дороге в столицу

свинцовый гроб неоднократно вскрывали для прощания с Александром и никто подмены не заметил. К слову, в одной из комиссий, производившей вскрытие гроба «для удостоверения насчет положения самого тела императора Александра I «присутствовал кавалергардский ротмистр Арапов, который тоже засвидетельствовал, что «в укладке оного тела на путешествии ни малейшей перемены не последовало».

Все это было несколько позже, а тогда в достоверности известия о смерти императора никто не сомневался. В Зимнем Дворце известие было получено 27 ноября во время молебна о здоровье Александра. На нем из великих князей присутствовал только средний Николай. Старший Константин и младший Михаил были в Варшаве. Молебен превратился в панихиду, после которой Николай на основании известного закона 1797 года о порядке наследования привел внутренние ка раулы от Кавалергардского, Конногвардейского и Преображенского полков к присяге новому императору Константину Павловичу. И присягнул сам. Днем к присяге были приведены и все войска столичного гарнизона.

Считается, что Николай не знал об отречении брата и о существовании манифеста, объявляющего наследником его. Точнее, формально не знал, поскольку документы эти обнародованы не были. Однако они существовали. Константин еще в 1822 году письменно отрекся от престола. Причиной была любовь. Женился он в 1796 году совсем еще молодым на принцессе Саксен-Кобургской, но брак оказался неудачным и, спустя 24 года его удалось расторгнуть. Сердцем великого князя завладела красавица-полька графиня Иоанна Антоновна Грудзинская. Их скромная свадьба состоялась в 1820 году, невеста получила титул светлейшей княгини Лович, а Константин решил провести оставшиеся ему годы спокойно в «прежней должности».

Акт отречения и манифест хранились в Кремле в запечатанном конверте с надписью, сделанной Александром: «Хранить в Успенском соборе до моего востребования, а в случае моей смерти распечатать московскому митрополиту и московскому генерал-губернатору прежде всякого другого действия». Содержание хранящихся бумаг знали точно только четыре человека: императрица Мария (вдова Павла I), Константин, митрополит Филарет и министр вероисповеданий А.Н.Голицын. В Москву известие о смерти Александра пришло почти одновременно с уведомлением о принятии в Петербурге присяги Константину. На заседании московского департамента (отделении) Сената Филарет сообщил о воле покойного императора, но сенаторы во избежание почти одновременной присяги в двух столицах двум разным людям, постановили признать императором Константина Первого. Таким образом создалась уникальная ситуация. Упрямый Константин, не читая, отправлял обратно все бумаги, адресованные ему, как императору, себя императором не признавал и выезжать из Варшавы не собирался. Николай в Петербурге тоже ничего не мог сделать, поскольку и он сам, и все остальные присягнули его брату. Целых 18 дней в России фактически верховной власти не су-

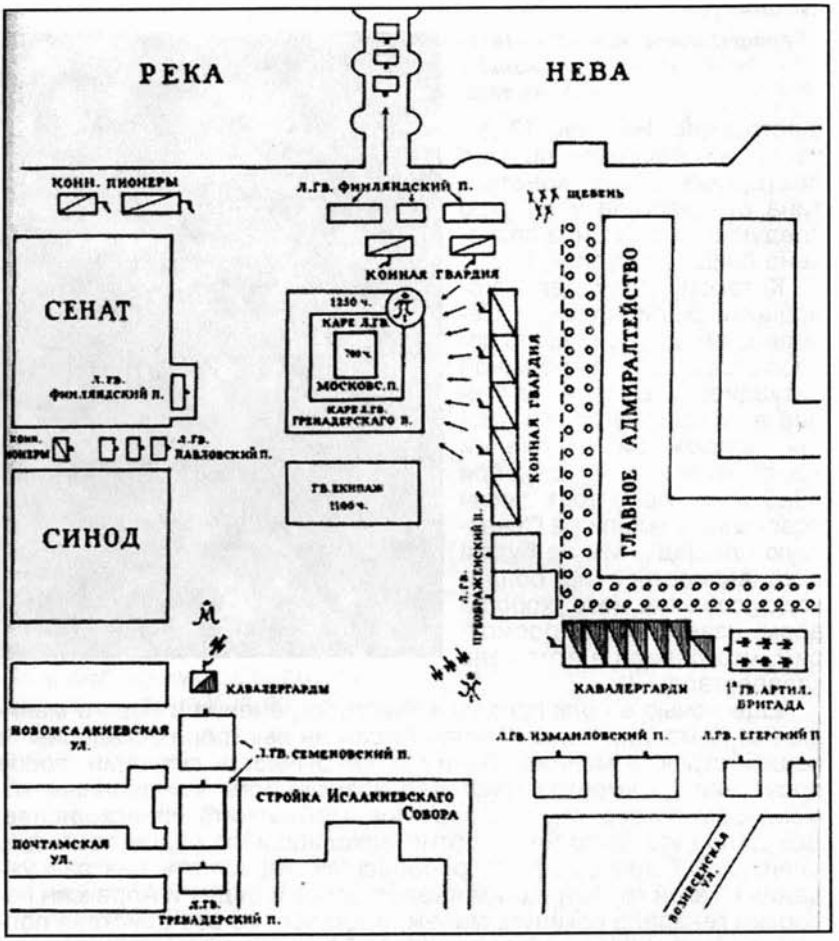
Граф С.Ф.Апраксин (1792-1862) Командовал полком с 1824 по 1833.

ществовало. Наконец 13 декабря из Варшавы пришел повторный отказ Константина от престола и на утро следующего дня была назначена присяга Николаю I.

К такому ходу дел заговорщики были готовы и Северное общество решило воспользоваться необычной ситуацией и вызвать смятение в войсках слухом о якобы подложном отречении Константина. 14 декабря 1825 года около трех тысяч повстанцев вышли на Сенатскую площадь. Мы не будем останавливаться на общем ходе событий (это хорошо всем известно), а посмотрим, что делали в этот день кавалергарды.

Еще ночью в полк привезли тексты отречения и нового манифеста. Командир полка Степан Апраксин выстроил эскадроны в пешем строю в манеже. Понимая необычность ситуации, после прочтения документов граф дал возможность эскадронным командирам поговорить с солдатами и объяснить происходящее. Все дело чуть было не испортил находившийся рядом командир дивизии А.Бенкендорф, потребовавший «присягать без рассуждений».Такой грубый нажим вызвал ропот в рядах и Апраксин попросил генерала покинуть манеж, поскольку за все действия полка отвечает лично он, командир. У Бенкендорфа хватило здравого смысла прислушаться к просьбе и уехать. Затем Апраксин снял шапку и с непокрытой головой обратился к солдатам. Он поклялся, что их не обманывают, что отречение существует и их долг признать нового императора. Он рассказал, что Александр, вензель которого он носит на эполетах, также завещал престол Николаю. Здесь интересно обратить внимание на этот убедительный прием, использованный графом. Офицеры полка носили серебряные эполеты с чистым полем, а Апраксин был еще и флигель-адъютантом и потому на кавалергардских эполетах имел вензель Александра, императора, в царствование которого этот чин был им получен. Солдаты поверили своему командиру, которого знали много лет (граф начал службу в полку юнкером еще в 1804 году) и ритуал принесения присяги прошел спокойно.

С гордостью Апраксин доложил во дворце Николаю о завер-



шении этого, оказавшегося не простым, дела. Приняв рапорт, Николай приказал вывести полк к месту разворачивающихся рядом событий. Доверие императора к полку было полным, поскольку он распорядился «не предвидя еще, чем все кончится, приготовить...экипажи для матушки и жены и...в крайности выпроводить их с детьми под прикрытием кавалергардов в Царское Село».

Поднятые по тревоге кавалергарды выехали налегке – без кирас и на оседланных по-манежному лошадях. Не успевший одеться запасной эскадрон его командир барон Фитингоф повел в вицмундирах и в фуражках, т.е. с грубейшими по тем временам нарушениями формы одежды. В половине первого кавалергарды уже стояли у Сенатской площади.

Нам, наверное, никогда не узнать, что чувствовали в это время находившиеся в строю офицеры: Анненков, Арцыбашев, Вя-

земский, Депрерадович, Муравьев. Они только что присягнули Николаю и должны были действовать против своих товарищей по тайному обществу. Остальных офицеров полка, причастных к заговору, в этот день в Петербурге не было, кроме поручика Горожанского. Он не присутствовал на церемонии принесения присяги полком, некоторое время провел на площади среди восставших, но скоро понял бесполезность происходящего и скрылся в здании Сената. Добровольная явка с повинной спасла его от суда, но кончил он плохо. После четырех лет заключения в Петропавловской крепости Горожанского перевели тем же чином в 7-й Оренбургский линейный батальон, откуда за «разные дерзостные слова на особу Его Величества» переправили в Соловецкий монастырь, где он сошел с ума и умер в 1846 году.

Кавалергардам, как и конногвардейцам и конногренадерам пришлось совершить несколько попыток атаковать восставших. Затея эта была совершенно бесполезной: подкованные без шипов лошади скользили, места для разгона не было, да и необходимый для успешной атаки азарт у солдат, конечно, отсутствовал. Интересно, что одним из эскадронов командовал брат Павла Пестеля – Владимир, получивший эту должность всего два дня назад.

Как мы помним все закончилось быстро после нескольких залпов картечью, рассеявших восставших. Несмотря на очевидный разгром несчастных трех тысяч солдат, Николай на ночь расположил верные ему полки биваками вокруг Зимнего дворца и на Васильевском острове. Четыре эскадрона кавалергардов заночевали у костров на Дворцовой площади.

На следующий день император отметил в приказе действия ряда частей и их офицеров. Из нашего полка наград удостоились трое: граф Апраксин был произведен в генерал-майоры, полковники С.Шереметев и П. Ланской во флигель-адъютанты. Почему награжденными оказались только два эскадронных командира сказать трудно, но Фитингофа, как говорили обошли за «вывод эскадрона в неприличном виде».

Установить фамилии многих офицеров, участвовавших в деятельности тайного общества, труда не представляло и уже через несколько дней арестованных начали свозить в Зимний дворец на предварительные допросы. Причастность одних была неожиданностью для Николая, другие уже находились у него на подозрении, побуждения третьих явно расценивались, как недомыслие. Именно за это распекал Николай кавалергардскую молодежь: Анненкова, Арцыбашева, А.Муравьева. «Ездить на взводах не умеете, а захотели изменить судьбы России» – выговаривал им император. Анненков еще получил упрек в неблагодарности к памяти Александра, который, фактически простил его, посадив всего на три месяца на гауптвахту за дуэль с лейб-гусаром Ланским, закончившуюся смертью последнего. Досталось и Н.Депрерадовичу. Его, не дожидаясь приказа об аресте, привез во дворец его отец. Влияние старого заслуженного генерала и командира кавалергардов было велико и непутевый сын отделался переводом без суда в действующую армию на Кавказ в Нижегородский дра-

гунский полк. Предварительные допросы во дворце часто вел наш старый знакомый В.Левашов, командовавший теперь л-гв. Гусарским полком и пользовавшийся особым доверием Николая. Позже он стал членом Следственной комиссии и к нему, как к бывшему однополчанину, более охотно обращались кавалергарды по разным делам. По отзывам Левашов на заседаниях комиссии вел себя с достоинством, не позволяя проявлять неуважение к подследственным, как это делали многие другие.

Так получилось, что часть разыскиваемых офицеров в эти дни находилась в Москве. В старой столице жили многие знатные фамилии и гвардейцы часто наезжали в гости к своим многочисленным родственникам. В Москве прошло детство Анненкова, Волконского, Ивашева, Пестеля и многие герои этой главы тоже подолгу бывали тут. К сожалению большая часть домов, связанных с их именами (как, впрочем, и многие другие) по разным причинам не сохранилась, но адреса эти хорошо известны. В доме №14 на Пречистенском бульваре, принадлежавшем Васильчиковым, были арестованы сам Н. Васильчиков и П.Свистунов, в доме своей двоюродной сестры графини А. Орловой на Калужской улице (ныне Ленинский проспект д.8) взят под стражу М.Орлов. Нашли и других на ходившихся в городе офицеров: П.Свиньина, А.Кологривова, В.Ивашева, отставного кавалергардского полковника И. Поливанова.

Несколько затянулся сбор подозреваемых офицеров на юге. Многие, безусловно, ожидали ареста, но не делали попыток скрыться. Такой выход, например, предлагал С.Волконскому его тесть Н.Н.Раевский во время их последней встречи. Даже начальник штаба 2-й армии П.Киселев, бывший однополчанин князя, намекал ему, что мог бы помочь если тот... 7 января 1826 года С.Волконский был арестован в Умани.

Дольше всех продержался на свободе М.Лунин, служивший тогда в Варшаве. Любопытно, что помог ему в этом Константин Павлович. Начало этой удивительной привязанности Константина к кавалергарду положил забавный случай, происшедший в 1812 году. Мы уже отмечали неприязнь, которую питал цесаревич к полку, возникшую из-за способа образования полка Павлом и подогреваемую потом разными причинами. Нередко эта неприязнь проявлялась в весьма грубых поступках. Так и в тот раз, когда, обгоняя полк на одном из переходов, Константин заметил едущего в строю в фуражке, а не в каске полковника В.И.Каблукова. Офицеру это было дозволено приказом «вследствие полученных под Аустерлицем трех сабельных ударов в голову».Забыв об этом (или, сделав вид), цесаревич подлетел к полковнику, сорвал фуражку, нагрубил ему, обозвав при этом остальных офицеров «якобинцами и вольтерьянцами». На первом же биваке оскорбленные офицеры подали рапорта об отставке. К ним присоединились командир полка Н.Депрерадович и шеф Ф. Уваров. Вскоре в полк приехал Константин и принес свои извинения, признавая себя виновным. «А если, – добавил потом цесаревич, – кто-нибудь из офицеров остался недоволен, то он согласен дать каж-

дому личную сатисфакцию». Каблуков от имени всех присутствующих принял извинения, но тут вмешался Лунин и сказал: «Честь, предложенная Вашим Высочеством столь велика, что я не могу от нее отказаться». Выходка штабс-ротмистра пришлась по душе Константину и он отметил для себя ее автора. Вообще же двадцатипятилетний кавалергард был достоин внимания. Младший из братьев, служивших в полку (поручик Никита Лунин погиб под Аустерлицем), Михаил участвовал во всех сражениях от начала до конца антинаполеоновской эпопеи. Был награжден за Бородино шпагой «За храбрость», за Кульм – Владимиром 4-й степени, за Фершампенуаз – Анной 2-й степени.

Мирная послевоенная жизнь была не по душе офицеру, да и материально служба в кавалергардах давалась ему с трудом. «Друг Марса, Вакха и Венеры», как называл его Пушкин, ушел в отставку и уехал во Францию, где у него осталось много знакомых с 1814 года. В Париже ему пришлось зарабатывать на жизнь уроками, написанием прошений и прочими мелочами. Только в 1822 году Лунин возвращается на службу, а двумя годами позже мы видим его в чине подполковника командиром эскадрона в лейб-гвардии Гродненском гусарском полку. Образованный, любящий порисоваться, отличный кавалерист и забияка (никто не мог сосчитать, в скольких дуэлях он участвовал) очень пришелся по сердцу Константину. Поэтому он не верил в серьезность предъявляемых Лунину обвинений и четыре месяца переписывался с Николаем, пытаясь отстоять своего любимца, но в конце концов все же был вынужден арестовать его и отправить в Петербург. Заметим, что за все это время Лунин мог легко скрыться из Варшавы за границей, но не сделал этого.

В Петербурге напряженно работала следственная комиссия, выводы которой бы ли представлены на рассмотрение Верховного уголовного суда. В дни его заседаний кавалергарды находились «с обеих сторон». В Сенате – в виде обвиняемых, а снаружи от полка наряжался пикет в составе офицера, двух унтеров, трубача и 24 рядовых.

Наконец суд вынес решение, император его скорректировал и его огласили. На приговоры, конечно, повлияло множество причин, в том числе и чисто личного характера. Не будем забывать, что все подсудимые офицеры были дворянами, многие из очень знатных и заслуженных семей и их родственники и друзья не могли оставить их в беде. Командующий 2-й армией старый граф Витгенштейн вытаскивал своего сына, напоминая о своих заслугах в 1812-1814 годах, за М.Орлова ходатайствовал его брат Алексей – командир Конногвардейского полка, кроме того, он и С.Волконский были женаты на дочерях знаменитого генерала Н.Н.Раевского. Знатны и влиятельны были Муравьевы, Черныщевы, Толстые, Оболенские. Однако, для многих приговор оказался суровым». Государь, ныне царствующий, – написал по этому поводу Пушкин, – первый у нас имел право и возможность казнить цареубийц или помышление о цареубийстве .Его предшественники принуждены были терпеть и прощать».

И.А.Анненков. 1802-1878.

Этой возможностью и воспользовался император, приговорив пятерых к смертной казни через повешение. Одиннадцать кавалергардов (С.Волконский, И.Анненков, Ф. Вадковский, В.Ивашев, А.Крюков, М.Лунин, А.М. Муравьев, А.З.Муравьев, И.Поливанов, П.Свистунов, З.Чернышев) – к лишению дворянства, чинов, наград и направлению в каторжные работы на разные сроки. Семь человек (Д.Арцыбашев, Н.Васильчиков, А.Вяземский, А.Горожанский, Н.Депрерадович, А.Кологривов, П.Свиньин) – к переводу в армейские полки. М.Орлова исключили из службы с высылкой в его имение. Остальные, проходившие по делу – оправданы.

Казнь была назначена на 13 июля 1826 года. Ранним утром на кронверк Петропавловской крепости прибыли представители войск гарнизона, выделенные для участия в этой мрачной церемонии. Сводный отряд состоял из двух батальонов пехоты, двух эскадронов кавалерии, четырех орудий пешей и двух орудий конной артиллерии. Первый эскадрон под командой С.Апраксина составляли два взвода кавалергардов, взвод конногвардейцев и взвод кирасир Ее Величества. Порядок действий был разработан Дибичем. Осужденных поставили перед строем. Раздалась команда «На караул», барабаны пробили одно колено «похода». В на ступившей затем тишине прозвучали слова приговора. Снова пророкотали барабаны и с офицеров профосы стали срывать мундиры, ордена, ломать подпиленные клинки шпаг. Все это летело в костер. Через несколько минут нестройную группу полураздетых людей вернули в казематы. На их место вывели осужденных на казнь...

Над бывшими моряками обряд совершили на военном корабле в окружении родной стихии. Их мундиры, награды и шпаги приняло море.

Россия была потрясена случившимся. Разъезжались по новым местам службы бывшие офицеры гвардии, в кандалах покидали столицу приговоренные к каторжным работам. Из осужденных кавалергардов остался в Петербурге только И.Поливанов – он «заболел сильными нервическими, судорожными припадками» и умер в военном госпитале 5 сентября. Остальных родственники и друзья проводили в дальнюю дорогу. Отношение офицеров полка к их поступкам было в общем отрицательным, хотя их и жалели, как своих товарищей, «сбитых с толку вольнодумством».

Однако, много лет спустя кавалергард П.Мартынов (тот самый, который, как написано в его биографии « имел несчастие убить на дуэли Лермонтова») опубликовал стихотворение «К декабристам» , где были такие строки:

И как нам не почесть участия слезою
Ратующих за чернь вельмож и богачей.
То цвет России был, поблекший под грозою,
И скошенный с земли руками палачей.

Еще позже, в конце прошлого столетия, когда готовился к изданию роскошный четырехтомник « Сборник биографий кавалергардов», приуроченный к столетию полка, в предисловии к третьему тому о декабристах упомянуто так: « Биографии этих лиц полк решил не помещать в этом сборнике. Пусть судит их история, но политика не дело воина». Однако, в 1977 году в Париже вышло дополнение к третьему тому под названием « Кавалергарды-декабристы», составленное комиссией, избранной из бывших офицеров полка: В.Н.Звегинцова, барона Г.Г. фон Гротгуса и Д.Давыдова. Не одобряя, разумеется, действий мятежников, решено было все же издать и их биографии, поскольку в предыдущих томах были помещены материалы об офицерах, причастных к переворотам 1762 и 1801 годов, убийствам императоров Петра III и Павла I. Действия декабристов, как посчитала комиссия, не слишком отличались по характеру от действий их предшественников и отделять их друг от друга нелогично.

Да, поразному квалифицировали движение декабристов, называли их и героями, и клятвопреступниками, но всегда и все однозначно оценивали порыв их жен и невест. «...ничто не мешает признать в их женах такие классические образцы, какими вправе гордиться страна, вырастившая их... – писал В.Н.Звегинцов, – Как не почувствовать благоговейного изумления и не преклоняться перед этими молоденькими и слабенькими женщинами, когда они, выросшие в холе, в атмосфере столичного света, покинули, часто наперекор советам своих отцов и матерей, весь окружавший их блеск и богатство, порвали со всем прошлым, с родными и дружескими связями, и бросились, как в пропасть в далекую Сибирь с тем, чтобы ра-

Н.А.Васильчиков. 1799-1864.

зыскать своих несчастных мужей в каторжных рудниках и разделить с ними их участь, полную лишений, бесправных ссыльно-каторжан, похоронив в Сибирских тундрах свою молодость и красоту».

Однако первыми к осужденным попали портреты их жен. Одни находились с ними уже в Петропавловской крепости, другие прибыли позже в Читинский острог. Изображения родных людей существенно помогали несчастным узникам переносить тяготы своего положения». В минуты наибольшей подавленности мне достаточно взглянуть на твой портрет, и это меня поддерживает» – писал Никита Муравьев.

Покидая Петербург, декабристы уже не надеялись снова увидеть свои семьи. «Поручаю заботам моей доброй сестры Софьи ту, которая составила мое счастье, разбитое мною» – такую надпись сделал на обороте портрета Марии Николаевны С.Волконский, оставляя портрет сестре. Но вскоре супруги встретились. М.Волконская получила разрешение присоединиться к мужу и привезла с собой чудесную акварель известного петербуржского художника П.Ф.Соколова, изобразившего ее с сыном Николаем. Интересна судьба этого, ставшего знаменитым, портрета. Строго говоря их было два – быстро работавший мастер успел нарисовать копию для сестры Марии, но местонахождение ее неизвестно. Этот же портрет был с Волконским и в Сибири, и под Черниговым, где они поселились после разрешения вернуться в европейскую часть России. Затем он перешел к их дочери Елене, а от нее к внучке, бывшей замужем за офицером л-гв.1-го стрелкового батальона А.Джулиани. Во время революции портрет исчез из вида и только в 1966 году вновь проявился у уже упоминавшегося В.Н.Звегинцова – кавалергарда и дальнего родственника Джулиани. Спустя два года Владимир Николаевич передал акварель музею А.С.Пушкина в Москве.

П.Е.Анненкова.

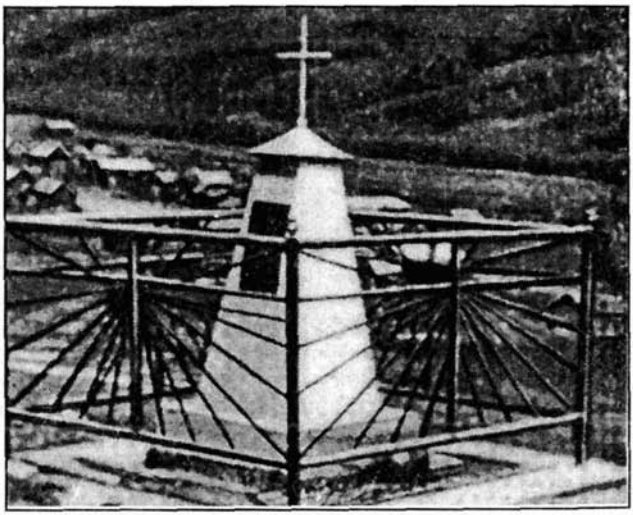
Многие портреты декабристов и их жен были выполнены в Сибири Николаем Бестужевым. Именно благодаря ему мы можем сейчас увидеть их лица, несмотря на запрет Николая «снимать и пересылать» портреты осужденных. Таким образом император пытался уничтожить память о них. Этим же были вызваны и крайне жесткие условия, на которых могли выехать к декабристам их жены: без детей и с лишением сословных прав. Кроме того, родившиеся там дети наследова-

ли бесправное положение своих родителей. Несмотря на такие условия в страшный и далекий путь к мужьям-кавалергардам отправились княгиня Мария Николаевна Волконская (рожденная Раевская), Прасковья Михайловна Муравьева (рожденная княжна Шаховская), и две невесты-француженки – Полина Егоровна Гебль (Анненкова) и Камилла Петровна Ле Дантю (Ивашева).

Пленительные образы ! Едва ли
В истории какой-нибудь страны
Вы что-нибудь прекраснее встречали.
Их имена забыться не должны.

Это мы повторим вместе с Н.Некрасовым. К слову. Надо сказать и о тех женщинах, которых крайне редко упоминают материалы декабрьского восстания. После определения степени участия в нем нижних чинов л-гв. Московского и Гренадерского полков и Гвардейского Экипажа, из них сформировали л-гв. Сводный пехотный полк в количестве 1320 человек и отправили на Кавказ. Вслед за мужьями туда же направились и солдатские жены. Вряд ли когда мы узнаем фамилии их всех, но часть установить удалось. Полк же храбро сражался под Нахичеванью, Эриванью, Тавризом и в 1828 году вернулся в Петербург, где был расформирован. Заслужившие таким образом прощение солдаты поступили обратно в свои части.

О жизни декабристов на каторге, а потом на поселении написано много. Мы только напомним основные моменты их судеб. После воцарения Александр II подписал манифест о полном прощении всех декабристов и восстановлении их прав. Весть об этом в Сибирь повез сын С.Волконского Михаил. Пятеро ссыльных кавалергардов (Ф. Вадковский, В.Ивашев, М.Лунин, А.М. Муравьев и А.З.Муравьев) не дожили до этого дня. Волконские, Анненковы, Свистунов и Крюков вернулись в европейскую Россию. Последний не захотел оставаться на родине и до конца своих дней (он умер в 1867 году в Брюсселе) жил за границей. Десятый из ссыльных офи-



Могила М.С.Лунина

Схватка с горцами. Рис. А.Н.Долгорукова. 1839.

церов граф Захар Чернышев был осужден на два года каторжных работ и по окончании этого срока в 1829 году перевелся рядовым на Кавказ в Нижегородский драгунский полк, которым тогда командовал сын генерала Н.Н.Раевского Николай. Кавказ был «горячим местом» уже на протяжении многих лет. Там воевали с турками, иранцами, а покорение его западных районов, Чечни и Дагестана вообще затянулось до 60-х годов. Туда за наградами и приключениями просилась отчаянная военная молодежь, туда направлялись проштрафившиеся и разжалованные офицеры, для которых участие в боях было единственной возможностью вернуть себе утраченное положение. Уже 31 августа 1829 года в рапорте командира полка упоминается фамилия З.Чернышева, который «в сражениях 27 и 28 числа при селениях Харт и Балахор отличил себя особенной храбростью, бросаясь впереди всех на неприятельские толпы и одушевлял товарищей своих». Годом позже в рядах 41-го егерского полка он был ранен в грудь пулей. Наконец в марте 1832 года состоялось его производство в офицеры (прапорщик) и в 1835 году Чернышев вышел в отставку с чином поручика. Некоторое время он служил «по гражданской части», а после возвращения титула и прав уехал за границу. Умер граф в Риме в 1862 году.

Сражались на Кавказе и другие переведенные туда бывшие

кавалергарды. В рядах Нашебургского пехотного полка штурмовал в 1828 году Баязет Д.Арцыбашев, в Харьковском уланском полку воевали Н.Васильчиков и П.Свиньин, в Санктпетербургском драгунском – А. Вяземский. Последние трое после войны в 1830-1832 годах вышли в отставку, а Арцыбашев в 1832 году умер. Дольше всех продолжал службу Н.Депрерадович. За два года (1826-1827) он участвовал во многих боях, сражался под Ганжей, Елизаветполем, Эриванью. «Поручик Депрерадович во всех делах против неприятеля показал себя неустрашимым» – доносил И.Паскевич. Хлопоты родственников и репутация хорошего боевого офицера возвращают его в гвардию. В 1846 году Депрерадович уже с должности командира Стародубовского кирасирского полка выходит в отставку с чином генерал-майора.

Вот так по-разному сложились судьбы кавалергардов - членов тайных обществ и участников декабрьского восстания. Заметим, что со временем опала с них была снята и их потомки уже не испытывали на себе ее последствий. Вернулся в начале нашего века в Военную галерею Зимнего дворца и портрет С.Волконского, изъятый оттуда после декабрьских событий. Нельзя сказать, что пострадали родственники осужденных. Так, кавалергарды – братья декабристов Александр Муравьев и Владимир Пестель дослужились до чина генерал-лейтенанта, а последний стал сенатором. Также высокого положения достигли Н.Репнин-Волконский, А.Орлов и другие. Сам же Кавалергардский полк продолжал жить своей гвардейской жизнью, о которой далее.

ЗА ПУШКИНСКОЙ СТРОКОЙ

Начало царствования Николая Павловича оказалось неожиданно бурным – восстание гвардейцев в Петербурге, восстание Черниговского полка на Украине, следствие и суд над мятежниками, все это задержало коронацию нового императора. Принятый, наконец, срок ее проведения (июнь 1826 года) неожиданно пришлось изменить – 4 мая скончалась Елизавета Алексеевна, вдова Александра I. Как правило в таких случаях объявлялся полугодовой траур, но оттягивать на столь значительный срок свое официальное вступление в должность император уже не мог. После оглашения приговора по делу декабристов и казни пятерых из них, Николай счел необходимым коронацию провести и в июле двор выехал в Москву.

Непременные участники коронационных торжеств – кавалергарды уже давно находились в старой столице Л-гв. Сводный кирасирский полк (помимо кавалергардов в него входил дивизион конногвардейцев и по эскадрону от кирасирских Его и Ее величеств полков) вышел из Петербурга 13 апреля и прибыл в Москву 29 мая. Заметим, что такая низкая скорость передвижения кавалерии определялась заботой о теле лошадей и на марше, порой, в конном строю шли лишь одну версту из четырех, а три остальные преодолевали пешком, ведя коней в поводу.

На этот раз право участия в церемонии было предоставлено первому дивизиону полка (1-й и 2-й эскадроны) под командованием полковника Р.Е.Гринвальда. Родион Егорович представлял уже послевоенное поколение офицеров, постепенно заменяющее уходящих ветеранов. Он вступил в полк юнкером в 1813 году, но не успел принять участие в боевых действиях, находясь в резервном эскадроне. Тем не менее продвижение вверх по служебной лестнице шло вполне успешно. Отношения с солдатами также складывались нормально – честно отслужив почти три года на положении нижнего чина, Гринвальд прекрасно разбирался во всех тонкостях солдатской службы. Надолго сохранилась о нем память в полку – Родион Егорович оставил завещание, по которому определенная сумма из его средств выплачивалась «тому из нижних чинов №4 эскадрона, который в продолжение истекшего полугодия при отличном поведении оказался лучшим ездоком» . К слову заметим, что пожертвование различных сумм офицерами на поддержание порядка воинской службы среди нижних чинов не являлось чем-то особенным. Так, командир полка А.С.Апраксин установил целых пять стипендий: большую (100 рублей) – старшему вахмистру эскадрона и четыре младшие (по 50 рублей), которые вручались «лучшим и достойнейшим людям эскадрона».

Двор прибыл в Москву 21 июля, церемония коронации была назначена на 22 августа. Тогда еще многие москвичи помнили коронации Павла и Александра и говорили, что «такой пышности и торжественности при прежних не было». За несколько дней до праздника по улицам начали разъезжать герольды в традиционных средневековых костюмах и беретах с перьями. Они останавливались на площадях, перекрестках, трубили в трубы, зачитывали объявление о празднике и раздавали красочные афиши. Еще с вечера накануне назначенного дня тысячи людей расположились в Кремле. Для наиболее уважаемой части публики были выделены специальные места, на которые пропускали по билетам.

День 22 августа выдался ясный и жаркий. Под звон колоколов процессия выдвинулась из дворца и направилась к Успенскому собору. Мы не можем привести полного описания этого шествия. Заметим лишь, что в нем, помимо придворных и военных чинов принимали участие представители купечества, дворянства, «мануфактурщиков и заводчиков», гражданской администрации, учебных заведений. Императорская чета шла под роскошным балдахином, который несли 16 генерал-майоров и 16 генерал-лейтенантов. Кавалергарды открывали колонну и замыкали ее.

Как и прежде четыре кавалергардских офицера с обнаженными палашами встали на ступеньках трона, унтер-офицеры с рядовыми охраняли двери собора. Обряд коронования и литургия были продолжительной церемонией, включавшей в себя довольно много различных действий. Одним из них было «миропомазание на царство» - нанесение на «чело, ноздри, очи, уста, перси и обе стороны рук» специально изготовленного состава – мира, символизируя положение «печати дара Духа Святаго». Брали его из особой яшмовой, оправленной в золото чаши (крабьицы), по преданию подаренной византийским императором Константином Владимиру Мономаху.

Наконец, перед терпеливо ожидавшими окончания церемонии зрителями, отворились двери собора». Радость была всеобщая и чрезвычайно шумная, – писал очевидец, – ибо гул от восторженных криков 300 тысячной массы народа, покрывавшего площади Кремля и Китай-города, берега Москвы-реки, ограды, балконы, даже крыши домов, сливался в один оглушительный шум с пушечной пальбой и неумолкаемым звонов колоколов кремлевских соборов». Но все перекрывали звуки оркестра, игравшего гимн. Напомним, что тогда в России звучал английский гимн «God save the King» (Боже, храни короля). Всем нам знакомые слова и мотив российского гимна появились позже. Может быть именно в этот день у Николая возникла мысль о создании своего национального гимна. Через несколько лет он ставит такую задачу сыну директора Придворной певческой капеллы Алексею Федоровичу Львову – кавалергардскому ротмистру по роду службы, инженеру путей сообщения по образованию, музыканту по призванию и талантливому во всех отношениях человеку. В своих записках Львов потом отметит: «Задача эта показалась мне весь-

А.Ф.Львов. 1798-1870.

ма трудною... Я чувствовал надобность написать гимн величественный, сильный, чувствительный, для всякого понятный, имеющий отпечаток национальности, годный для церкви, годный для войска, годный для парада, от ученого до невежды».Текст гимна можно считать результатом коллективного творчества. Первая строчка (Боже, царя храни) является просто дословным переводом начальных слов английского гимна, две следующие взяты из перевода этого же гимна, сделанного А.Пушкиным еще в 1816 году, остальное сделал знаменитый поэт В. Жуковский. Осенью 1833 года четыре строфы, положенные Львовым на музыку, были представлены императору. Надо сказать, что Николай был развитым в музыкальном отношении человеком и нередко по вечерам в Зимнем дворце играл камерный оркестр, в котором партию трубы исполнял император, фортепиано – Александра Фе-доровна, скрипки – Львов, виолончели – Виельгорский. Частым гостем и участником таких концертов был и М.И.Глинка.

Представленное сочинение понравилось и первое его публичное исполнение состоялось в Москве в Большом театре 6 декабря 1833 г. «Едва раздались слова напева, – написал очевидец, – поднялись со своих мест все три тысячи зрителей, наполнявших театр, и оставались в таком положении до окончания пения. Картина была необыкновенная: тишина... дышала величественностью, слова и музыка...глубоко подействовали на чувства всех присутствующих... Затем... рукоплескания восхищенных зрителей и крики «Ура!» производили гул, колебавший самыя стены театра». Указом от 31 декабря 1833 года этот гимн был объявлен официальным.

Все это еще в будущем, а пока процессия шла под музыку английского гимна, который, кроме как в России, играли еще и в Пруссии, и в Швеции. По традиции праздник продолжал обед в Грановитой палате, где вновь охраняли императорскую чету четыре кавалергардских офицера.

Соборная площадь в Кремле уже не мог ла вместить всех желающих угоститься и погулять. Поэтому праздник «для народа» устраивали теперь на Девичьем поле. Там на 240 десятисажен-

ных столах было расставе но угощение, отдельно на помостах лежали туши зажаренных быков и баранов с вызолоченными рогами, стояли чаны с медом и пивом». Вина красного и белого, как говорит отчет, было отпущено свыше 1200 ведер. Напомним, что тогдашняя мера «ведро» вмещала 12,29 литра. При огромном количестве гуляющих не обошлось без неприятностей. Как вспоминал один из участников праздника, «народу было более 100 тысяч. Когда все кончилось, начали обдирать павильон, поставленный для больших гостей, ломать столы, подмостки – «все наше, сказано, все наше, бери, братцы!» Сделалась ужасная суматоха и давки, и, конечно, этим воспользовались фокусники и стали шарить по карманам, вырывали серьги из ушей и скольких-то человек так стиснули, что нашли мертвые тела».

Почти месяц в Москве шли коронационные торжества: приемы, маскарады, спек такли. Роскошные балы дали князь Н.Б. Юсупов, графиня А.А.Орлова-Чесменская, послы Франции и Великобритании, граф Д.Н. Шереметев. С особым удовольствием побывал император у последнего в Останкине. Не смотря на казалось бы скромное положение корнета-кавалергарда, граф был одним из самых знатных и богатых людей в России. Дополнительную известность придавала Шереметеву романтическая история его происхождения – он был сыном обер-камергера двора и друга Павла I Николая Шерметева и бывшей крепостной актрисы знаменитой Прасковьи Ивановны Жемчуговой. Рано потерявшего родителей графа опекала вдовствующая императрица Мария Федоровна и в юности он тесно дружил с великими князьями Николаем и Михаилом Павловичами. Заметим, что огромное состояние и неустроенность в семейной жизни сослужили ему плохую службу. Когда Дмитрий Николаевич тяжело заболел и находился при смерти, ближайший его родственник вместо заботы о нем поспешил опечатать документы Шереметева, рассчитывая на скорое наследство. Графу удалось выздороветь и Пушкин, с которым он был очень дружен, отозвался на это событие стихотворением «На выздоровление Лукулла»:

Так, жизнь тебе возвращена
Со всею прелестью своею,
Смотри: бесценный дар она, –
Умей же пользоваться ею.
Укрась ее, года летят,
Пора! Введи в свои чертоги
Жену-красавицу, – и боги
Ваш брак благословят.

Граф последовал этому совету и женился в 1838 году, но Пушкина тогда уже не было в живых.

Из праздников этого периода отметим еще любопытно оформленный «военный обед», который 3-го сентября устроило московское купечество для высоких гостей в Манеже – и ныне известном здании, построенном в 1817 году к пятилетию изгнания Напо-

Император Николай Павлович в кавалергардском мундире.

леона из России по проекту А.А. Бетанкура. Оригинальное инженерное решение (перекрытие зала размером 166 на 45 метров опирается только на стены без промежуточных опор) позволяло использовать Манеж по назначению – для проведения смотров, парадов, учений. В нем свободно маневрировало до двух тысяч человек. В тот день интерьер был оформлен особенно тщательно. В середине стояла огромная палатка, украшенная красным сукном с золотой бахромой, кистями и галунами. В ней размещался «царский стол» на 180 человек и 32 стола для 650 гостей. Свободное пространство Манежа превратилось в сад в английском стиле. «Гладкие битые дорожки извивались между клумбами, полными благоухающих цветов и растений. Спелые плоды висели на ветвях полувековых деревьев, а от входа до палатки простиралась широкая померанцевая аллея». Во время обеда, на котором присутствовали и кавалергарды, играли 240 музыкантов Преображенского, Семеновского, Измайловского полков и Саперного батальона, сведенные в два оркестра.

Торжества закончились 25 ноября посещением Троице-Сергиевой лавры. В тот же день двор выехал в Петербург. Заметим, что для Москвы такие праздники бесследно не проходили. С грустью современница отмечает, что «ужасно вздорожали квартиры и жизненные припасы. Сперва думали, что потом на все будут прежние цены, но хотя цены и поубавились, когда стали все из Москвы разъезжаться, однако против прежнего все вздорожало в два раза. Кроме того, во всем стало заметно больше роскоши: в отделке и убранстве домов, в экипажах и в наших женских туалетах, особенно в бальных. В некоторых знатных домах с этого времени стали обедать позднее, так что наши поздние часы – два и три – оказались ранними, модные люди стали обедать часа в четыре и даже в пять».

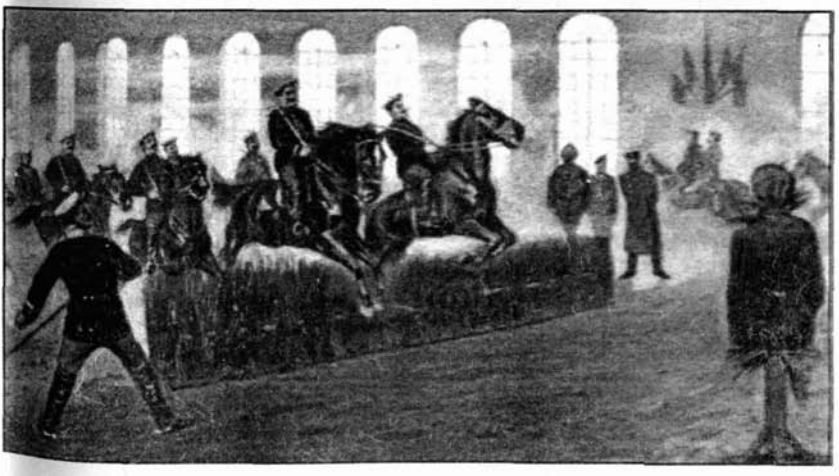
А для полка вновь потекла обыденная столичная жизнь. Она не была легкой для солдата, но и офицерам порой приходилось нелегко. Очень много времени помимо обычной строевой службы отнимало выполнение придворных обязанностей. Офицеры

должны были являться во дворец с благодарностью при производстве в следующий чин и при получении награды, представляться при возвращении из отпуска, приносить поздравления в дни рождений, бракосочетаний, при «разрешении от бремени» и прочее. Кроме того, части офицеров (как правило четверым от дивизиона по усмотрению начальства) было положено присутствовать на обеднях в воскресные и праздничные дни.

Нередко случались балы, на которых присутствие, конечно, службой не являлось, но отказ от приглашения мог иметь последствия. На обычные придворные балы приглашались все офицеры полка, а выборочно – на особые эрмитажные балы.

Крайне интересной была традиция про ведения так называемых «Новогодних маскарадов». 1-го января во дворец могли прийти все желающие, не только «военные или гражданские чиновники всех классов, но так же и купцы, мещане, лавочники, ремесленники всякого рода, даже простые бородатые крестьяне и крепостные люди, прилично одетые». В залах разворачивались буфеты с бесплатным угощением и всевозможными напитками. Весь день Зимний дворец заполняли толпы гостей, которых иной раз собиралось до 25-30 тысяч человек. И весь день среди гуляющих находился царь и его семейство. Для многих казалось удивительным его поведение, ведь только что некоторые из декабристов признались в намерении убить его и не было никакой гарантии, что никто больше не захочет исполнить это намерение. Охраны, как таковой, не было – рядом находилось только несколько свитских чинов и кавалергардских офицеров. Этикет не соблюдался и каждый мог обратиться к каждому, будь то министр, иностранный посол или сам царь. Особенно все это поражало иностранцев, они не могли «надивиться порядку и приличию толпы и доверчивости государя к своим подданным, никто не злоупотреблял близостью к царской особе...хотя иной раз он с

Кавалерийские занятия в манеже. «Барьер».



Кавалергарды при Николае I.

трудом мог протиснуться сквозь толпу, которая напирала со всех сторон, желая насмотреться вблизи и вдоволь». Такие праздники ежегодно повторялись еще 22 июня в Петергофе, а с 1828 года и 1-го июля, в день рождения Александры Федоровны.

На Эрмитажные балы, как мы уже отмечали, приглашали по именным спискам. Посещение балов в некоторой степени было полезным для офицерской молодежи, во все времена склонной к легкомыслию и проказам. Здесь же формировалась привычка вести себя пристойно, о чем иногда напоминали приказы по полку. Так Ф.Уваров писал: «..неучтивость или неприличный поступок в каком бы то ни было случае одного офицера делает нарекание на целый корпус офицеров, а вежливость ко всякому старее себя, а наипаче всего к дамам, делает честь и репутацию не только в молодых летах, но даже и во всяком времени».

Семейные офицеры приглашались с женами. Конечно, брачные связи кавалергардов были на особом контроле и у самого полка, и у начальства. Однако, жизнь порой пре подносила сюрпризы и складывались ситуации, когда дружеские привязанности офицеров друг к другу оказывались сильнее принятых норм. Так, барон Арпсгофен с друзьями оказался под судом за брак с женой отставного полковника Путятина. Спившийся полковник подписал документ, по которому обязался «не искать претензий к своей жене». Кавалергард с помощью В.Каблукова и В.Пестеля тихо обвенчался со своей возлюбленной. История получила огласку и аудиторский департамент постановил: «подсудимых генерал-майора Каблукова, полковника Арпсгофена и штабс-ротмистра Пестеля... лиша чинов, дворянского достоинства и орденов, написать в рядовые». Как видим, наказание за такие поступки полагалось весьма суровое, но все закончилось благополучно. Учитывая храбрость в боях и безупречную службу провинившихся, император, выждав малое время, простил офицеров.

Офицер и трубач Кавалергардского полка. 1845.

Менее удачно завершилось приключение штабс-ротмистра графа П.Ферзена. Офицер полюбил дочь графа П.Строганова и она ответила ему взаимностью. Однако родители ее были против этого брака. Пришлось графу с помощью однополчанина ротмистра А.Ланского и еще двух друзей-офицеров похитить девушку и обвенчаться с нею в сельской церкви. Прощение семьи Строгановых вскоре было получено, но Николай Павлович разогнал всех участников похищения из гвардии по армейским полкам теми же чинами. Не один год понадобился бывшим кавалергардам для того, чтобы заслужить право вернуться в свой родной полк. Может быть такая жесткая в этом случае позиция императора определялась тем, что участники этой истории были молоды и не имели права на такое же снисхождение, как ветераны войн 1812-1814 годов, к которым Николай всегда относился с уважением.

Настоящим торжеством для всей России стало открытие в Зимнем дворце 25 декабря 1826 года Военной галереи. Идея создания такой галереи зародилась у Александра I вскоре после завершения войн с Наполеоном. В 1819 году в Петербург был вызван известный английский художник Д.Доу для написания портретов 342-х генералов – участников войн 1812-1814 годов Через некоторое время вместе с ним начинают работать еще два художника – А.В.Поляков и В.А. Голике. Работа пошла довольно быстро и летом 1826 года во дворце уже перестраивают несколько помещений для размещения гале реи. К назначенному дню художниками было написано и устроено на стенах 236 портретов, на остальных местах еще находились затянутые зеленым репсом рамки с указанием фамилии генерала. Это не помешало провести торжественную и волнующую церемонию освящения и открытия памятника Отечественной войны. Как положено в этот день собрались и уже ушедшие в отставку ветераны, и еще продолжавшие службу в частях столичного гарнизона участники тех событий. С нескрываемым волнением смотрели они на лица тех, кто

водил их в сражения, были их командирами и товарищами. С гордостью отмечали кавалергарды портреты братьев Каблуковых, Д.Давыдова, Н. Репнина-Волконского, Ф.Уварова, Н. Депрерадовича, А.Альбрехта, П.Сухтелена и многих других. Всего более двадцати изображений их однополчан сохранит навечно галерея. В будущем в этой галерее стали выставлять почетный караул из чинов учрежденной в следующем году роты Дворцовых гренадер, о которой мы уже упоминали ранее. Около портрета Александра I стояло знаменитое знамя роты, по полотнищу которого шла надпись: «В воспоминание подвигов Российской гвардии». Гренадеры этой роты спасли все портреты галереи во время огромного пожара во дворце в 1837 году.

В 1831 году полк вновь стал участником боевых действий. Венский конгресс 1814-1815 годов завершил борьбу с Наполеоном оформлением территориальных изменений в Европе в интересах стран-победительниц.. Польша оказалась поделенной между Россией, Австрией и Пруссией. Отошедшая к России часть была названа Царством Польским и получила свою конституцию (1815 года), в которой существовали понятия неприкосновенности личности, свободы печати и официальным языком признавался польский. Монарх имел исполнительную власть, а законодательную делил с сеймом. Пользующееся многими формальными признаками независимости государство, Царство Польское короновало Николая I, который оказался единственным из российских монархов, коронованным дважды. Событие это состоялось в Варшаве 12 мая 1829 года, Николай Павлович сам возложил на себя корону, державу и скипетр ему вручило местное духовенство. Церемония происходила в зале заседаний Сената в царском дворце в присутствии придворных и государственных чинов, духовенства, представителей обеих армий. Обеих потому, что тогда была образована и самостоятельная польская армия, которой командовал Константин Павлович. В ней оказалась и часть кавалергардов – на формирование л-гв.Подольского кирасирского полка были переведены уроженцы западных губерний России, служившие в Кавалергардском, Конногвардейском, Его и Ее Величеств кирасирских полках.

Несмотря на множество недостатков, Константин все же был опытным и грамотным военным и ему удалось привести свою армию в блестящее состояние. Многие считали ее не уступающей русской. В то же время в Польше стремительно развивались революционные настроения, готовилось восстание и, проявлявший в этом отношении удивительную беспечность, Константин, едва не стал первой жертвой заговорщиков.

Вечером 17 ноября 1830 года две группы мятежников ворвались во дворец и командующий только чудом спасся от них на чердаке. Выручил Константина эскадрон подольских кирасир, приведенный его внебрачным сыном П.А.Александровым. Собравшиеся вскоре по тревоге войска были готовы начать наступление на восставших, но Константин приказал выводить полки из Варшавы, поскольку «русским нечего делать в польской драке».

Р.Е.Гринвальд (1797-1877). Командир полка с 1833 по 1839.

По согласованию с временным правительством русские войска спокойно отошли в пределы России. Видимо справедливо потом такое решение поставили в вину Константину – с военной точки зрения было бы более правильным попытаться справиться с революционерами сразу своими силами. Теперь же для восстановления порядка требовалась армия.

1-го декабря полк получил приказ готовиться к походу. Кавалергарды отправлялись на войну не в полном составе – 2-й дивизион и 7-й запасной эскадрон оставались в столице. Часть войск гвардейского корпуса под командой сильно постаревшего Н. Депрерадовича (ему шел 64-й год) предназначалась для несения гарнизонной службы. Увлечение парадностью сказалось на состоянии полка и его командиру генерал-майору С.Апраксину с офицерами пришлось постараться, чтобы привести все необходимое в порядок к установленному сроку. Поторопили Сестрорецкий завод с выдачей новых кирас, провели ремонт оружия, которое теперь надо было использовать по его боевому назначению. Поскольку зима выдалась холодной и снежной, то для войск спешно собрали теплые полушубки для ношения под шинелями. Конечно, сказывалось то, что в полку почти не осталось участников последней войны. Знакомые нам по тем событиям офицеры давно покинули полк. Ф.Уваров умер в 1824 году, братья Каблуковы в генерал-лейтенантских чинах командовали кавалерийскими дивизиями, генерал-майор Е.Давыдов получил кирасирскую бригаду, С.Ланской тяжело болел, находясь в отставке. В поход шло уже новое поколение кавалергардов.

В 10 часов утра 12 января 1831 года полк покидал столицу, имея в своих рядах 28 офицеров, 887 нижних чинов и 732 лошадей. Первое время давали себя знать морозы. Шли в полушубках, шинелях и надетых поверх всего кирасах. «Когда не грозила встреча с высоким начальством» каски заменяли теплыми фуражками с большими наушниками. День 3 марта был отмечен значительным для кирасир событием. Учитывая национальные особенности противника (польские войска традиционно использова-

Знак отличия польского ордена военного достоинства 5-й степени.

ли пики), русское командование решило ввести пики и в тяжелой кавалерии, вооружив ими первые шеренги эскадронов. В Ковно кавалергарды получили это новое для себя оружие, но не совсем в готовом виде. Им самим пришлось пики красить, приделывать темляки, флюгера и, конечно, на ходу учиться ими владеть.

Тем временем шли бои польской армии с русскими войсками, которыми командовал фельдмаршал Дибич-Забалканский. В тяжелом сражении 13 февраля под Грохувом полякам удалось приостановить продвижение русской армии. В нем отличились и бывшие кавалергарды. П. Каблуков сам водил своих кирасир в бой, был ранен, а лошадь под ним убита. Майор А.Зон участвовал в отчаянной схватке малороссийских кирасир, сбивших центр позиции противника. Он во главе эскадрона захватил два орудия, влетел в предместье Варшавы, но был ранен и захвачен в плен. В мае под Остроленкой поляки уже были вынуждены уступить свои позиции, восстание шло на убыль и после штурма и взятия Варшавы 25-26 августа окончательно подавлено.

Гвардейским кирасирам не пришлось активно участвовать в боях. Несколько раз они втягивались в мелкие стычки, несколько раз, как писали в рапортах, «стояли под выстрелами». Значительно больше беспокойства доставляли частые смотры гвардии, на которые требовалось выезжать в блестящем виде по мирному времени. Нередко эти смотры заканчивались для офицеров взысканиями за то, что «ехал на старом чепраке, ехал весьма далеко от взвода, во вверенном ему взводе у рядового пика короче прочих» и т.д. Тем не менее, удовлетворенный исходом кампании Николай, не обошел наградами свою гвардию и все войска в целом. Помимо обычных поощрений в виде чинов, орденов, Знаков отличия военного ордена, все генералы, офицеры, нижние чины, медицинские чиновники и священники, принимавшие участие в штурме Варшавы (или находившиеся рядом, как гвардейцы), получили специально учрежденные по этому поводу серебряные медали. Кроме того, появилась еще одна интересная награда. С 1792 года в Польше существовал орден Военного достоинства («Виртути милитари») пяти степеней. Им награждались и русские, и поляки, а во время последних событий восставшие давали его своим отличившимся товарищам. Николай велел изготовить такие же знаки ордена для участников подавления восстания, поставив на них дату 1831 год. «Всего было роздано 14 больших крестов старшим генералам, 188 командорских – генералам и

Медаль за взятие приступом Варшавы.

полковникам, 1105 рыцарских – штаб-офицерам, 5219 – обер-офицерам и около 100 тысяч серебряных – нижним чинам». После произведенного награждения этот орден был навсегда исключен из русской наградной системы.

3-го марта 1832 года гвардия вернулась в Петербург. Кавалергардов там ожидал новый шеф полка. Со дня смерти Уварова это место было вакантным и 22 августа 1831 года Николай повелел исполнять обязанности шефа своей жене – императрице Александре Федоровне. В этот день ей представились оставшиеся в столице эскадроны, а теперь полк в полном составе приветствовал своего шефа. Покровительство столь высокой особы часто выручало кавалергардов в сложных ситуациях. Императрица действительно и добросовестно опекала своих гвардейцев, помогая им в решении многих бытовых проблем. Например, ее шефское жалование (по окладу генерал-лейтенанта) полк получал и направлял на добавку к содержанию солдатских детей-кантонистов. Срок службы в те годы хоть и был сокращен (до 20 лет в гвардии), но все равно оставался значительным и солдатам дозволялось жениться. Рождавшиеся у них дети сразу зачислялись кантонистами в полк. Первые годы они могли жить с родителями в казарме или у родственников на стороне, а с 11-12-летнего возраста дети поступали в обучение к полковым специалистам – музыкантам, певчим, писарям, фельдшерам, оружейникам и т.д., приобретая нужные навыки. С 18 лет их уже зачисляли в строй на общих основаниях. С рождения на их содержание выделялась от казны определенная сумма денег и пищевое довольствие, как на солдата. Оставшихся по каким-либо причинам сиротами должны были взять к себе другие солдатские семьи, получая на это дополнительные средства. Разумеется, это все относилось только к мальчикам. Девочки просто жили с родителями, не имея определенных обязанностей. Несколько позже для «призрения сирот из дочерей нижних чинов полка» было образовано специальное заведение, располагавшее значительным по тем временам капиталом в размере 50 тысяч рублей серебром.

Семейные солдаты имели небольшие наделы земли, держали коров и домашнюю птицу, подрабатывали на стороне различными гражданскими ремеслами. Понятно, что такие условия воспитывали с детства привязанность к своей части и в полках служили не только династии офицеров, но и династии вахмистров, трубачей и т.д., насчитывавшие к концу века более ста лет общей службы в полку на семью.

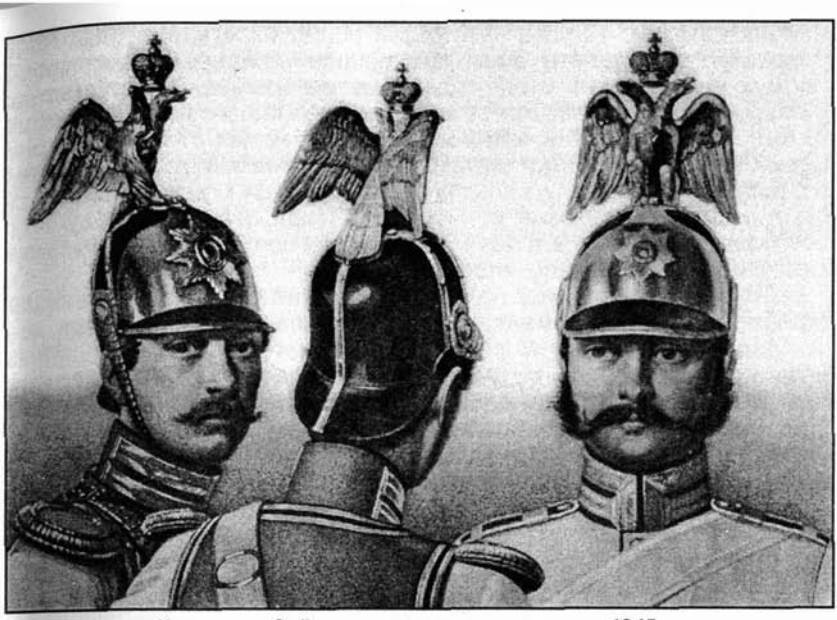
Рядовой и офицеры Кавалергардского и Конного полков. 1841-1845.

Офицеры прекрасно понимали ценность таких кадров и всячески поддерживали их. Конечно, далеко не всем солдатам семейная жизнь в казарме казалась идеалом и количество женатых кавалергардов редко превышало 10% от общего числа служивых. Вообще же, как мы уже говорили, отбор солдат в полк был очень строгим. Как правило, им занимался лично император, сначала Александр, потом Николай. В полк попадали храбрецы, отмеченные Знаком отличия военного ордена, в мирное время кадры пополнялись переводом из Лейб-кирасирского, Екатеринославского и Новгородского кирасирских полков. В их число входили и уже подготовленные «не старые, стройные и расторопные» кирасиры, и «отличные рекруты прошлогоднего набора».

Любопытно, что основную массу кавалергардов составляли в первой половине XIX века уроженцы южных (Малороссийских) губерний – 45%. Выходцев из Поволжья было около 22%, из центральных губерний – 16%, из северных – 13%. На долю остальных местностей приходилось всего около 4%, в т.ч. около 1% прибалтов.

Характер солдатской службы в те годы существенно не менялся. Требования к общему виду, «позитуре», сверхподтянутости все увеличивались. По общему мнению тогда служивших, «гвардейская форма была очень неудобна. Мундир и рейтузы должны были «обливать» тело. Складка на мундире считалась преступлением и подвергала виновных строгим взысканиям». Присмотр над гвардейским корпусом перешел к великому князю Михаилу Павловичу (Константин умер от холеры в Витебске во время войны 1831 года) и он ничем в лучшую сторону не отличался от своего старшего брата. Жесткому регламенту теперь подчинялось абсолютно все во внешнем виде солдата. Михаилу принадлежит изобретение известного правила для носивших бакенбарды, по которому «бороду следует брить таким образом, чтобы, взяв шнурок в рот и завязав его на затылке брить все то, что находится ниже линии шнурка».

К сожалению, кавалергардов, как и других кавалеристов, уси-



Каски гвардейских кирасирских полков с 1845 г.

ленно обучали пешему строю и пехотным приемам с оружием. Можно спорить о полезности отработки парадного шага для пехоты, но для кавалеристов такие тонкости, которых от них тогда требовали, были, несомненно, лишними. Из Франции выписали специальные «маршевые часы» (метрономы), настроенные на ритм применявшихся тогда «тихого и скорого» маршей – 75 и 110 шагов в минуту соответственно. Контроль за скоростью марша поручался на учениях полковым адъютантам, которые и владели этими метрономами. Приказы по полку в тот период полны замечаний по строевой подготовке. «Его императорское величество заметить изволил, что нижние чины во время маршировки становятся прежде на каблук, а потом ощущают носок, что воспрещается...У многих людей во всех эскадронах взмах ноги выше, чем правилом постановлено и от того большое беспокойство в пояснице происходит» и т.д.

Зачастую доставалось и офицерам. В качестве примера приведем лишь одну выдержку из приказа командира полка: «Сего числа на вечернем выходе в Зимнем дворце Его императорское величество изволил изъяснить неудовольствие мне за небрежность в одежде офицеров вверенного мне полка: недостатки оной заключались в том, что колеты у них слишком широки, почему я вновь предписываю офицерам обратить на одежду особенное внимание: колеты приказать шить уже и чтобы отнюдь на них не образовывалось складок, лосинные же панталоны натягивать так, чтобы они сидели гладко». Хорошо еще. что остались в прошлом

неприятности из-за усов – Николай носил их сам и с 1832 года разрешил это делать всем желающим офицерам. Как любопытную особенность этого года отметим изменение количества чинов, имеющих право христосоваться на Пасху с императорской четой. Ранее Николай христосовался со всеми старшими офицера ми полка и с представителями от поручиков и корнетов. К руке императрицы допускались вахмистр, один унтер-офицер и один рядовой лейб-эскадрона. С 1832 года это право получили все офицеры полка, а в 1841 году список пополнился всеми вахмистрами, литаврщиком и штаб-трубачом.

В те времена в полку по штатам должно было находиться 45 офицеров: 1 генерал-майор (командир полка), 3 полковника (командиры дивизионов), 7 ротмистров (командиры эскадронов), 6 штабс-ротмистров, 15 поручиков и 13 корнетов. Движение по чинам и должностям в гвардии происходило довольно быстро за счет назначения гвардейцев с повышением в армейские полки, ухода по различным причинам части людей в отставку, естественной убыли и т.д. Разумеется, во время войны это движение вверх шло еще быстрее. Если посмотреть на полковые списки, мы увидим, что за период с 1800 по 1849 год полк «пропустил» через себя 444 человека, т.е. офицерский состав полка полностью обновлялся, в среднем, каждые 10 лет. Бывшие кавалергарды оказывались потом не только на командных или штабных должностях в армии. Их можно было встретить и в различных гражданских ведомствах, и просто коротающими свой век в столицах или дальних поместьях - как кому позволяли средства или наклонности.

Многих кавалергардов встречал и Пушкин во время своих путешествий по стра не, отмечая эти встречи в дневниках, письмах, стихах. «Сегодня был я у губернатора, генерала Бутурлина, – пишет он из Нижнего Новгорода в сентябре 1833 года Наталье Николаевне, – Он и его жена приняли меня очень мило и ласково. Он уговорил меня обедать завтра у него». Мы знаем, что за обедом Михаил Петрович рассказывал поэту о войне 1812 года, сражениях под Бородино, Малоярославцем, Кульмом, участником которых он был. Расстались они весьма довольные друг другом. На их отношения не повлияли довольно резкие слова о младшем брате губернатора Дмитрии, написанные ранее Пушкиным в стихотворении «Послание к князю Горчакову»:

.....
Где холодом сердца поражены,
Где Бутурлин – невежд законодатель,
Где Шеппинг – царь, а скука – председатель,
Где глупостью единой все равны.

Заметим, что упоминаемый здесь О.Д.Шеппинг тоже был кавалергардом. Его фамилию мы находим и в стихотворении «Чаадаеву»

.....
И счастлив буду я, но только, ради Бога,
Гони ты Шеппинга от нашего порога.

Трудно сказать точно, чем так досадил Оттон Дмитриевич Пушкину. Был он боевым офицером, прошедшим в строю все сражения Отечественной войны, кампании 1813-1814 годов, одним из первых ворвался в Берлин, отличился при взятии Суассона. С 1819 года – полковник, помощник начальника штаба Гвардейского корпуса и человек без особых претензий. С Дмитрием же Петровичем Бутурлиным у поэта могли возникнуть осложнения на окололитературной почве. Тоже участник многих сражений 1812-1814 годов, раненый в «Битве народов» под Лейпцигом, в эти годы полковник Бутурлин работал над четырехтомной «Историей походов россиян в XVIII столетии». Помещая его рядом с невеждами, Пушкин несколько лукавил – полковник имел весьма приличное образование, много читал, в юности часто общался с известным литератором Н.И. Новиковым, а свою «Историю» написал на отличном французском языке.

С любовью и благодарностью относился Пушкин к князю А.Я.Лобанову-Ростовскому. Князь тогда был одним из известнейших в обществе людей. Проведя юность в боях с французами и турками, кавалергард с чином генерал-майора вышел в отставку и занялся наукой и собирательством. Интересно, что свои уникальные коллекции Александр Яковлевич передавал в общее пользование. Так, собрание книг и карт по военному искусству было подарено им библиотеке Главного штаба, материалы о жизни Марии Стюарт – Эрмитажу, обширнейшая иконография Петра I – Публичной библиотеке. В 1822 году он попытался помочь Пушкину в издании сборника стихотворений поэта. Пушкин задолжал Н.В.Всеволожскому 1000 рублей и в счет долга уступил ему право издания сборника. Князь выкупил это право и предложил Пушкину издать книгу в Париже. Из письма Александра Сергеевича Я.Н.Толстому 26 сентября 1822 года: «Предложение князя Лобанова льстит моему самолюбию, но требует с моей стороны некоторых изъяснений. Я хотел сперва печатать мелкие свои сочинения по подписке и было роздано уже около 30 билетов – обстоятельства принудили меня продать свою рукопись Никите Всеволожскому, а самому отступиться от издания – разумеется, что за розданные билеты я должен заплатить, и это первое условие. Во-вторых...мне необходимо нужно пересмотреть свою рукопись, третье: в последние три года я написал много нового, благодарность требует, чтобы я все переслал князю Александру». Идея издания книги со временем пропала, а дружеские отношения с Лобановым-Ростовским Пушкин сохранял еще долгие годы.

Нельзя не упомянуть об очень близких и теплых отношениях, которые, несмотря на заметную разницу в возрасте, связывали Пушкина с князем Ф.Ф.Гагариным. Темпераментный забияка, князь начал свою карьеру еще под Аустерлицем портупей-прапорщиком Семеновского полка. Самоотверженная попытка кавалергардов спасти семеновцев так подействовала на Гагарина, что он пере шел служить в этот героический полк. Затем он участвовал во всех войнах начала века, включая Польский поход. Наконец, кавалер ордена св.Георгия 4-й степени генерал-майор Гага-

рин в 1835 году ушел в отставку. «Вчера я ужинал у князя Федора Гагарина, – пишет Пушкин из Москвы Наталье Николаевне, – и возвратился в 4 часа утра – в таком добром расположении, как бы с бала». Конечно, энергичному и склонному к проказам Пушкину было интересно в обществе славившегося различными выходками Гагарина. Многие помнили тогда его портрет, на котором князь велел художнику «придать пальцам на руке положение, считающееся неприличным» и случай на почтовой станции, когда один из проезжающих демонстративно съел заказанное Гагариным жаркое, за что тот, угрожая пистолетом, заставил наглеца проглотить еще 11 порций. Конечно, много было у них разговоров о сражениях и походах. Не забывал Пушкин о товарище и находясь в Петербурге. «Я оставил у тебя два порожних экземпляра «Современника».Один отдай князю Гагарину, а другой отошли от меня Белинскому» – пишет он П.В.Нащокину.

В 1833 году Пушкин был пожалован камер-юнкером двора. Некоторые наши биографы поэта отмечают его недовольство получением этого, кажется, незначительного чина. Наверное, здесь надо пояснить структуру придворных чинов. В это время придворные разделялись на первые и вторые чины. К первым относились обер-камергер, обер-гофмейстер и т.д. По табели о рангах их положение соответствовало в переводе на армейские чины генералу от инфантерии. Вторыми шли гофмейстеры, шталмейстеры и т.д., соответствовавшие генерал-лейтенанту. Особое положение занимали камергеры и камер-юнкеры. В отличие от прочих придворных, эти две категории не имели определенных служебных обязанностей и прямого аналога в табели о рангах. Так, чин камер-юнкера, по положению приравнивался военному в интервале от майора до полковника включительно. Поэтому пожалование тридцатичетырехлетнего Пушкина этим чином, конечно, не было завидным, но вряд ли может считаться принижением его положения. Скорее всего проявлявшееся поэтом недовольство было связано с необходимостью появляться во дворце в присутственные дни и участвовать в, общем-то бесполезном для него официальном времяпровождении.

Все чины двора во время больших и малых выходов (ими называли торжественные шествия высочайших особ из внутренних апартаментов в церковь и обратно) собирались в ближней к личным покоям зале. Вход в нее охранял пост от Кавалергардского полка, откуда и пошло выражение «иметь право входа за кавалергардов».

С кавалергардами во дворце Пушкин встречался постоянно. И не только во дворце, но и на многочисленных светских приемах и балах. Нельзя сказать, что их взаимоотношения носили какой-либо особый характер, хотя был человек, стремившийся их испортить. «Зловещая красавица» – так назвал Идалию Григорьевну Полетика И.С. Зильберштейн. Идалия была женой командира 5-го эскадрона полковника Александра Полетики. Неприязнь ее к Пушкину родилась давно и причиной ее было пренебрежение поэта к этой женщине. Существует даже туманная история о том,

И.Г.Полетика (1807-1890).

что когда-то «Пушкин не внял сердечным изъяснениям Идалии Григорьевны и однажды, едучи с нею в карете, чем-то ее оскорбил». Надо сказать, что особа эта, несмотря на красоту и происхождение, имела отвратительный и легкомысленный характер и умудрялась даже ссорить офицеров в полку. Иной раз и флегматичный, корректный командир кавалергардов Р.Е. Гринвальд срывался и позволял себе «оскорбительно отзываться об этой женщине». Заметим, что и полковник Полетика вполне соответствовал по характеру своей жене.

Видимо эти качества быстро сблизили И.Полетика с новым офицером 7-го запасного эскадрона Ж.Дантесом. Его появление в полку было не рядовым событием, которое отметил даже Пушкин в своих записках 26 января 1834 года: «Барон Дантес и маркиз де Пина, два шуана, будут приняты в гвардию прямо офицерами. Гвардия ропщет». Дело в том, что, начиная со времен Александра Павловича, комплектование полка офицерами шло преимущественно производством в корнеты собственных юнкеров, которых по штату полагалось двое, но, в действительности, было много больше – остальные считались сверхштатными и содержания от казны не получали. С 1823 года начала действовать и «Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров». Готовили в ней будущих офицеров основательно, требуя «полного знания тогдашней очень сложной военной службы, а дисциплина и субординация были доведены до неимоверно строжайшей степени». В конце обучения юнкера сдавали экзамены. Здесь же неизвестный иностранец был освобожден от обучения, от экзаменов по русской словесности, уставу, военному судопроизводству и зачислен в полк корнетом.

Через некоторое время барону все же удалось примирить со своим появлением большинство офицеров, освоиться в полку и в столице. Затем началась история его борьбы с Пушкиным.

Мы не будем вспоминать все события, предшествующие роковой дуэли. Заметим, что дуэли, как способ разрешения споров, часто происходили в те времена. Считается, что эта традиция возникла в средневековье. Посвящаемому в рыцари наносили удар мечом по плечу и он клялся, что это был последний удар, который он оставляет безнаказанным. С тех пор по всем странам

звенели шпаги и гремели выстрелы, подтверждая незапят-
нанность чести дворян. Единственной страной, сумевшей найти
способ сохранить и жизнь, и честь своих аристократов, оказалась
Англия. В 1840 году несколько пэров и знатных военных об-
разовали общество, члены которого «обязались честным словом
никогда не выходить на дуэль, а решать все споры о чести судом
посредников, ежегодно назначаемых обществом». Их примеру
быстро последовали все остальные и с 1844 года поединков в
стране уже не было.

Несмотря на существовавшие запреты и суровые наказания в
России дрались на дуэлях. Дрались и кавалергарды. Мы уже упо-
минали поединок Анненкова с Ланским. Корнет Пусловский
застрелил штабс-капитана Гедеонова, штабс-ротмистр Шереме-
тев убит камер-юнкером Завадовским (секундантами у них были
Якубович и Грибоедов, стрелявшиеся годом позже). Выясняли
таким образом отношения и вполне солидные люди. Так, бывший
кавалергард генерал-майор Киселев в 1823 году смертельно ра-
нил генерал-майора Мордвинова.

И у Пушкина его дуэль с Дантесом была не первой. Обижен-
ный им В.Кюхельбекер вызвал Пушкина из-за шутливого стихо-
творения, заканчивавшегося словами: «Так было мне, мои дру-
зья, и кюхельбекерно, и тошно». Кюхельбекер промахнулся, а
Пушкин выстрелил в воздух. В январе 1820 года Пушкин стре-
лялся в Петербурге с человеком, имя которого до нас не дошло.
В январе 1822 года дуэль в Кишиневе с полковником С.Старовым
– две попытки на 16 и 12 шагах – оба промахнулись. Несколько
историй закончились благополучно только из-за вмешательства
друзей поэта и благоразумия его противников. И вот 27 января
1837 года дуэль с Дантесом. «Расстояние 20 шагов, барьеры на 5
шагах, стрелять своими пистолетами, не ожидая очереди». Ре-
зультат дуэли известен – Пушкин смертельно ранен в правую
часть живота, Дантес – в правую руку ниже локтя без пов-
реждения кости и контужен в живот. Менее известно то, что
участников поединка судили по действовавшим тогда законам.
Приказом командующего 1-й гвардейской Кирасирской бригадой
была образована военно-судная комиссия из семи офицеров л-гв
Конного полка. Комиссия, судя по сохранившимся документам,
объективно разобралась в причинах дуэли и вынесла решение:
поручика Дантеса (Геккерна) и секунданта Пушкина Данзаса – по-
весить. Второй секундант виконт д'Аршиак, как иностранный
дипломат, подвергался высылке из России. По правилам ре-
шение суда проходило еще несколько инстанций, прежде чем по-
пасть на окончательное утверждение к царю. По мнению ко-
мандира полка Гринвальда Дантеса следовало бы лишить дво-
рянства и рядовым отправить в дальние гарнизоны или на Кавка-
воевать. Командир бригады Мейендорф поддержал его мнение
начальник дивизии Апраксин – тоже. И далее практически все
вышестоящие начальники подтверждали это решение. Данзаса
же, как виновного менее всех, предлагали только подвергнуть
заключению в крепости в течение нескольких месяцев. 18 марта

1837 года Николай написал на представленных документах: «Быть по сему, но рядового Геккерна, как не русского подданного, выслать с жандармом за границу, отобрав офицерские патенты».Таким образом император не согласился с решением офицеров и генералов всех уровней и, по сути, простил его. Дантес был выслан и никогда больше не появлялся в России. Что касается «зловещей красавицы», то Идалия Полетика сохранила ненависть к поэту до конца своих дней. Даже спустя много времени в 1884 году она говорила, что «ее оскорбляет воздвигаемая в Одессе статуя Пушкина и что она намерена поехать и плюнуть на него».

Во время следствия кавалергарды пытались из традиционного чувства солидарности повлиять на мнение комиссии, выгораживая Дантеса. Заметим, что офицером-то он был паршивым – одних только взысканий за три года службы заработал 44.Успеха эта затея, как мы видели, не имела и только представила полк в дурном свете. «У них достало бесстыдства превратить эту историю в дело партии, в дело чести полка» – негодовал известный поэт и друг Пушкина П.А.Вяземский в феврале 1837 года.

Спустя четыре года начавшаяся было забываться дуэль получила неожиданное продолжение – под Пятигорском отставным кавалергардом Н.Мартыновым на поединке убит М.Лермонтов. Довольно близкие отношения этих людей (они вместе учились в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров) начали портиться в 1837 году после появления знаменитого стихотворения Лермонтова «На смерть поэта». Кавалергардский поручик Мартынов, видимо, разделял враждебную настороженность офицеров полка к автору этого стихотворения. По существовавшим тогда правилам гвардейцы посылали на год по одному офицеру от каждого полка на Кавказ для приобретения там боевого опыта. Отправился туда и Мартынов. Местная экзотика настолько увлекла офицера, что он, выйдя в отставку в 1841 году, остался там жить. 15 июля того же года судьба свела его на поединке с Лермонтовым. Мы помним и причину, и последствия этой дуэли. История получила неожиданную для полка логическую связь с гибелью Пушкина, подкрепленную еще и тем, что один из секундантов Мартынова, князь С.Трубецкой, был тоже из кавалергардов, отправленный на Кавказ за буйное поведение. От мрачной шутки по этому поводу не удержался и цесаревич Александр Николаевич в разговоре с поэтом Мятлевым: «Берегись, поэтам худо, кавалергарды убивают их, смотри, чтобы и тебя не убили».

Все же со временем эмоции по поводу этих двух нашумевших поединков улеглись. Более того, в 1844 году состоялась свадьба Натальи Николаевны Пушкиной с Петром Петровичем Ланским, бывшим кавалергардским полковником, только что получившим чин генерал-майора и должность командующего л-гв. Конным полком. Назначение младшего из четырех братьев-кавалергардов на эту должность было для всех неожиданностью. По-видимому, царь, как шеф конногвардейцев, решил постепенно смяг-

П.П.Ланской (1799-1877).

чать традиционную взаимную не-
приязнь двух полков и сделал
первый шаг. Аккуратный, сдер-
жанный и честный Ланской хо-
рошо подходил для этой роли.
Что же касается его семейной
жизни, то сложилась она вполне
удачно, несмотря на тринадцати-
летнюю разницу в возрасте суп-
ругов. Наталья Николаевна ро-
дила трех дочерей, которые все
вышли замуж за офицеров-кава-
лергардов.

Через несколько лет после
этих событий у кавалергардов
появилась возможность отли-
читься не только на дуэлях, но и
на полях сражений. 1848-й год
потряс Европу революционными
войнами. Поднялась на борьбу
за независимость входившая в состав искусственно созданной
монархии Венгрия. За короткое время венграм удалось собрать
значительные силы из частей австро-венгерской армии и гонведа
– ополчения. Австрийские войска явно не могли справиться с
мощным национальным движением, потерпели несколько замет-
ных поражений и правительство страны было вынуждено обра-
титься к России за экстренной помощью. Николай, как сторонник
самых жестких мер по отношению к любым мятежникам, приказал
немедленно сформировать экспедиционную армию из частей че-
тырех корпусов, расположенных на западной границе. Командо-
вание армией принял генерал-фельдмаршал Паскевич-Эриван-
ский. В апреле 1849 года русские войска двинулись в Галицию и
вскоре втянулись в нелегкие бои.

Гвардии тоже было приказано готовиться к походу. Тут и нача-
ли выявляться все не достатки в ее практической, боевой подго-
товке, задвинутой в последние годы на задний план немыслимой
парадоманией высшего командования. Ничуть не лучше, чем вез-
де, было положение и в Кавалергардском полку. «Обращалось са-
мое мелочное внимание на пеший строй, на делание приемов с
небоевым оружием, каким были карабины, исключительно упот-
реблявшиеся в караулах, на езду в лосинах, которые, как и кара-
бины, в поход не брались» – мрачно замечал современник. Бое-
вое оружие и походное снаряжение находилось в запущенном
состоянии или отсутствовало вовсе. Так, срочно для офицеров
были заказаны и куплены на Сестрорецком и Тульском ору-
жейных заводах штатные пистолеты по 27 рублей 70 копеек за
пару. Удачей можно считать заблаговременное (в 1848 году) ука-
зание Михаила Павловича офицерам «без малейшего замедле-

ния распорядиться заготовлением для себя непроницаемых для пуль кирас».Такие кирасы были – в сороковые годы прошлого века русские мастера в Златоусте делали кирасы, выдерживающие удар пули, выпущенной из гладкоствольного оружия с расстояния 60 шагов. Именно так и обстреливали на заводе готовые изделия при их приемке. Кираса считалась годной, если при этом на ней не оставалось даже царапины от попавшей пули.

Наверное, чтобы поднять настроение полка, императрица 21-го апреля пожаловала кавалергардам старинные серебряные литавры, бывшие в Кавалергардском корпусе во время коронации Екатерины I. До этого времени, как историческая реликвия, они хранились в Оружейной палате Кремля, затем Николай распорядился изъять их оттуда и Александра Федоровна от своего имени, как шеф, преподнесла их полку. «Пожалованные литавры употреблять всегда во фронте полка, а состоящие ныне поставить в полковой церкви под старыми штандартами» – было написано в приказе.

Наконец все было приведено в относительный порядок, сборы закончились и после нескольких смотров в 7 часов утра 2-го июня кавалергарды выступили в поход. Шли неспешно, проходя в среднем за день около 24-х верст. Непривычные к постоянной нагрузке лошади уставали, ведь до сих пор от них требовали и добивались только тела «жирного и прочного, а шерсти – холеной». Тем не менее они быстро втягивались в работу – все-таки светло-гнедые красавцы отбирались для полка на лучших российских конезаводах и стоили по тем временам больших денег. Солдатская лошадь обходилась казне в 500 рублей. За особо удачную покупку командир полка часто доплачивал ремонтерам (команде, отправляемой для закупки лошадей) в виде премии значительные суммы. Так, Р.Е.Гринвальд платил по 150 рублей за солдатскую лошадь и до 1000 за вахмистрскую. Дополнительные затраты окупались с лихвой – могучие всадники на громадных, в масть подобранных лошадях, производили чарующее впечатление на начальство. Офицерам же приходилось самим тратиться на своих скакунов. До 1833 года только 25% их штатного количества закупалось на казенные средства, а после и это правило отменили. Разумеется, офицеры не могли позорить свой лучший в российской кавалерии полк и должны были приобретать лучших кровных лошадей. Видно в те времена родилась в полку поговорка: «Голубая кровь течет не только в офицерах, но и в их лошадях».

По мере продвижения гвардейской кавалерии к местам боевых действий, все чаще приходили известия о победах русского оружия над повстанцами. Исход борьбы сомнений не вызывал - Россия бросила против венгров более 125 тысяч человек. Поэтому попытки гвардейского начальства придать походу характер боевого успеха не имели – никто не воспринимал эти требования всерьез. Более того, как отмечали сами участники похода, офицеры гвардии взяли с собой слишком много денег, «вследствие чего, в каждом городе, который проходили, были страшные кутe-

С.Д.Безобразов (1801-1879). Командир полка с 1848 по 1851.

жи, особенно в Риге» .В конце июля кирасирская дивизия была остановлена в Вилькомире – война в Венгрии заканчивалась. Еще немного и боевые действия прекратились. Для помощи австрийским властям в наведении порядка в Трансильвании осталась 15-я пехотная дивизия, а все остальные войска двинулись обратно в Россию. Помощь бывшему союзнику обошлась нам в три с лишним тысячи убитых и раненых и около 11 тысяч умерших от болезней.

В сентябре домой отправилась и гвардия. Наверное еще никогда полк не оказывался в столь расстроенном состоянии. Дисциплина за время похода упала далеко ниже допустимого уровня. Глядя на офицеров, разболтались и солдаты. Неоднократно в городах задерживали кавалергардов «в портках, в расстегнутых колетах и в пьяном, развратном виде».На подходе к столице полк слегка подтянулся – на нескольких офицеров были наложены взыскания, разжалованы в рядовые трое загулявших унтеров и за повторный случай неумеренного пьянства одному кавалергарду выдали 300 ударов. Конечно, обрести былую форму полк не успел и 29 октября на Дворцовой площади на параде по случаю возвращения в столицу, император устроил разнос: «Отмечаю неопрятность седлания и одежды солдатской, нечистоту лошадей. Невнимание большей части офицеров во время прохождения церемониальным маршем: рысили, шли далеко от взводов, другие шли тупым и вялым шагом и задерживали свои взводы и вообще отсутствовало необходимое для гвардейского офицера щегольство». Самым удивительным было то, что такие грубые с точки зрения Николая нарушения порядка, обошлись полку без последствий. Так завершилось участие полка в Венгерском походе. В 1850 году все участники похода: генералы, офицеры, нижние чины, классные и медицинские чиновники, полковые священники и нестроевые чины были награждены специальной серебряной медалью с надписью: «За усмирение Венгрии и Трансильвании 1849».

Казалось бы, выявившиеся во время Венгерской войны недостатки, должны были бы насторожить высшее начальство. Однако, громкое ликование по поводу довольно легкой победы заг-

лушило голоса скептиков, настаивавших на реформе армии, изменении принципов ее обучения и ее перевооружении. В числе этих людей был цесаревич Александр Николаевич, занявший должность командующего гвардией вместо умершего в августе 1849 года великого князя Михаила Павловича. Одновременно наследник престола числился в штате Кавалергардского полка, в который он был принят еще двенадцатилетним мальчиком 1 июля 1830 года. Конечно, служба его носила эпизодический характер - сначала цесаревич находился в рядах лейб-эскадрона, затем несколько раз командовал им на парадах, но проблемы кавалергардов и вообще армии он понимал в полной мере. Ему не пришлось участвовать в боях и воинскую науку он постигал на практике в строю и в теории под руководством отца .Надо заметить, что обучение сына самому главному для царя делу, Николай начал с 5-6-летнего возраста наследника. По весьма любопытным воспоминаниям воспитателя цесаревича Мердера, несколько раз в неделю в отведенное время на игрушечном поле сражения сходились две армии – одна под руководством Александра, другой командовал его друг граф Виельгорский. Роль начальника штаба одной из сторон (по жребию) выполнял сам Николай. После завершения «кампании» следовал обязательный детальный разбор действий обоих «полководцев».

Повзрослевший цесаревич участвовал в жизни армии, занимая все более высокие должности и, как мы уже говорили, стал теперь командовать гвардией. Конечно, он не мог сделать многого из того, что считал нужным, не имея на то власти, но некоторые изменения он все же провел. Так система обучения гвардии стала больше ориентирована на отработку действительно нужных в бою навыков, сократились до минимума парадные манипуляции с карабинами и т.д. С 1852 года он стал проводить смотры лучших стрелков в полку, организовав соревнования, в которых участвовали команды из 1-2 унтеров и 5 рядовых от каждого эскадрона .Его инициативе обязаны кавалеристы-офицеры введению походных шинелей взамен знаменитых «николаевских» шинелей с длинными пелеринами, крайне неудобных для ношения всадниками.

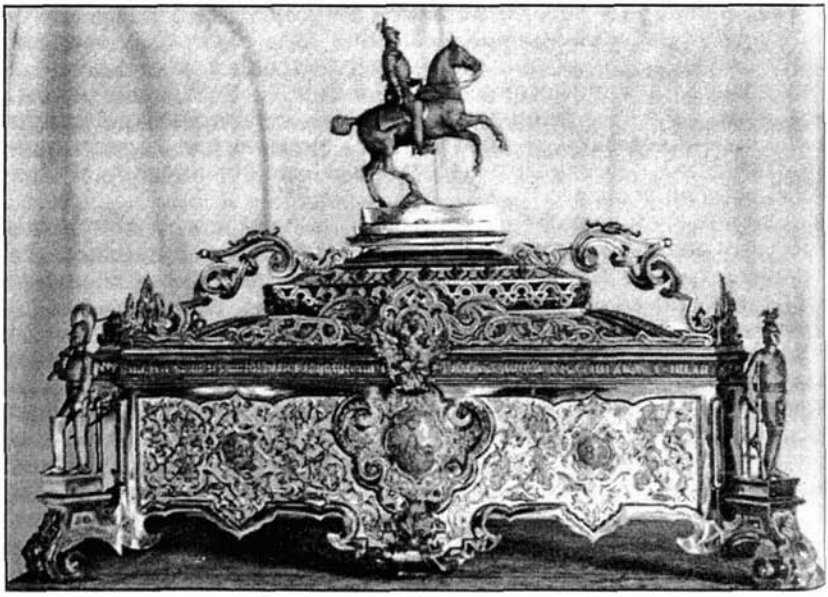
В целом, конечно, все оставалось по-прежнему. Все так же полк уйму времени уделял участию во всевозможных придворных праздниках, еще больше на них были заняты офицеры полка. Особенно насыщенным в этом отношении становилось лето, когда кавалергарды перемещались на побережье в окрестности Петергофа. С 1 июля – дня рождения Александры Федоровны, там начинался сезон: балы в Большом дворце, вечера в «Александрии», маскарады в петергофском парке. Гвардейцы несли службу на всех этих праздниках. Интересно, что в такие дни в парке к некоторым фонтанам, например, к «Адаму», «Еве», «Римским водам», выставлялись караулы. За порядком следили специальные патрули с офицерами во главе. По инструкции от них требовалось набюдать «чтобы не было ссор и драк и отнюдь не позволять курить трубки и сигары,... оказывавшихся в том

виновными – после повторения – брать немедленно под арест».

Из запомнившихся многим праздников особо надо отметить торжества по поводу 25-летия шефства императрицы над кавалергардами. К 1 июля 1851 года в Петергоф со всей страны съехалось множество офицеров, прежде служивших в полку. Не забыли и пригласить отставных солдат, живших в Петербурге и его окрестностях. Перед праздником произошло неприятное событие, чуть бы ло не поставившее его проведение под угрозу срыва. Корнет Э.Розен совершил «неприличный офицерскому званию поступок, имевший последствием поединок с поручиком сего полка графом Гендриковым и смерть сего последнего от нанесенной ему раны». Розена разжаловали в рядовые и отправили на Кавказ, где через три года он погиб в одном из боев с горцами Любопытно, что был наказан и командир полка С.Безобразов – ему объявили строгий выговор «за допущение названных офицеров совершить преступление и взыскано 52 рубля 31 копейку за производство дела о дуэли». В результате все же решили не огорчать собравшихся ветеранов полка, среди которых были еще участники Отечественной войны и торжества состоялись.

Известный русский военный историк А.В.Висковатов подготовил «Историю кавалергардов и Кавалергардского Ея Величества полка», один экземпляр которой был преподнесен императрице. Ей же вручили серию (98 листов) прекрасных рисунков и портретов кавалергардов, выполненную лучшими акварелистами того времени: Соколовым, Шарлеманем и братьями Гау. Для хранения

Знаменитый ларец императрицы для хранения акварелей.



этих акварелей предназначался великолепный серебряный ларец, крышку которого украшала фигура кавалергарда на вздыбленной лошади. Еще четыре пешие фигуры в полковой форме разных периодов находились на углах ларца. Интересна и трагична судьба этих рисунков и их хранилища. В 1899 году Николай II передал ларец в офицерское собрание полка, чтобы все могли любоваться хранящимися в нем шедеврами. После революции полковая реликвия проделала сложный и опасный путь по дорогам гражданской войны, по странам Европы и, наконец, оказалась в Музее инвалидов в Париже. Важно то, что ларец с почти не тронутым содержимым (за годы скитаний было утрачено всего 9 листов) находится в музее только на хранении, не являясь его собственностью. Может быть наступит день, когда эта замечательная коллекция вернется на родину.

В программу праздника, как всегда в торжественных случаях, вошла служба в церкви Большого дворца, церемониальный марш полка и огромное застолье, в котором участвовали все кавалергарды – и бывшие, и нынешние. Все пирующие гости тогда не подозревали, что совсем скоро страна окажется вынужденной сражаться с целой коалицией и потерпит сокрушительное поражение, равному которому еще не было в ее истории.

20 октября 1853 года Россия объявила войну Турции. Традиционный наш противник также традиционно был бит в первый период войны. Опасавшиеся усиления России на Ближнем востоке, на Балканах и, теперь уже спасая от разгрома Турцию, начали враждебные нам действия Великобритания и Франция. 9 февраля 1854 года русское правительство объявило о состоянии войны и с этими странами. Получившая название Восточной, война разгоралась на многих фронтах – на Кавказе, на Черном море, Балтике, Дальнем Востоке.

Подготовка гвардейцев к участию в войне пошла еще медлен-

Смотр полку шефом императрицей Александрой Федоровной.

нее и более странно, чем во времена Венгерской войны. Чего стоит только решение о форсировании обучению пешему строю, для руководства которым прибыли к кавалергардам унтер-офицеры из Преображенского и Семеновского полков. В приказе на этот счет говорилось: «...завтрашнего числа и впредь до приказания пешие учения проводить следующим образом: от начала учения час времени заниматься одиночною выправкою, а в остальные полчаса сводить нижних чинов в шеренги и пошереножно пропускать тихими и скорыми шагами». И обучались шагать не какие-нибудь новобранцы, а основной кадр части, давно усвоивший эту премудрость. Появление весной 1854 года в Балтийском море англо-французской эскадры заставило, наконец, бросить шагистику и «немедленно приступить к отточению палашей и заострить концы пик». Опасаясь высадки неприятельского десанта, начальство начало спешно стягивать гвардию к побережью. Кирасирская дивизия, в которую входили и кавалергарды, составила «Стрельнинский отряд», расположившийся невдалеке от Петергофа. Первое время полк чувствовал себя, как на Красносельских маневрах. Десант неприятеля все не высаживался, его так и не дождались вообще. Делать отряду было нечего. Периодически проходили привычные смотры, по воскресеньям и праздничным дням офицеры ездили ко двору своего шефа в Петергоф.

В конце июня гвардейский корпус стал перемещаться ближе к западной границе и к ноябрю кавалергарды дошли до Брест-Литовска, где и зазимовали.

Начало 1855 года принесло России тяжелые известия. Начавшиеся переговоры о прекращении военных действий были прерваны из-за совершенно неприемлемых для нас условий, выдвинутых союзниками, Кроме того, только что спасенная Россией Австрия объявила о вступлении в союз с Великобританией и Францией. Так нужные в Крыму наши войска теперь оказывались привязанными к юго-западной границе, где накапливались австрийские корпуса. Такую же угрожающую позицию заняла и Пруссия. Действия наших бывших союзников по борьбе с Наполеоном вызвали справедливое негодование в обществе. Австрию мы спасли от развала, а Пруссия совсем недавно клялась в вечной дружбе. И обстоятельства, при которых раздавались эти клятвы, были еще хорошо памятны.

В 1840 году в Берлине состоялось пышное празднование столетия гвардейского кирасирского полка «Garde-du-corps» – аналога наших кавалергардов. На праздник были приглашены и наши гвардейцы. Интересно, что делегация полка прибыла в Пруссию морем на пароходе из Кронштадта. В ее составе находилось 4 офицера, 64 нижних чина и 54 предназначенные в подарок отличные лошади, отобранные в наших гвардейских кавалерийских полках. Во время торжественного марша по улицам Берлина гвардейцы шли в одном строю с пруссаками. Занятно, что именно с этим полком кавалергарды дрались на Бородинском поле. Тогда нашим противникам здорово не повезло – из сражения полк вышел, потеряв более половины своего состава. Всего же из Рос-

сии в 1812 году удалось выбраться 27 кирасирам, еще 48 человек позже вернулись из нашего плена. В эти праздничные дни умер король Пруссии Фридрих-Вильгельм III. Кавалергарды были тогда представлены его сыну и наследнику вместе с другими чинами русской правительственной делегации и участвовали в траурной церемонии. «Вчера дежурили у гроба наши генерал- и флигель-адъютанты, сегодня на часах стоят наши кавалергарды, словом, все делается, чтобы доказать, что потеря наша общая, и что память к нему, общая в нас, залог к будущей нашей дружбе и союзу» отметил в своем дневнике граф В.Сологуб. Тогда взаимоотношения Пруссии и России представлялись безоблачными. Теперь же наши войска прикрывали от пруссаков свою столицу.

Весь 1855 год кавалергарды простояли в Бресте и Вилькомире. С большим опозданием до гвардейского корпуса доходили известия о беспримерной по упорству обороне Севастополя, частных успехах русских войск на Кавказе, о взятии Карса. Гораздо быстрее долетела до них печальная весть о кончине императора Николая Павловича. Внешне крепкого и статного Николая болезнь свалила почти моментально. В значительной степени она была вызвана очевидным крахом всей государственной системы, так долго и трудно выстраиваемой им в течение 30 лет. «Мне хотелось, – сказал он перед смертью наследнику, – приняв на себя все трудное, все тяжкое, оставить тебе все царство мирное, устроенное и счастливое. Провидение судило иначе». Теперь на плечи Александра ложилась ответственность за итоги Восточной войны.

С падением Севастополя в конце 1855 года боевые действия практически прекратились. Россия была измотана в этой затяжной борьбе, но не менее выдохлись и союзники. Только угроза вступления в войну свежих сил Австрии, Пруссии, Швеции, чего Россия уже бы не выдержала, заставила стороны начать переговоры. Наступило время дипломатов, которые и должны были окончательно определить победителей и побежденных.

Кавалергарды еще долго простояли в Вилькомире. Лишь 25 марта 1856 года они покинули свои квартиры. Путь их лежал в Москву на коронацию нового императора Александра II Николаевича, с царствованием которого в России началось новое время – время реформ.

МИРНЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ

Весь гвардейский корпус подтянулся в Москву к середине июля. Настроение гвардейцев, да и всей армии не было радостным. Восточная война оказалась проигранной начисто. По условиям мирного договора, подписанного в Париже 18 марта 1856 года, Россия лишалась флота и военно-морских баз на Черном море, уступала Турции южную часть Бессарабии, возвращала Карс. Молдавия, Валахия, Сербия оставались под турецким игом. О катастрофическом падении международного авторитета страны и армии даже вспоминать не хотелось. Кроме того, война унесла из казны около 800 миллионов рублей. Потери нашей армии и флота составили более 522 тысяч человек. Необходимость коренных реформ четко осознавалась новым императором и он энергично возьмется за их проведение. Пока же надо было показать всем, что Россия не потеряла способность радоваться. Созданию такого впечатления должен был способствовать пышный коронационный праздник, на проведение которого правительство сумело выделить около миллиона рублей серебром.

17 августа двор торжественно въезжал в Москву. Зрелище это было действительно великолепным. Сменяя друг друга ехали живописные отряды всадников: конные жандармы, конвой императора, черноморские и гвардейские казаки, представители многочисленных народов, входящих в состав России (калмыки, татары, дагестанцы, армяне, грузины, курды и т.д.), гвардейская кавалерия. Хочется думать, что лучше всех выглядел наш полк. По крайней мере это следует из репортажа корреспондента лондонской «Times»: «...следовал отряд кавалергардов, на отличных лошадях, в блестящих позолоченных кирасах, с серебряными орлами на шлемах. Это отборные люди из семидесяти миллионов русских подданных, самые рослые из виденных мною воинов. Этот отряд состоял человек из двухсот. Блестящие их латы и шлемы ослепляли зрителей. По наружности офицеры отличались от рядовых только красотою и выездкой своих лошадей».

Дни перед главным событием праздника двор провел в Останкине у графа Д.Н.Шереметева. Дмитрий Николаевич к тому времени уже вышел в отставку со скромным чином ротмистра, а его место в строю должен был занять его сын – Сергей Дмитриевич. Кроме Шереметева-младшего в полку служили сыновья многих героев предыдущих глав: Михаил Николаевич Депрерадович, Николай Евдокимович Давыдов, Сергей Михайлович Бутурлин, Николай Васильевич Левашев и другие. Вообще служба в кавалергардах становится семейной традицией. Так, за период

1825 по 1905 годы в списках полка значилось 11 Шереметевых, 9 Араповых, 8 Голицыных, 7 Гендриковых. Не на много отставали от них в представительстве Оболенские, Родзянки, Толстые, Кочубеи и другие славные русские фамилии. Многие из них находились в кавалергардском строю и 26 августа при коронации Александра II.

Отшумела праздничная Москва и снова центр событий переместился в столицу. Началась активная деятельность по выводу страны и армии из послевоенного кризиса. Любопытно, что по старой русской привычке реформа армии началась с реформы обмундирования. Продержавшиеся более 50 лет мундиры фрачного покроя сменились «полукафтаньями» – длинными темными куртками, конечно, более удобными для ношения. Появились легкие белые парусиновые и полотняные кители, головными уборами становятся кепи. Меняется и форма гвардейских кирасир. Как ни странно, они получают заимствованного в Пруссии покроя белые колеты с цветными галунами. Роскошный парадный комплект (лосины, супервесты, ботфорты) сохранили для торжественных случаев только кавалергарды и конногвардейцы.

Разумеется, изменениями формы не исчерпывались проводимые преобразования. Шла реорганизация всей государственной системы, включая святая святых России – крепостное право. В военной области отметим появление закона о всеобщей воинской повинности (1 января 1874 года), по которому «Защита Престола и Отечества есть священная обязанность каждого русского подданного. А потому воинской повинности подлежит все мужское население без различия сословий». Призывной возраст был определен в 21 год. Срок солдатской службы теперь составил 15 лет, из которых 6 лет действительной службы в армии и 9 лет в запасе.

Основным помощником Александра и «мозгом» реформ стал известный русский военный деятель Дмитрий Алексеевич Милютин, в 1861 году назначенный военным министром. Именно ему и его единомышленникам принадлежит заслуга быстрого возрождения армии. Кстати, Милютин был сторонником сохранения особо привлекательной и красивой парадной формы. Памятен его блестящий ответ оппонентам, утверждавшим, что военный мундир не более, чем рабочий костюм и, потому, он не нуждается в украшениях. «Да, – одежда эта рабочая, – соглашался Дмитрий Алексеевич, – но и работа наша особенная. Ведь дабы ее сделать, надо жертвовать жизнью, а если это так, то и наша рабочая одежда приобретает такое высокое значение, с каким ничья профессиональная одежда не может сравниться».

Еще не оправившаяся от предыдущей войны, русская армия в 1863 году оказывается вновь втянутой в боевые действия. В ночь с 22 на 23 января произошло нападение отрядов польских повстанцев на ряд русских частей, расположенных в Польше. Через короткое время восстание охватило всю Польшу, Литву, часть Белоруссии и Правобережной Украины. Для восстановления порядка были срочно мобилизованы значительные армейс-

Кавалергарды 1856.

кие силы. Гвардейских кирасир все же решили не трогать и кавалергарды остались в столице. Однако, с этой войной оказалось связано начало боевой деятельности одного из самых знаменитых русских генералов и народного героя Болгарии Михаила Дмитриевича Скобелева.

В тот год кавалергардский корнет Скобелев, находясь в отпуске, оказывается в районе боевых действий, присоединяется к подразделениям лейб-гвардии Преображенского полка и весь отпуск проводит в схватках с польскими отрядами .Вернувшись в полк, молодой офицер уже не может спокойно заниматься обычными делами – идет война и его место там. Он подает рапорт с просьбой о переводе в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк... по состоянию здоровья. Каким способом – неизвестно, но Михаилу Дмитриевичу удается получить требуемое заключение полкового врача: «Корнет Скобелев, вследствие неоднократного падения с лошади и ушибов, полученных от нея в грудь, часто чувствует тупую боль в груди, при ношении же кирасы всякий раз боль эта усиливается, а потому нахожу я необходимым по крайней мере на несколько лет переменить род службы и поступить в легкую кавалерию». Этот замечательный документ сыграл свою роль и прошение было удовлетворено, но только в марте 1864 года. Восстание к тому времени уже близилось к разгрому и корнет захватил лишь конец боевых действий, но все же успел заработать орден св.Анны 4-й степени и чин поручика. Эти успехи были первыми на блистательном боевом пути Скобелева.

М.Д.Скобелев. (1843-1882)

Надежной опорой и помощником Михаилу Дмитриевичу всегда был его отец – Дмитрий Иванович. Слава сына оставляла в тени деятельность отца, хотя Д.Скобелев тоже достоин внимания. Мало кто из кавалергардов его поколения мог похвастаться таким активным и удачным участием в сражениях. Пройдя Венгерскую войну, Восточную и Русско-Турецкую 1877-1878 годов, Дмитрий Иванович имел чин генерал-лейтенанта и множество наград, среди которых и ордена св.Георгия 3-й и 4-й степени. В промежутке красавец-офицер и флигель-адъютант успел побывать даже командиром Конвоя Его величества. Стоит заметить, что отец этого близкого ко двору блестящего кавалергарда – Иван Никитич был крестьянским сыном, начавшим в 14 лет службу в пехотном полку. Произведенный за храбрость в офицеры, он прошел войны с турками, шведами, кампании 1812-1814 годов, отличился в Бородинском сражении, будучи адъютантом М.И. Кутузова. Дослужился до чина генерала от инфантерии, заканчивал свой путь в должности коменданта Петропавловской крепости. И такие карьеры видела русская армия. К сожалению, со смертью Михаила Дмитриевича история семьи воинов Скобелевых закончилась.

Конечно совершать воинские подвиги в тот период кавалергарды могли только покидая временно или насовсем свой полк - гвардейские кирасиры прочно обосновались в Петербурге. Служба не слишком обременяла гвардейцев, их уже окончательно стали воспринимать как необходимое и эффектное украшение столицы. Сокращены были и штаты кирасирских полков до четырех действующих эскадронов по 120 человек в каждом. Времена бесконечных и монотонных парадных учений ушли в прошлое. Более свободная жизнь не замедлила проявиться в заметном ослаблении дисциплины и в отношении к внешнему виду. Вновь в приказах по полку появляются замечания на этот счет. «Небрежность эта в одежде ныне, более, чем когда-либо не извинительна, ибо новая форма обмундирования и без того удобна и покойна, и от нас самих зависит придать ей щеголеватость, столь необходимую для всякого офицера, но для гвардейского в особенности. Любопытно, что появилась мода на длинные прически с пробором по середине головы «от лба и до спины», что

Кавалергард в воскресной форме. 1856-1882.

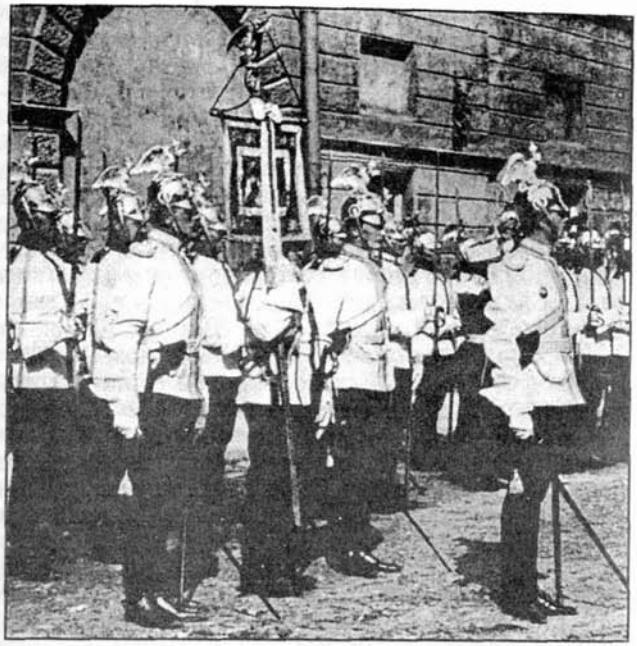
также приводило в ужас начальство .Не отставали от офицеров по части моды и солдаты. Особым шиком у них считалось прогуляться в выходной день в шинели неформенного дорогого сукна и в сапогах на высоченных каблуках.

Долгие годы шла размеренная столичная жизнь, прерываемая редкими всплесками юбилеев и праздников. Один из таких праздников прошел 1-го июля 1880 года. В этот день полк отмечал 50-летие вступления в свои ряды императора Александра II, который с 1860 года (со дня смерти Александры Федоровны) был и шефом полка. Характерной чертой таких юбилеев было то, что на них всегда с огромным желанием съезжались все бывшие кавалергарды. И на этот раз в Красное Село прибыл 131 «старослуживший» кирасир и несчитанное множество офицеров.

С интересом и уважением встречали офицеров – участников только закончившейся победой русско-турецкой войны за освобождение Болгарии, героев Плевны и Шипки: А.В.Барятинского, В.М.Безобразова, Р.Р. Унгерн-Штернберга и других. Особое внимание оказывали графу Федору Эдуардовичу Келлеру – кавалеру ордена св. Георгия 4-й степени, отличившемуся под Плевной. Там он сражался под командованием М.Д.Скобелева и был его правой рукой. «Если меня убьют – слушаться графа Келлера! Он знает все!» – определил его обязанности Скобелев в этом горячем сражении.

По общему мнению праздник прошел замечательно. Соседи по кирасирской дивизии прислали хоры трубачей, нижним чинам полка были пожалованы значительные денежные премии, а общий обед отличался братской непринужденностью.

Собравшиеся тогда кавалергарды не знали, что менее, чем через год их высочайшего шефа и однополчанина не будет в живых. Уже не раз члены революционной организации «Народная воля» пытались убить императора. Неудачей закончились покушения Березовского, Каракозова, Соловьева, Халтурина. Наконец, 1 марта 1881 года взрыв бомбы, брошенной Гриневецким, смертельно ранил Александра на набережной Екатерининского канала. Терроризм никогда не был действенным и одобряемым



Корнет барон П.А.Бильдерлинг перед штандартом при освящении храма Спаса на крови в С-Петербурге.

способом политической борьбы. Здесь же убийство Александра II – популярного в народе царя и объективно разумного главы государства вызвало весь спектр эмоций – от негодования до скорби. На месте покушения было решено построить храм «Воскресения на крови», который своей великолепной архитектурой и изяществом отделки радует глаз и поныне. Средства на его создание собирались по стране по подписке.

Кавалергарды, разумеется, не остались в стороне от этого благого дела. Они решили заказать для оформления храма две большие мозаичные иконы и собрали на них более 23-х тысяч рублей. Тогда все серьезно относились к реализации собственных идей. Полк объявил конкурс на лучший эскиз икóн и пригласил участвовать в нем известных русских художников: В.М.Васнецова, В.П. Верещагина, Н.А.Бруни, М.В.Нестерова, И.К. Макарова. Победителя должно было определить представительное жюри во главе с вице-президентом Академии художеств И.И. Толстым. Вот что мог тогда позволить себе один гвардейский полк и насколько тесной была его связь с обществом, степень участия в общественной жизни. В результате этих действий иконы в свое время заняли отведенное им место в храме вместе с серебряными лампадами, изготовленными к ним (тоже по заказу полка) знаменитой ювелирной фирмой Фаберже. Оставшиеся неистраченными деньги кавалергарды решили пустить на образование, говоря современным языком «Фонда памяти императора Александра II». Проценты от этого капитала шли на обучение воспитанника полковой школы «регентскому искусству или игре на медном духовом инструменте, а также на покупку обучающемуся инструмента и нот».

Уже весной 1882 года началась подготовка к предстоящей коронации нового императора Александра III Александровича. Второй сын Александра II (первый его сын умер в 1865 году) воинскую службу начал еще в шестилетнем возрасте – 1 августа 1851 года он находился в карауле от лейб-гвардии Павловского полка в Гатчине при открытии там памятника Павлу I. В 1865 году наследник-цесаревич зачислен в списки Кавалергардского полка, а годом позже он становится вторым шефом полков, в которых первым шефом был император. Поэтому кавалергарды прекрасно знали нового царя не только по своей службе во дворце, но и по чисто полковым делам. Александр тоже отличал кавалергардов и этот полк стал единственным, назначенным для участия в предстоящих торжествах в полном составе. Любопытно отметить новый подход в идеологической подготовке нижних чинов, проявившийся в это время. Если раньше за 25 лет службы солдаты успевали стать в полном смысле профессионалами во всех отношениях, в том числе и сжиться с незыблемыми идеологическими догмами, то сейчас быстро сменяемые кадры требовалось настраивать особо. Для этого была создана специальная историческая справка о происхождении обряда коронования, его значении, о венчании на царство всех русских самодержцев и, конечно, о той почетной и ответственной роли, которую всегда играли кавалергарды в этих событиях. В качестве иллюстраций солдатам показывали сделанные по заказу и на деньги офицеров полка «туманные картины» – прообраз современных диафильмов. Все это – и книгу, и картины, несколько раз «прошли» на занятиях в течение года и требуемый результат был достигнут.

Впервые на праздник в Москву кавалергарды отправились по железной дороге. Для перевозки полка были специально сформированы четыре эшелона, которые со всеми возможными удобствами менее чем за трое суток доставили и людей и лошадей до места назначения.

Подробности коронационных торжеств и их кульминацию (15 мая) мы описывать не будем – с каждым разом они становились все пышнее, все богаче оформленными, все больше принимало в них участие и действующих лиц и зрителей. Отметим лишь впечатление стороннего очевидца от прохождения нашего полка «...прошли молодецки и доставили москвичам большое удовольствие. В Москве всегда любили и любят гвардию, тем более, что гвардия показывается в Москве в самом блестящем виде. Кавалергардская экипировка и лошади кавалергардского и конного полков с молодыми солдатами и офицерами могут ли не понравиться?».

26 мая 1883 года кавалергарды участвовали в значительном событии в жизни России – освящении храма Христа Спасителя. Величественный и народный памятник победам нашего государства в войнах 1812-1814 годов стоит того, чтобы мы вновь напомнили читателям о нем. Впервые идея сооружения такого памятника появилась сразу после завершения войны. В 1815 году был объявлен конкурс, победителем которого стал архитектор

К.Витберг. В начале 1820-х годов началось строительство храма на Воробьевых горах, но по ряду причин объективного и субъективного характера от продолжения строительства пришлось отказаться.

Вновь к этой мысли возвращается уже Николай I. Он выбирает для храма новое место на берегу Москвы-реки неподалеку от Кремля. Уже без всякого конкурса главным архитектором назначается К.А.Тон, завоевавший известность постройкой Большого и Малого Кремлевских дворцов, Ору жейной палаты и ряда церквей. Архитектор получает полную свободу действий. Единственным условием, поставленным ему императором, стало требование привлекать к работе только отечественных мастеров и использовать только отечественные материалы. Представленный Тоном проект был утвержден в 1832 году и спустя семь лет строительство началось. Грандиозный храм (его верхняя точка уходила за отметку 100 метров) был завершен только в 1882 году. Общая его стоимость составила 15,2 миллиона золотых рублей, из которой только часть собралась из народных пожертвований.

Храм действительно стал памятником Отечественной войны. «Здание коридором опоясывала Галерея воинской славы, где на мраморных досках описывались сражения России с Францией... На плитах были занесены имена убитых и раненых офицеров и общее число выбывших из строя нижних чинов...и указывалось количество пожертвований с точностью до рубля от каждой губернии, учреждений, от сотен дворян, купцов, мещан и крестьян. Последняя мраморная доска...передавала потомству манифест о взятии Парижа, низложении Наполеона, о водворении мира в Европе» – так описывает его российский исторический календарь.

Храм представлял собой и великолепное произведение русского искусства. В его оформлении участвовали известные художники: В.М.Васнецов, Ф.А.Бруни, А.И. Корзухин, И.Н.Крамской, братья Маковские, В.И. Суриков, И.М.Прянишников, Г.К. Семирадский и ряд других.

Собравшиеся на освящение храма войска после молебна и парада были распущены для знакомства с памятником. Солдаты и офицеры разных частей, перемешавшись, ходили по галерее, находили знакомые фамилии, названия полков, вспоминали рассказы о ставших легендарными событиях. Все тогда были уверены, что с сооружением храма выполнена главная задача – гарантированно сохранится память о тех героических годах и людях. Эту мысль и надежду отлично сформулировал один из офицеров Лубенского гусарского полка: «...начертаны имена полков, своею грудью защищавших и спасших Россию от гибели и позора. Многих их этих славных полков теперь не существует, другие полки покрыли себя новой славой, но слава эта не затмит той, которая приобретена полками в тяжелую годину Отечественной войны. Если когда-либо и Лубенскому полку придется пережить горькую участь расформирования, то имя его уже не умрет, не забудется – стены храма Спасителя сохранят его потомству». К сожалению ошибся этот офицер и вместе с ним миллионы других людей – не

сохранили стены ни имен, ни самих себя. 5-го декабря 1931 года памятник был взорван. Теперь мы уже видим новую его версию, но что мы помним ?

Коронационные торжества завершились большим смотром войск на Ходынском поле. 28-го мая двор выехал в Петербург, 2-го июня за ним отправились и кавалергарды.

Сравнительно недолгое (13 лет) правление Александра III характеризуется резким усилением центральной и местной правительственной власти, мощным славянофильским движением. Пристрастие императора к «славянской идее», подъем национального самосознания в России находили отражение во многих направлениях его деятельности, в том числе и в армии. После войны, как обычно, страна находилась в затруднительном финансовом положении и была сделана попытка в целях экономии упростить военную форму. В соответствии с со своими пристрастиями Александр вводит новую форму, которая получает почти официальное название «мундир a la Russe»: куртка черного (у офицеров темно-зеленого) сукна, черные (у офицеров темно-зеленые) шаровары, круглая черная мерлушковая шапка с плоским верхом и сапоги. Многие исследователи квалифицируют это нововведение, как крупную ошибку. Мундир всегда был и остается категорией социальной. В России к нему относились с традиционным уважением и сам вид его резко выделял военнослужащих, особенно офицеров, из общей массы народа. Да, его покрой всегда следовал за модой гражданской, но все же за модой аристократической. Теперь же из армии хлынул поток офицеров, гордо заявлявших, что они не намерены носить «мужицкую одежду».

Еще одним ударом по офицерскому корпусу стало решение о переименовании в 1882 году всех армейских гусарских и уланских полков в драгунские. Офицеры этих полков (армейских кирасир эта участь постигла еще раньше) пришлось расстаться с характерными для каждого из упраздненных видов кавалерии элементами формы, что тоже вызвало резкий протест и массовый уход офицеров из армии. В результате значительно упал престиж профессии офицера, армия по теряла многие прекрасно подготовленные кадры, что не могло не сказаться на ее боевых качествах. В том числе и во время злополучной русско-японской войны. Эту ошибку исправлял уже Николай II. Он « обратно» переименовал соответствующие полки в гусарские и уланские, вернул в армию характерную для них форменную одежду (разумеется, только парадную, поскольку была признана необходимой и вводилась полевая форма защитного цвета), вернул во множестве другие атрибуты былых времен: кивера, доломаны, каски и прочее – этим он удачно подкрепил историческую связь времен, поднял дух и престиж армии, пошатнувшиеся после поражения России в русско-японской войне.

Гвардейских кирасир тоже затронули эти изменения, но в гораздо меньшей степени. Конечно, новая повседневная форма производила удручающее впечатление. Но все парадные комплекты остались в неприкосновенности – на них никто не покушал-

Граф А.А.Игнатьев. (1877-1956).

ся до конца существования этих элитных придворных полков.

Начиная с этого времени мы располагаем значительным количеством воспоминаний бывших офицеров полка. К сожалению почти все они были изданы за рубежом после октябрьского переворота и до сих пор малодоступны нашему читателю .Пожалуй, единственной книгой, написанной кавалергардом и вышедшей у нас остаются мемуары графа А.А.Игнатьева «Пятьдесят лет в строю». Его свидетельства крайне любопытны для нас, поскольку дают картину повседневной жизни полка. Нет смысла их пересказывать и мы отсылаем интересующихся темой непосредственно к самой книге. Единственное, на чем хотелось бы остановиться, это на отношениях офицеров с нижними чинами. В русской армии всегда были полки, в которых независимо от «общей установки» соблюдалось нормальное отношение к солдатам. Более того, за исключением известных периодов, такое отношение было присуще всей армии. Кавалергарды, как мы видели, всегда здесь были на высоте. «Самые либеральные офицеры относились к солдатам, – пишет Игнатьев, – как «добрые» помещики к крестьянам, но даже и наиболее невежественные никогда не позволяли рукоприкладства, чтобы не нарушать полковой традиции». К такого же рода традициям относились мелкие поощрения солдат за хорошую службу, выдаваемые их непосредственными начальниками – офицерами и, как правило, за свой счет. Это были особые «наградные» шпоры, новые фуражки, деньги, чарки водки и т.п. Некоторые «знаки уважения» были закреплены уставом. Так, на похоронах любого военнослужащего, даже «последнего солдата», все участвующие в церемонии офицеры и генералы должны были находиться в полной парадной форме при орденах и лентах. Помимо традиций и устава офицерами руководил и здравый смысл. Они прекрасно понимали, что, имея доброжелательно настроенных и хорошо обученных подчиненных, они ничем не рискуют ни на параде, ни в бою. Справедливость такого подхода доказывала практика прошедших лет и подтвердит практика будущих сражений.

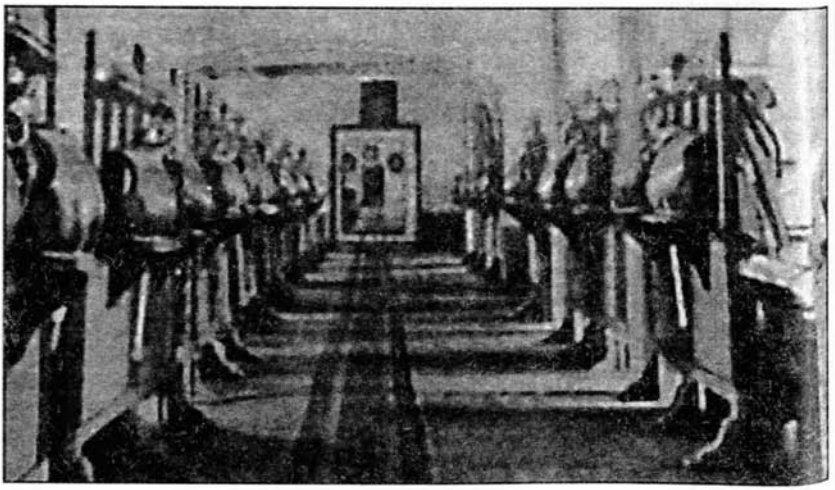
Граф Игнатьев служил непосредственно в полку четыре года в

промежутке между двумя значительными событиями: коронацией последнего русского императора Николая II и 100-летним юбилеем лейб-гвардии Кавалергардского Ея величества государыни императрицы Марии Федоровны полка и потому от его записок мы вновь вернемся к официальной хронике. Императрица (жена Александра III) оказалась последним шефом кавалергардов. Назначенная мужем на эту должность в 1881 году вместо убитого Александра II, Мария Федоровна оставалась на ней до конца. Тогда же этот большой полковой праздник готовился с ее помощью. Еще задолго до заветной даты (11 января 1899 года) офицеры полка взялись за реализацию интересных предложений к юбилею по составленному ими списку. Список включал в себя издание подробной иллюстрированной истории полка, издание сборника биографий кавалергардов, издание иллюстрированной памятки для нижних чинов, изготовление памятной медали, образование кавалергардского музея из образцов обмундирования, вооружения, снаряжения, портретов, рисунков, документов и прочего, учреждения полкового жетона и восстановления памятника на могиле поручика А.И. Шепелева у Фершампенуаза.

Как видим список получился весьма пристойный и к чести офицеров надо сказать, что все намеченное они выполнили.

К назначенному дню в Петербурге собралось множество бывших кавалергардов и почетных гостей. С утра 11 января Михайловский манеж заполнился участниками торжества. Как писала тогда военная газета «Русский инвалид» давно не виданное зрелище представлял в эту минуту Манеж, залитый электрическим светом. Блестяще обмундирование и снаряжение кавалергардов в конном строю, роскошь мундиров придворных и членов дипломатического корпуса, нарядные туалеты дам – все это представляло редкую по красоте картину» .С этим описанием удачно со-

Интерьер казармы эскадрона Ее Величества.



четается и стихотворная картина кавалергардского строя, в удовольствии привести которую нельзя отказать, несмотря на немалый ее объем:

А в середине – вдохновенно,
Стеной, недвижимо, нетленно –
Стоит Кавалергардский полк!
Как стройные лес мелькают пики,
Пестреют ярко флюгера,
Все люди, лошади – велики,
Как монумент Царя Петра!...
Стремена, седла, мундитуки,
Пахвы, наперсья, чепраки, –
Все пригнано: как раз все в пору,
Нигде ни складки, ни зазору!.
Под ряд – для пользы и красы
У всех нафабрены усы,
Все лица на один покрой,
И статен тот, как и другой!
Вся аммуниция – с иголки,
У лошадей – надменный вид,
И от хвоста до самой челки
Шерсть одинаково блестит!...
Любой солдат – краса природы,
Любая лошадь – тип породы!
Что офицеры? – ряд картин!
И все как будто бы один!...
В посадках – идеал равенства,
В равненьи – просто совершенство!...

Вот в такой обстановке прозвучал праздничный приказ по полку. «Кавалергарды, – говорилось в нем, – кому из нас не свята память о наших предках, покрывших неувядаемой славой, запечатленной кровью на полях Аустерлица, Полоцка, Бородина, Кульма и Фершампенуаза!...Уверен, что первый полк всей нашей доблестной кавалерии будет всегда и во всем первым!».

Под звуки сводного духового оркестра полк двинулся церемониальным маршем. Интересно, что в параде принимала участие историческая группа, одетая в кавалергардские мундиры двух минувших столетий.

Программа праздника была рассчитана на несколько дней. Здесь были и торжественный прием в Аничковом дворце, и большое гуляние для нижних чинов в Манеже, и многое другое. Интересно, что по просьбе офицеров столичное Попечительство о народной трезвости организовало театральный вечер. Давали «Дедушку русского флота», «Русские святки» и «Кукольную фею». Отметим, что идея «трезвого досуга» находила своих сторонников и в те годы тоже. Вопреки существующему сейчас стереотипу, в армии тоже находились инициаторы таких действий. В качестве примера приведем сообщение о полковом празднике Можайского

Литаврщик Михаил Андреевич Житков. Прослужил в кавалергардах с 1860 по 1903.

пехотного полка: «По традиционному обычаю, после парада, празднество завершилось в офицерском собрании товарищеским обедом, на котором совершенно отсутствовали какие бы то ни было спиртные напитки. Провозглашаемые тосты за драгоценное здоровье Верховного Вождя Русской армии, Государя Императора, и, кончая здравицами за нижних чинов полка запивались безалкогольными напитками...Пример воздержания от крепких напитков офицеров, несомненно, должен отразиться и на нижних чинах полка». Кавалергарды все же не были приверженцами идеи трезвости и на огромном завершающем праздник товарищеском обеде для всех когда-либо носивших и носящих сейчас полковой мундир было вдоволь и разной еды и напитков.

Так получилось, что «Столетие непрерывного существования Кавалергардского полка» (так официально именовался праздник) стало последним большим торжеством в его истории. Разъехались гости, спали эмоции и потекла будничная служба.

Взрыв удивления и негодования вызвало сообщение о том, что в ночь на 27 января 1904 года русская эскадра, стоявшая на внешнем рейде Порт-Артура, была атакована японскими миноносцами. Днем того же числа крейсер «Варяг» и канонерская лодка «Кореец» на выходе из гавани Чемульпо приняли свой последний бой с японской эскадрой. Начиналась русско-японская война, закончившаяся тяжелым поражением России.

На первый взгляд мало что предвещало возможность военного столкновения двух держав. Потенциал России существенно превосходил возможности Японии, армия была оснащена прекрасным оружием (трехлинейные винтовки С.И.Мосина образца 1891 года, скорострельные пушки 76-мм образца 1902 года и т.п.), превосходившем соответствующие неприятельские системы. Наблюдения за японскими войсками, сделанные при совместных действиях во время подавления Боксерского восстания в Китае 1900-1901 годов, тоже не давали оснований для беспокойства. Эта видимость благополучия не позволила русскому правительству и командованию армии вовремя увидеть масштабы подготовки Японии к войне, агрессивного настроя ее мобилизованной и хорошо обученной армии.

Граф Ф.Э.Келлер (1850-1904).

Общий ход этой несчастной для России войны представляет собой монотонную цепь отступлений нашей армии после каждого сражения, прерываемую редкими попытками движения наступательного. Героическая оборона Порт-Артура, сравнимая со знаменитой обороной Севастополя, стоит особо. Поскольку было очевидно, что имеющимися на Дальнем Востоке силами справиться с японцами не удастся, из Европейской России плотным потоком пошли эшелоны с подкреплениями. Разумеется, вопрос об участии гвардейского корпуса, а тем более, кавалергардов, даже не рассматривался – для этого существовали армейские корпуса. Тем не менее офицеры полка в войне участвовали. Надо сказать, что они сражались вообще во всех войнах, которые вела Россия в XIX веке, различными способами оказываясь в действующей армии. Здесь же задача «проникновения» на фронт облегчалась и тем, что офицерский корпус нес очень большие потери, существенно большие, чем солдаты. Так, за период с ноября 1904 по сентябрь 1905 «процент убитых, раненых и пропавших без вести офицеров составлял 30%, а среди солдат – 20%. При этом процент убитых среди офицеров составлял 4,1, среди солдат – 2,5» – так говорит статистика.

Конечно, на Дальний Восток стремились, в основном, армейские офицеры. Участие в боях было единственной возможностью (если, конечно, не убьют) пробиться наверх. В те годы движение по службе происходило крайне медленно из-за отсутствия вакансий. Как правило, служба в обер-офицерских чинах продолжалась 25-30, а в отдельных случаях и более лет. Известен уникальный случай с командиром Порт-Артурского крепостного полка А.К.Селлиненом, который только ротой прокомандовал 18 лет и 4 месяца.

У кавалергардов таких случаев не было – их вело желание профессионалов применить на деле полученные навыки, романтика сражений и, конечно, желание отличиться.

Возможности для удачного устройства в действующей армии у них были – некоторые из старых кавалергардов занимали теперь большие посты. Командующим 2-й (потом 3-й) Маньчжурской армией был генерал от инфантерии барон А.А.Бильдерлинг, командующим Восточным отрядом – граф Ф.Э.Келлер и т.д. Не удивительно, что при штабе Бильдерлинга обосновались Павел Скоропадский, граф А.Келлер-младший и сын барона Петр, сту-

Барон П.А.Бильдерлинг (1885-1920).

дент Московского университета. Заметим, что Петр Бильдерлинг участвовал в боях, получил Знаки отличия военного ордена 3-й и 4-й степени и с чином поручика после войны был зачислен в Кавалергардский полк. Кроме них на фронте находился и еще ряд офицеров: барон Густав Маннегргейм, граф Алексей Игнатьев, князь Александр Долгоруков и другие. Многие из них оставались в строю до конца войны, получив желанные чины и награды, а некоторые – и ранения. Не довелось дожить до этого времени только генералу Келлеру. «На Янзелинском перевале начальник восточного отряда, генерал граф Келлер, выбрав для наблюдения наиболее обстреливаемую батарею, в 3 часа дня был смертельно ранен и через 20 минут скончался» – так звучало официальное сообщение о его гибели.

Не было радостным возвращение кавалергардов в Петербург – Россия войну проиграла. Единственным утешением могла служить мысль о том, что в поражении не были виноваты солдаты и офицеры, которые грамотно и до конца исполняли свой долг. Всю ответственность должно принять высшее командование армии и правительство страны. Нельзя не отметить и еще одну точку зрения. К сентябрю 1905 года действующая армия насчитывала около 465 тысяч человек и имела все необходимое для продолжения боевых действий. Противостоящие ей японские войска были измотаны, Япония стремительно скатывалась к кризису и только испуг русского правительства от разраставшейся революции не позволил продолжать войну до вполне вероятного разгрома противника.

Все же не бывает худа без добра. Война заставила вновь реформировать армию, серьезно заняться вопросами ее вооружения, снабжения, обмундирования. По ходу войны пришло окончательное понимание необходимости введения формы защитного цвета. Чужой опыт не воспринимался – понадобился собственный. Ведь секрет защитной формы разгадали англичане еще в ходе англо-бурской войны 1899-1902 годов, когда пули бурских стрелков легко находили красные мундиры англичан на зеленых холмах Трансвааля и после войны форму зеленовато-коричневого цвета (хаки) они ввели для всей армии. Наш горький опыт заставил и другие страны изменить свое традиционное отношение к полевой форме. Защитный цвет в 1906 году ввела Швеция, в 1908 – Америка, в 1909 – Австрия, в 1910 – Германия и Италия.

Барон Г.К.Маннергейм (1867-1951).

В некоторой степени с японской войной связана отмена традиционных майских парадов на Марсовом поле в Петербурге. Ими обычно заканчивался зимний сезон светской жизни в столице и был он, по словам А. Бенуа, «апофеозом военного великолепия». В 1904 году, когда события на Дальнем Востоке еще не приобрели трагического характера, парад состоялся. На следующий год устраивать это «апофеоз» было уже неприлично, в течение еще нескольких лет – тоже, потом эту традицию не возобновляли, а жаль. Судя по многочисленным описаниям, зрелище это действительно было великолепным.

День последнего парада выдался на редкость теплым и солнечным. Постепенно огромное Марсово поле заполнялось войсками гарнизона и частями, квартировавшими в окрестностях столицы. Вся эта масса войск (в пешем строю находилось около 25 тысяч человек и 150 орудий) выстраивалась фронтом в Летнему саду в шесть линий. Кавалерийские части (до 6 тысяч человек при 36 конных орудиях) собирались на Дворцовой площади и набережной.

Для зрителей вдоль Лебяжьей канавки, отделяющей поле от Летнего сада, стро или специальные трибуны. Попасть на них можно было только по именным приглашениям, поэтому «все балконы и окна домов, выходивших на Марсово поле, тоже были полны народа. Виднелись зрители попроще и на крышах этих домов. Вся набережная Мойки, от Садовой улицы до Екатерининского канала, была буквально забита толпой любопытных, с трудом сдерживавшейся полицией при помощи канатов».

Праздник начинался объездом императора со свитой выстроенных войск. Затем кавалькада занимала центральное место перед трибунами и командующий парадом подавал привычную и для нашего слуха команду: «К церемониальному маршу! Парад, направо! На одного линейного дистанция! Шагом, марш!». Под звуки огромного оркестра полки начинали движение.

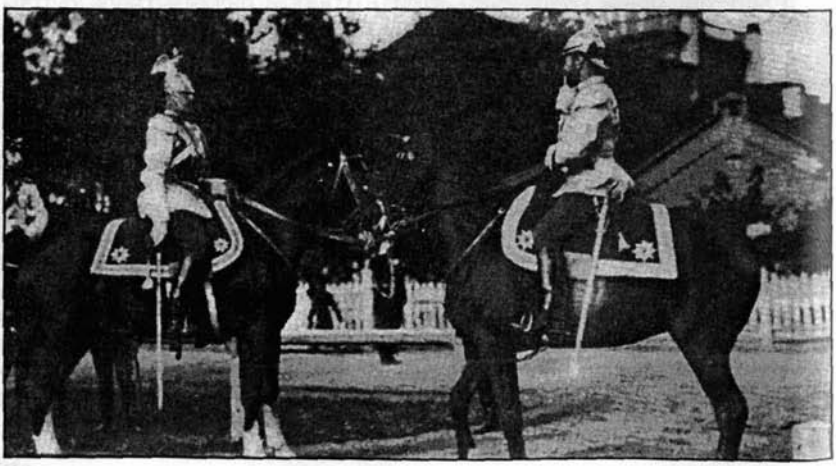
Никто из нас больше не увидит этой прекрасной картины, поэтому попытаемся представить ее по беглому описанию.

Открывали парад сотни Государева Конвоя (командиры и трубачи на серых лошадях, сотни – на гнедых. Алые черкески, белые бешметы, серебряный прибор) и Гвардейский полевой жандармский эскадрон (белого металла каски с орлами, голубые с белым мундиры). За ними шел пеший сводный полк юнкеров и кадетов военно-учебных заведений. Далее следовали прославленные гвардейские полки: Преображенский, Семеновский, Измай-

ловский, Егерский, Московский, Гренадерский, Павловский, Финляндский, Гвардейская стрелковая бригада, саперный батальон и Гвардейский морской экипаж. Форма пехоты была тогда мрачновата – черные мундиры и шаровары, чуть оживлявшиеся цветными погонами, петлицами и выпушками. Из этой массы выделялись павловцы в высоких гренадерских шапках с медными налобниками. Кроме этого отличия Павловский полк один имел почетное право идти, имея винтовки в положении «на руку». Проход пеших частей завершала артиллерия.

Парад конных частей тоже открывала молодежь – юнкера Николаевского кавалерийского училища. Наконец, появлялась гордость нашей кавалерии – Кавалергардский и Конный полки. Наблюдавший парад офицер-павловец А.Потоцкий так написал о кавалергардской колонне: «под красивый марш из Dame Blanche... кавалергардов ведет командующий полком полковник князь Юсупов граф Сумароков-Эльстон. Сверкая золотом кирас и касок с серебряными орлами, в белых колетах с алыми воротниками, погонами и обшлагами, в серо-синих шароварах с алой выпушкой, с лесом алых пик с бело-алыми флюгерами, верхом на рослых гнедых лошадях, убранных алыми вальтрапами... полк производит яркое, величественное, незабываемое впечатление. Каска с Андреевской звездой схвачена под подбородком металлической чешуей...Широкий орел, распластав когтистые лапы и вздев к небу два горбатых клюва, точно плывет по воздуху на своих серебряных крыльях... Солнечные лучи ударяют в каски и кирасы и отражаются ослепительными огнями... Точно гигантские свечи горит сталь обнаженных палашей. Сочетание цветов – белого и алого – с серебром производит впечатление особого изящества и благородства. Это – прославленный в русской истории, старый, доблестный полк».

За кавалергардами шли конногвардейцы, кирасиры Его и Ее величеств, гвардейские казаки, атаманцы, Уральская сотня, конногренадеры, уланы, драгуны, гусары, эскадрон Офицерской ка-



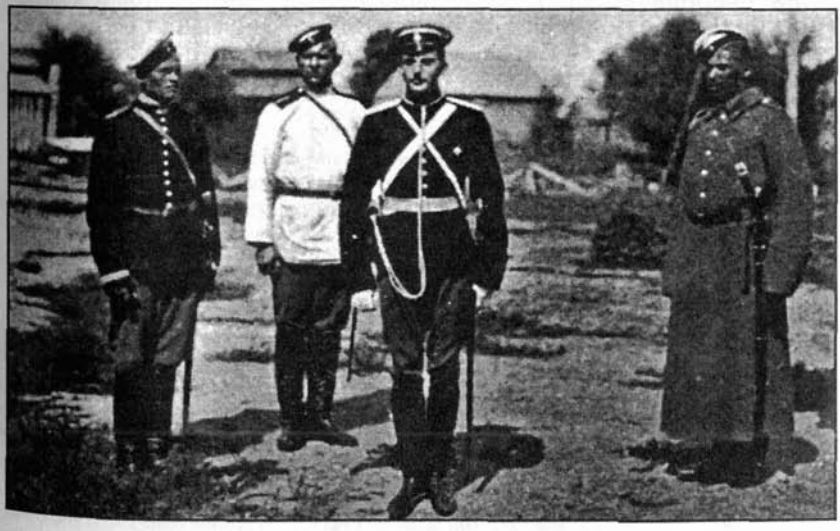
валерийской школы и батарея конной артиллерии.

Парад завершался показательной кавалерийской атакой. Все части выстраивались в глубине Марсова поля. По сигналу шеститысячная масса мгновенно набирала полный карьер и летела на трибуны, вздымая тучи пыли. Говорят, что у некоторых зрителей не выдерживали нервы при виде кажущейся неудержимой лавины приближающихся всадников. Однако, по приказу труб вдруг стихал топот копыт и из оседавшей пыли проявлялись в нескольких метрах от трибун все также стройные замершие конные ряды.

Помимо прекрасной слаженности всех парадирующих частей впечатление производила и подобранность их состава. Конечно, в гвардию всегда зачислялись лучшие и отличившиеся в боях солдаты, но сокращение сроков срочной службы позволяло использовать храбрецов в основном в качестве сверхсрочников. Основную массу нижних чинов стали подбирать по внешним данным. Так, по сложившейся традиции в Преображенский полк зачисляли высоких блондинов (3-я и 5-я роты носили бороды), в Московский рыжих бородачей, павловцы должны быть курносыми, а конногвардейцы - высокими жгучими брюнетами. Кавалергарды же формировались из высоких голубоглазых и сероглазых блондинов и бород они не носили.

Отбор новобранцев в гвардейские полки происходил ежегодно в огромном Измайловском манеже и представлял собой довольно любопытную процедуру, во время которой иногда происходили забавные случаями. «Разбивку» новобранцев обычно проводил командир гвардейского корпуса. На ходу оценивая пригодность каждого будущего солдата к службе в том или ином полку, он делал соответствующую отметку на груди кандидата и того уже забирал представитель части. Иногда новобранцы сами просили

Кавалергарды в лагерной форме. 1904.

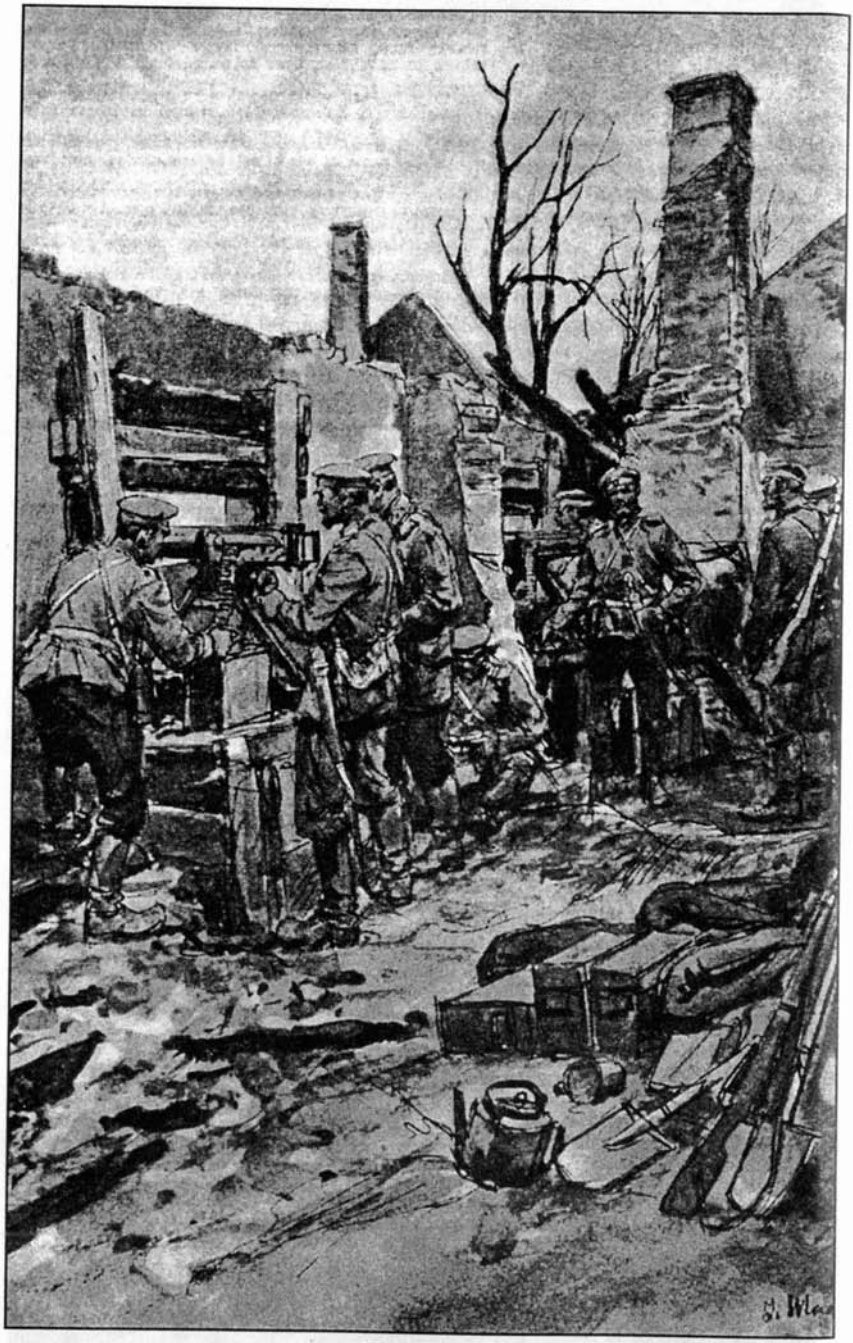


о зачислении в какой-либо полк, приводя уважительную причину – служба в нем родственников земляков или еще что-нибудь. Как правило такие просьбы удовлетворялись. Важно то, что и офицеры различными способами пытались заполучить к себе людей не просто со стороны, а как-то связанных с полком. По воспоминаниям офицера-кавалергарда В. Кочубея, ему как-то раз удалось в казарме призывников в обнаружить пятерых полтавчан из имений своего отца и проинструктировать их о дальнейшем поведении. Через несколько дней состоялась очередная разбивка новобранцев. Командир корпуса генерал Безоб разов «дошел до первого из моих кандидатов, – читаем мы у Кочубея, – Это был Мищенко, высокий стройный сословный казак: Ваше превосходительство! – услышал я его громкий голос, разрешите в Кавалергардский полк!. Хорошо, годишься, ответил Безобразов, даже не спрашивая, почему, и мелком начертал условный знак. В тот же миг два саженных преображенских унтер-офицера схватили моего Мищенко и, как мячик с громким криком «Кавалергард!», кинули его в объятия приемщиков полка. Вскоре очередь дошла до Петлюка. На его просьбу Безобразов спросил, какой он губернии и почему хочет в полк. «Там служит мой брат!», не моргнув глазом соврал Петлюк и на его груди закрасовался начерченный Безобразовым «Кав». Следующим был Перепелица». Какой ты губернии? – спросил комкор. «Ах, ты тоже полтавский», как бы с удивлением произнес он. «Там служил мой отец!», последовал ответ Перепелицы. С недоверием посмотрел на него генерал, но и Перепелица попал к нам в полк. Четвертым был Кудрявский. Опять те же вопросы Безобразова и заученные ответы Кудрявского, который тоже был назначен в кавалергарды. Но теперь бросилось мне в глаза, что Безобразов временно приостановил разбивку и стал оглядываться по сторонам – как бы кого искал, а когда очередь до шла до Яковенка, вдруг разразилась буря. «Господа! Тут сегодня что-то не в порядке, – услышал я громкий голос Безобразова, – Сегодня почему-то все полтавские хотят в Кавалергардский полк. Там вдруг у всех или брат, или сват. Определенно кто-то их обработал! Ну, хорошо!, обратился он к перепуганному Яковенке, – тебя я еще назначу в кавалергарды, т.к. ты как раз подходишь в этот полк, но на этом конец!». После чего он обернулся в сторону манежа и стал рассматривать присутствующих. Хотя я стоял далеко позади, он меня все же заметил и позвал: «Корнет Кочубей! Пожалуйте сюда!». Я вытянулся перед ним с рукой у козырька. «Скажите, – спросил он меня, – это вы их так натаскали?». «Так точно, Ваше высоко...» – ответил я громко и не задумываясь, и то, что я без малейшего колебания признался, вероятно, спасло меня от ареста. Безобразов улыбнулся и уже спокойным голосом продолжал: «Ну, хорошо, на этот раз я вас прощаю. Но помните, если еще раз повторите, я посажу вас под арест». Не могу удержаться, чтобы не хвастнуть, что мой выбор оказался счастливым и 4 из них на следующий год попали в учебную команду и были произведены в унтер-офицеры, а двое из них потом были даже взводными, не говоря уже о том, что на войне они все отличились и были награждены георгиевскими крестами».

Надо заметить, что такая «привязка» офицеров и солдат была характерной для многих полков русской армии. Она создавала особые «домашние» отношения в части и, действительно способствовала ее сплочению.

Нельзя не упомянуть еще об одном существенном аспекте внутренней армейской жизни. Практически все полки имели в своем составе солдат (а часть и офицеров) различных национальностей и различного вероисповедания: православных, католиков, лютеран, мусульман, иудеев и т.д. Однако, никогда никаких трений на этой почве не возникало. Веротерпимость не только поощрялась начальством, но и охранялась законом – за оскорбление любой веры виновный мог получить от 6 до 12 лет каторжных работ. Идеологическая работа в частях, которой способствовала и церковь, была поставлена на высоком уровне и велась с одной целью – сплотить « разноплеменное воинство» на выполнение своего долга. Об этом прямо говорилось, например, в одном из указаний главного военного священника Г.И.Шавельского: «Подвизающееся на бранном поле духовенство имеет возможность подтвердить величие и правоту Православной Церкви не словом обличения инаковерующих, а делом инославным, памятуя, что и последние проливают кровь за Веру, Царя и Отечество».Такие отношения иногда проявлялись удивительным образом. Так, полковую церковь Конногвардейского полка на свои средства построил Хан Нихичеванский, пребывая некоторое время на должности полкового командира.

Положение кавалергардов в этом отношении было несколько проще, поскольку, как мы помним, они формировались в последнее время из рослых блондинов и в их число попадали (помимо православных) в основном католики и лютеране. Тем не менее полк представлял собой единый крепкий организм, готовый к решению невероятно сложных задач, которые вскоре поставит перед ним Великая война.



ВЕЛИКАЯ ВОЙНА

«Божиею милостию мы, Николай Вторый, император и самодержец всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский, и прочая, и прочая. Объявляем всем верным подданным: Следуя историческим своим заветам, Россия, единая по вере и по крови со славянскими народами, никогда не взирала на их судьбу безучастно. С полным единодушием и особою силою пробудились братские чувства русского народа к славянам в последние дни, когда Австро-Венгрия предъявила Сербии заведомо неприемлемые для державного государства требования... Ныне предстоит уже не заступаться только за несправедливо обиженную родственную нам страну, но оградить честь, достоинство, целость России и положение ея среди Великих Держав. Мы непоколебимо верим, что на защиту Русской Земли дружно и самоотверженно встанут все верные наши подданные. В грозный час испытания да будут забыты внутренние распри. Да укрепится еще теснее единение Царя с его народом, и да отразит Россия, поднявшаяся, как один человек, дерзкий натиск врага...».

Этот манифест Николая II 20 июля 1914 г. известил о вступлении России в Великую войну. Известие это не было неожиданностью. Стремительно развивающиеся в Европе события после убийства в Сараево 28 июня австрийского эрц-герцога Фердинанда, явно вели к началу грандиозного конфликта мирового масштаба.

Это лето, как обычно, 1-я Гвардейская кирасирская дивизия проводила на лагерных сборах под Красным селом. В июне закончилась подготовка новобранцев, «старики» ожидали приказа о демобилизации. Теперь кадровый состав частей менялся еще быстрее. Указом от 7 марта 1906 года срок действительной службы уменьшился в пехоте и пешей артиллерии до 3-х лет, а в остальных родах оружия до 4-х лет. Начальство было довольно результатами учебы и спокойно ожидало традиционного заключительного смотра.

10 июля состоялся последний смотр русской гвардии. На нем присутствовал Николай II с президентом Французской республики Раймондом Пуанкаре – требовалось убедить будущего союзника в мощи российской армии, в ее полной готовности к действиям. Перед высокими гостями прошли стройные, молодцеватые шеренги гвардейской пехоты, прорысили на кровных лошадях эскадроны с цветными флюгерами на пиках, тяжело прогрохотала артиллерия. Зрелище получилось убедительным и французская делегация вернулась в Париж вполне удовлетворенная увиденным.

Д.И.Звегинцов (1880-?), Д.В.Коссиковский (1882-?), А.П.Ливен (1873-?). Такими были офицеры-кавалергарды неадолго жо начала войны.

Всего несколько дней полки отдыхали после сборов, встречали пополнение из новых офицеров - 12 июля происходило производство пажей и юнкеров выпускных классов. Вечером 17 июля штаб дивизии передал в полки приказ о начале мобилизации. На все сборы давалось 36 часов. Хорошо отлаженный механизм заработал без сбоев и еще до назначенного часа командиры Кавалергардского, Конногвардейского, Его и Ее величеств кирасирских полков доложили о готовности. По штатному расписанию в кирасирском полку должны были находиться: 1 генерал-майор (командир полка), 2 полковника (командиры дивизионов), 4 ротмистра (командиры эскадронов), 1 адъютант, 1 казначей, 4 квартирмейстера, 1 заведующий оружием, 20 младших офицеров, 4 вахмистра, 16 взводных унтер-офицеров, 28 младших унтер-офицеров, 1 штаб-трубач, 16 трубачей, 32 ефрейтора, 480 рядовых. Конский состав Кавалергардского полка соответствовал правилам: 1-й эскадрон сидел на светло-гнедых лошадях без отметин, 2-й на гнедых с отметинами, 3-й на гнедых без отметин, 4-й на темно-гнедых без отметин. Лосины, супервесты, кирасы, каски и прочие парадные вещи были сданы на полковые склады – на фронт отправлялись в общекавалерийском защитном обмундировании. Более того, с началом боевых действий было приказано сменить на защитные все демаскирующие элементы, вплоть до кокард и звездочек на погонах.

Полковое начальство было вполне удовлетворено положением дел. Старший возраст солдат остался в строю, новобранцев подготовить успели, но «главным залогом успеха, – писал впоследствии один из офицеров, – были взаимоотношения между кавалергардами всех званий...они не кончались одними лишь строевыми занятиями. Вся частная семейная жизнь кавалергардов была хорошо известна офицерам и солдаты знали, что они всегда найдут и доброе слово, и совет, и материальную помощь у своих

А.А.Гринвальд Командир полка с 1892 по 1896.

офицеров». Не зря в одном из популярых тогда стихотворений говорилось:

Наш полк. Заветное, чарующее слово
Для тех, кто смолоду и всей душой
в строю.
Другим оно старо, для нас –
все так же ново
И знаменует нам и братство, и семью.

21 июля а в полку состоялся прощальный молебен, на который собрались все жившие в столице кавалергарды. Был и старый командир полка Артур Александрович Гринвальд – племянник Родиона Егоровича, известного нам еще по временам Николая I . В строю же стоял представитель третьего поколения этого рода – ефрейтор Гринвальд. Молебен служил полковой священник о.Стефан Щербаковский. О роли этой специальности мы уже упоминали, а у кавалергардов священник был еще и боевой. Во время русско-японской войны он состоял в 11-м Восточно-Сибирском стрелковом полку. Когда под Тюренченом полк оказался в окружении и почти все офицеры выбыли из строя, о.Стефан сам поднял стрелков на прорыв. В отчаянной атаке он был ранен, но остатки полка вышли из окружения. За геройство Щербаковского наградили наперсным крестом на георгиевской ленте и перевели в Кавалергардский полк.

Вечером эскадроны вытянулись в походную колонну. Последний взгляд на родные казармы, короткий вскрик сигнальной трубы и двинулись эскадроны к Варшавскому вокзалу. В сумерках белой ночи петроградцы провожали уходящие на фронт части, доносились щемяще-тревожные звуки марша «Прощание славянки» (он был написан за несколько лет до войны, но только с началом мобилизации вдруг мгновенно облетел всю страну), крестили и благословляли воинов женщины, проплывали мимо знакомые улицы. Все это не раз будут вспоминать кавалергарды в течение долгих лет обеих войн, да и потом тоже – кто где.

Привычно и скоро пошла погрузка в эшелоны: 1 классный вагон, 3 «людских», 32 «конских», 2 платформы, и так все четыре эскадрона. Из вскрытого в поезде мобилизационного пакета стало ясно, что ехать не долго – через Вильно-Ковно на станцию Пильнишки. Времени все же было достаточно, чтобы обсудить положение. Состояние страны и армии позволяло надеяться на благополучный исход войны. Тогда Россия входила в число наи-

более развитых государств. Мы производили около 7,4% мирового чугуна (355,7 млн пуд.), 12,7% железа и стали (570,8 млн пуд), добывали 18% нефти (562,3 млн пуд), 6,8% золота (3007 пуд). Обрабатывающая промышленность России занимала пятое место в мире после США, Англии, Германии и Франции. Обширное сельское хозяйство давало почти 30% мирового сбора пшеницы (1298,6 млн пуд) и 64% ржи (1352,8 млн пуд). На экспорт ежегодно шло около 647 млн пуд хлеба – больше, чем из любой другой страны. Имея почти 180 млн человек населения (в Германии – 65, Австро-Венгрии – 51, Великобритании – 45,6, Франции – 40), Россия имела и самую многочисленную армию, причем вооруженную отличным оружием: винтовками образца 1891 года, пушками образца 1902 года калибра 76,2 мм, 107 мм, гаубицами калибра 122 мм. Армия обеспечена средствами связи и авиацией (263 самолета против 232 германских или 65 австрийских). Незначительный запас вооружений и боеприпасов не считался тогда существенным недостатком, поскольку по общей для всех воюющих стран доктрине, война не могла продолжаться более 6-8 месяцев.

Со спокойной уверенностью выгружались кавалергарды на станции назначения. В общих чертах задача была понятной - прикрыть от вражеского наблюдения развертывание частей 1-й армии генерала Ренненкампфа. Конечно, эта задача решалась не только кавалергардами. В оперативную группу под командованием генерала Хана Нахичеванского входили 1-я, 2-я гвардейские, 2-я и 3-я армейские кавдивизии.

Теперь, в отличие от войн столетней давности, даже самый лучший полк не мог заметно влиять на общий ход войны – он терялся в колоссальных армиях противоборствующих сторон. В то же время мы не можем подробно останавливаться на всех событиях четырехлетней эпопеи и нам придется промчаться с кавалергардами дорогами боев этих лет, рассчитывая на знания нашими читателями истории войны в целом.

По плану русского командования две армии (1-я Ренненкампфа и 2-я Самсонова) должны были взять в клещи и разгромить

Движение кавалерии перед атакой.

немецкие войска, расположенные в Восточной Пруссии. К 4 августа развертывание 1-й армии закончилось и ее передовые части перешли границу Российской империи.

Возросшая плотность огня закрепившейся пехоты уже не позволяла кавалерии действовать против нее в конном строю. Поэтому кавалеристы были обучены воевать и по пехотному тоже - атаковать перебегающими цепями, когда надо окапываться и держать оборону. Вообще лихие конные атаки становятся редкостью и за все время войны их наберется не более нескольких десятков. С началом же «окопной», позиционной войны, каждая из них сразу попадала в историю. Так атаковали Митавские гусары у Вислы под дер. Нерадово. Полк потерял тогда половину личного состава во главе с командиром полковником Вестфаленом. 5-й эскадрон штабс-ротмистра А.Геништы почти доскакал до германской тяжелой батареи, расположенной за шестой линией траншей. От эскадрона осталось 20 человек, а раненого командира принесли в штаб корпуса, где немецкий генерал сказал ему, возвращая Георгиевское оружие: «Очень лихая атака, но не современная».

Может быть не слишком современно, но традиционно настойчиво действовали кавалергарды в своем первом серьезном бою 6 августа у прусского местечка Каушен. Несколько атак, сочетавших движение пеших и конных эскадронов, захлебнулись. Обозленные неудачей, кавалергарды снова поднимались в атаки, но снова их прижимал к земле плотный огонь противника. На помощь пришел командир конногвардейцев полковник Гартман. Спешив три своих эскадрона и со словами «идем спасать друзей наших кавалергардов», он развернул их в атакующие цепи. С флангов нажали лейб-уланы, конногренадеры и враг побежал.

Первая боевая удача дорого обошлась полку. Из строя выбыло 10 офицеров и 48 нижних чинов. Заметим, что в полку кавалергардами служило немало представителей знакомых нам фамилий, которые за боевые отличия могли быстро заработать офицерские звездочки. К сожалению, в этом бою погибли двое из них: ефрейторы граф Шувалов и фон Гринвальд. Нелепое ранение получил корнет Е.Гернгросс, сын бывшего командира лейб-эскадрона. Уже после боя ему выстрелил в спину лежавший на поле раненый немецкий офицер. Для са-

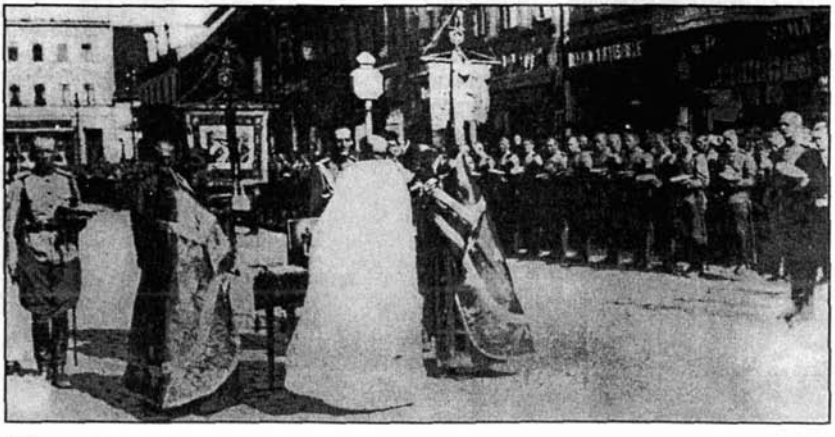
Павел Георгиевич Карцов (1892-1914). Убит под Каушеном 6 августа 1914.

мого начала войны такие случаи были редкостью. Воспитанные в рыцарских традициях, наши офицеры ожидали такого же поведения и от противника. Казалось бы это подтверждал и случай с разъездом от соседнего кирасирского Ее величества полка. Корнеты Колокольцев и фон Пален с несколькими кирасирами попали во время разведки в окружение и заняли оборону на окраине дер. Друтишкен. Отказываясь сдаться, гвардейцы держались до последнего патрона. На месте их гибели еще во время войны немцы поставили памятник, а местные жители долго поддерживали его в порядке.

К сожалению, нашим войскам все чаще приходилось сталкиваться с враждебным отношением населения и отвечать тем же. Так, в одном из местечек попал в засаду полковой автомобиль кавалергардов. Корнет Голынский погиб, а раненый шофер только чудом сумел добраться до расположения полка. Разъяренные кавалергарды окружили поселок, а 3-й эскадрон, в котором служил корнет, обыскал все дома. Жители, у которых обнаружили боевое оружие, были расстреляны, их дома сожжены. У въезда в поселок поставили объявление на немецком языке: «Заплачено за убийство мирным населением русского солдата».

Основная работа полка в течение нескольких недель заключалась в посылке многочисленных разъездов для выяснения обстановки, передвижений и намерений неприятеля. Мелкие стычки, многокилометровые переходы вскоре измотала и людей и лошадей. Поэтому оба полка первой бригады с удовольствием воспользовались предоставленным отдыхом в Инстербурге. Там состоялось первое награждение кавалергардов Георгиевскими крестами и медалям и «За храбрость». Не изменились за сто лет основания для награждения – отвага и доблесть в бою, выручка попавших в беду товарищей. Так, крест 4-й степени получил вахмистр 4-го эскадрона Фома Матвеевич Тарутин, вывезший на

Молебен в Инстербурге 23 августа 1914. У кавалергардского штандарта и.д.адъютанта полка корнет В.Бибиков.



Корнет Голынский. Убит 15 августа 1914 в Восточной Пруссии.

своем коне из боя раненого штабс-ротмистра Коссиковского.

После краткого отдыха в соответствии с новой задачей, полк отправился через Гумбинен на Ковно. По дороге кавалергардам пришлось пережить и печальные, и радостные воспоминания об их первом бое 6 августа. В Гумбинене удалось приобрести четыре цинковых гроба для тел погибших тогда офицеров (все это время их тела возили с собой) и отправить их с поручиком Бутурлиным под охраной в Петроград.

Пришли и первые приказы по армии о награждении офицеров полка георгиевскими наградами – орденами и оружием. В приказе говорилось: «Георгиевская Дума в заседании своем... удостоила награждения орденом св.... Георгия командира Кавалергардского... полка генерал-майора князя Долгорукова за то, что командуя авангардом, при встрече с противником быстро вынесся вперед, спешив три эскадрона в 400-500 шагах от противника, где упорно держался до подхода главных сил, чем способствовал успеху этого боя – полного поражения немецкой пехотной бригады с артиллерией». За этот же бой Георгиевским оружием были награждены полковник князь Кантакузен и штабс-ротмистр Лазарев. Здесь надо пояснить, что Георгиевские награды, в отличие от всех остальных, присваивались по особым правилам. Каждый командир отдельной части имел право представить к Георгию подчиненных ему офицеров. К представлению прикладывались письменные свидетельства очевидцев события, кроки местности и другие документы. Когда в штабе армии накапливалось достаточное количество таких представлений, командарм созывал Думу – 10-14 офицеров Георгиевских кавалеров из разных родов войск и разных частей. Получение более 2/3 голосов при обсуждении представления в Думе приносило отличившемуся офицеру столь желанную награду. Оформление документов, сбор Думы, выполнение других формальностей – все это занимало значительное время, но этот порядок практически исключал возможность получения награды случайными людьми. По спискам, опубликованным в газете «Русский инвалид» на 8 ноября 1916 года, орденом св.Георгия 4-й степени было награждено всего лишь около двух тысяч офицеров.

Наконец, полк получил из Петрограда первое и уже необходимое пополнение – маршевый эскадрон гвардейского запасного кавалерийского полка. Среди вновь прибывших оказалось и несколько знакомых вольноопределяющихся (граф Мусин-Пушкин,

граф Толстой, князь Оболенский), которых собрание старших офицеров зачислило рядовыми в полк. Новости из столицы, письма, посылки от родственников – все это на некоторое время отвлекло офицеров от обсуждения печальных итогов Восточно-Прусской операции. Как известно, 1-я армия, неся потери, откатилась на исходные рубежи, 2-я армия потеряла только в окружении пять дивизий, а ее командующий Самсонов застрелился.

Кавалергарды сами наблюдали беспорядочное отступление частей 1-й армии и пытались придать им относительный порядок. Однако, в панике отступали не все. «...раздался барабанный бой. Среди потерявшей всякое понятие о воинском долге и дисциплине толпы, в колонне по отделениям, с высоко закинутыми штыками, равняясь, как на параде, шли остатки славного 17-го стрелкового полка во главе с командиром полковником бароном Корфом. Их было немного, не более двухсот, и к тому же почти все раненые. Но сколько было величия и красоты в этой маленькой горсточке стрелков, окружавших изорванное полотнище своего полкового знамени» – так записал в своем дневнике один из кавалергардских офицеров.

Заметим, что новые условия боя поставили вопрос о целесообразности присутствия знамен в боевых порядках. Английские войска не брали их в походы еще с 80-х годов XIX века, германские и австро-венгерские части в 1915 году отослали их в тыл. Русские же полки всегда имели знамена при себе и многие их них, в том числе и штандарты кавалергардов, прошли Великую и Гражданскую войны и по сей день хранятся за границей.

Осень и начало зимы не были отмечены выдающимися событиями в жизни полка. Шла тяжелая и довольно монотонная боевая работа. Сплошной линии фронта еще не существовало и кавалерийские разъезды обеих сторон далеко и надолго проникали в рас положение противника, «освещая» местность порой на 100-150 верст. Как правило, в разъезд назначался взвод под командой офицера. Конечно, от командира зависело очень многое, но опорой ему служили толковые, отлично подготовленные унтер-офицеры. Из воспоминаний Г.К.Жукова, который сам был тогда кавалерийским унтером: «Основным фундаментом, на котором держалась старая армия, был унтер-офицерский состав, который обучал, воспитывал и цементировал солдатскую массу. Кандидатов на подготовку унтер-офицеров подбирали тщательно. Отобранные проходили обучение в специальных учебных командах, где, как правило, была образцово поставлена боевая подготовка...В войсках... офицеры подразделений вполне доверяли унтер-офицерскому составу в обучении и воспитании солдат. Такое доверие, несомненно, способствовало выработке у унтер-офицеров самостоятельности, инициативы, чувства ответственности и волевых качеств. В боевой обстановке унтер-офицеры, особенно кадровые, в большинстве своем являлись хорошими командирами».

Добрым словом вспоминали потом офицеры-кавалергарды своих унтеров – помощников в опасных рейдах, называя, напри-

мер, фамилии Банько, Борисова, Кшеля. Уроженцы Польши и Литвы, владеющие местными языками, они умели пробраться в самые недоступные места и привезти важные сведения. Не удивительно, что к концу 1915 года многие из них имели полные банты Георгиевских наград.

Конечно, за удачные поиски получали награды и офицеры: Кочубей, князь Багратион-Мухранский и другие. К сожалению, их постоянная готовность подвергаться опасности не всегда заканчивалась благополучно.Так, в начале 1915 года потребовалось временно компенсировать огромную убыль офицеров в пехотных полках добровольцами из кавалерийских частей. Семеро кавалергардов (поручики князь Багратион, Бутурлин, Гернгросс, корнеты Безобразов, Пашков, Оржевский и прапорщик Медем) согласились помочь пехоте. Спустя достаточно короткое время князь Багратион был убит, когда «во главе роты лейб-гренадерского Эриванского полка первым ворвался в неприятельский окоп», погиб в лейб-гвардии Преображенском полку Оржевский, а все остальные офицеры выбыли из строя «за ранениями».

Только до конца января длился короткий отдых кавалергардов. Им удалось немного отвлечься от постоянного фронтового напряжения. Как в мирные времена по вечерам съезжались офицеры в полковую артель при штабе. Там ужинали, читали, играли, иногда для гостей устраивали «любительские музыкальные концерты». На рукописной афише читаем имена исполнителей: скрипка – корнет князь Оболенский, виолончель – прапорщик Плеске, цимбала – поручик барон К.Кнорринг, рояль – поручик Г. Воеводский. Там же принимали поздравления только что награжденные Георгиевские кавалеры – новый командир полка генерал-майор Александр Эристов и полковник Илья Миклашевский.

В феврале отдых неожиданно прервался тревожным событиями. Немцы начали реализацию своей стратегической идеи, пытаясь организовать гигантский охват русского фронта по двум нап-равлениям – из Восточной Пруссии и от Карпат. Под их мощный удар попала наша 10-я армия, стоявшая перед Мазурскими озерами. Под натиском сильнейшего неприятеля с боями начали отход наши войска. Попал в окружение 20-й корпус, дравшийся до

последнего человека. Его отчаянное сопротивление позволило выиграть время, подтянуть подкрепления и ликвидировать прорыв. В этих делах участвовала и 1-я Гвардейская кавалерийская дивизия.

В неизбежной в таких случаях сумятице гвардейцам пришлось потрудиться – то прорвавшиеся немецкие части оказывались в нашем тылу, то попадали в окружение не успевшие вовремя отойти соседи – везде должны были успеть кавалеристы. Удачным оказался опыт придания дивизии постоянной пехотной части (батальона 221-го Рославльского полка), поскольку спешенная кавалерия все же не всегда могла полностью заменить пехоту. Заметим, что немцы использовали такое сочетание с начала войны и вскоре этот опыт и у нас распространился повсеместно. В следующем году при кавалерийских дивизиях были сформированы особые стрелковые полки.

Порой в опасности оказывались обозы и тылы дивизии. Полка и защищать их приходилось всем способным держать в руках оружие. В одной из таких стычек сумел отличиться даже полковой доктор Гофман, возглавивший оборону лазарета. Подоспевший на помощь капитан Дашков с ротой рославльцев так оценил способности доктора: «не знаю, какой вы врач, а ротой могли бы командовать прекрасно».К сожалению, работы у врача и всего дивизионного 41-го отряда Красного креста оказалось в избытке. Надо сказать, что работа отряда медиков была организована отлично. Во-многом это определялось тем, что в нем служили жены, сестры, дочери офицеров из полков этой дивизии. Великое множество раненых в эти горячие дни обязаны жизнью М.И.Мусиной-Пушкиной, О.М.Врангель, Ф.В.Беннигсен, М.А.Голенищевой-Кутузовой, А.М. Звегинцевой, О.С.Волковой, С.М.Иваненко, другим врачам и сестрам милосердия.

Наконец, положение несколько стабилизировалось и войска получили передышку, возможность привести себя в порядок. К этому времени пришел в полк очередной маршевый эскадрон с подготовленным пополнением. Возвращающимися в строй после ранений кавалергардами (как правило, из тыловых госпиталей выздоровевшие солдаты и офицеры поступали вновь в свои полки) и, самое главное, с лошадьми. Понятно, что за месяцы боев от первоначального, прекрасного, подобранного по мастям, конского состава в полку остались одни воспоминания. Убыль лошадей компенсировалась чем попало и такое положение сильно угнетало кавалергардов. Теперь же прибыли лошади «кровные, выезженные, в отличных телах из очередного ремонта осени 1914 года», создав гвардейцам почти праздничное настроение. Они вновь были готовы к сражениям.

В то время кавалергарды не знали, что их действия в прошедших боях уже обратили на себя внимание неприятеля. В вышедшей после войны книге участника этих событий немецкого генерала фон Позека «Германская конница в 1915 году в Литве и Курляндии» говорилось: «Русская конница была достойным противником. Ее состав был прекрасен. Особенно она отличалась в

Привал кавалерии.

разведке. Ее дозоры и разъезды появлялись всюду и отличались отличным умением хорошо применяться к местности. Русская конница умела отлично укрываться. Умела незаметно для противника выйти из боя и маскировать свое отступление...она никогда не избегала ни конного, на пешего боя. Мы знали, что перед нами достойный и равный противник... Русские часто и с большим успехом стреляли с коней...Умение русской конницы прикрывать отход своих частей с особенной яркостью сказалось в лесистой местности... Охранение русских сжимало наши разъезды в железные тиски, постоянно стремясь их отрезать, обойти и отогнать».

Отмеченные генералом достоинства вскоре вновь пришлось кавалергардам применить на деле. Под нажимом немцев фронт снова покатился назад. Схема действий кавалерии в такой ситуации была довольно простой. Пока пехотные части отходили, спешенные кавалеристы держали оборону до последней возможности. Кавалергардам в этом отношении было несколько легче благодаря относительно высокой оснащенности полка пулеметами. Вообще тогда в кавалерийских полках их иметь не полагалось. Только в составе дивизии находилась небольшая конно-пулеметная команда, которая, конечно, далеко не всегда поспевала вовремя в нужное место. Кавалергардам же два тяжелых «максима» еще перед войной подарил предусмотрительный бывший командир полка князь Юсупов. Кроме того, на каждый эскадрон еще пришлось по три, тоже приобретенных в мирное время,

Георгий Степанович Воеводский.

датских «ружья-пулемета» системы Мадсена. Они удобно перевозились в чехлах на седле, заряжались двадцатипятипатронными обоймами и оказались вещами, весьма полезными в бою.

Когда все возможности для обороны исчерпывались, полк быстро покидал рубеж, на конях пытался оторваться от противника и уйти за линию своей пехоты, которая к тому времени должна была закрепиться на новом рубеже. Если противник был слишком настойчив, то все повторялось снова. Как и любая схема, эта тоже далеко не всегда реализовывалась на практике как надо. Зачастую кавалергардам приходилось самим создавать новый рубеж обороны, цепляясь за каждое удоб-ное место и действовать совсем как пехоте. Опыт войны научил их моментально окапываться и маскироваться. По ходу дел всадники «обрастали» пехотным имуществом. Как заметил один из офицеров, «то несоразмерно малое количество шанцевого инструмента, который полагался по штату эскадрону – 16 лопат и несколько кирко-мотыг, стараниями командного состава полка неизменно увеличивалось. Кавалергарды оценили это неза-менимое для современной войны орудие и сами старались всяки-ми правдами и неправдами его приобрести».

Германская кавалерия тоже действовала по обычной схеме – наседала на отходящих, стараясь не дать им закрепиться, задержать до подхода своей пехоты. Кавалергардам приходилось использовать весь свой богатый арсенал навыков для борьбы с настойчивым и энергичным противником. Так, в июне отряд поручика Г.Воеводского истребил немецкий полуэскадрон, действуя по принципу старого казацкого «вентеря» – несколько всадников имитировали бегство и затянули врага в засаду. Примечательно то, что наши офицеры неизменно продолжали по-рыцарски относиться к пленным и поручик по просьбе захваченного в этом деле немецкого офицера Никкеля отправил его жене в Кельн открытку «с уведомлением о пленении ее мужа». Любопытно, что много лет спустя, уже в эмиграции, Воеводский встречался в Кельне с четой Никкелей, которая всегда тепло и сердечно его принимала.

За удачными действиями гвардейцев следовали награды. Георгиевское оружие получил ротмистр Дмитрий Коссиковский за «атаку эскадрона, доведенную до удара холодным оружием, обратив неприятеля в бегство». Орденом св.Георгия 4-й степени

награжден корнет князь Анатолий Ливен за «атаку превосходящего противника, обращение его в бегство и захват вьюка с важными документами».К сожалению, не обходилось и без потерь. Не стало полковника А.И.Звегинцова, брата командира 4-го эскадрона. По печальной шутке того времени «теперь кавалергарды погибают даже в воздухе», поскольку полковник погиб в авиакатастрофе на борту аэроплана «Илья Муромец».

К октябрю 1915 года активные действия на русском фронте затихают. Наши войска оставили Польшу, Галицию, часть Прибалтики. Стабилизация фронта по линии Рига-Двинск-Пинск-Черновцы определилась полным истощением наступавших. Русские войска закреплялись на новых позициях.

«Великое отступление» закончилось. В руководстве армией произошли изменения. Отстранен от должности великий князь Николай Николаевич – царь сам занял пост Верховного Главнокомандующего. Заметим, что эта замена считается крупной ошибкой царя, поскольку по словам А.А.Брусилова «в это время лучшего Верховного...найти было нельзя. Это - человек, несомненно, всецело преданный военному делу и теоретически и практически знавший и любивший военное ремесло. Войска верили в него и боялись его», а император Николай II, конечно, таких качеств не имел. Западным фронтом стал командовать Эверт, Северным – Рузский, которого с февраля 1916 года заменил Куропаткин, все еще пытавшийся восстановить свою репутацию полководца. 17 марта 1916 года командующим Юго-Западным фронтом назначается А.А.Брусилов, с именем которого связаны самые большие успехи русской армии в этом году и во всей войне в целом.

Кавалергарды зиму провели довольно спокойно. После 59-летнего перерыва полк развернулся до шести действующих эскадронов. Наконец появилось решение о формировании в кавалерийских полках конно-пулеметных команд и кавалергарды увеличили свою огневую мощь дополнительными пулеметами Максима под командой штабс-ротмистра графа Г.Шереметева. Отдых использовали и для активной учебы. Примечательно, что по опыту прошлых боев в подготовку солдат внесли большое количество элементов пехотной службы – метание ручных гранат, стрельбу из укрытий, штыковой бой и т.д. Ближе к весне возникла опасность распространения тифа и всем войскам были сделаны прививки. Любопытно, что солдаты побаивались этой непривычной процедуры и обращались к офицерам с вопросом: «Правда ли, что от этих прививок тифа не бывает, но и детей иметь больше нельзя?». Чтобы опровергнуть это предположение офицерам пришлось идти на прививки в первую очередь.

В начале мая в командование дивизией вступил генерал П.П.Скоропадский, давний однополчанин кавалергардов. До того времени он уже периодически исполнял обязанности комдива и хорошо зарекомендовал себя в сражениях. О генерале стоит сказать несколько слов, поскольку нам он известен лишь как «один из лидеров буржуазно-помещичьей контрреволюции на

П.П.Скоропадский (1873-1945).

Украине, марионетка оккупантов, который...в Берлине продолжал антисоветскую деятельность». Однако, не стоит забывать, что он много лет полезно и самоотверженно служил России. Кавалергард и сын кавалергарда боевой путь начал во время русско-японской войны сотником 2-го казачьего Читинского полка, заслужил ордена Владимира, Анны, Станислава (все с мечами) и золотое оружие. Во время Великой войны успешно командовал кавалерийскими соединениями, выделяясь знаниями и хладнокровием. Впоследствии занимал должность командующего 34-м армейским корпусом и имел репутацию одного из лучших генералов фронта. Естественно, что как и многие тысячи не принявших переворот военных, он сражался против большевиков. Погиб Скоропадский в возрасте 72-х лет в самом конце уже второй мировой войны – поезд, на котором он ехал к семье в Южной Германии, попал под удар авиации союзников.

Примерно в это же время командиром полка был назначен тоже «коренной кавалергард» полковник Н.Н.Шипов. Вот с такими командирами полк надеялся принять участие в развитии знаменитого Брусиловского прорыва.

Первоначальный план Ставки предполагал переход в одновременное наступление армий всех трех фронтов. Под давлением не желающих наступать и рисковать Куропаткина и Эверта, Северный фронт был исключен из операции, главное направление удара оставлено за Западным фронтом, но первым действия должен был начать Юго-Западный фронт Брусилова, нанося отвлекающий удар. Задача перед русскими стояла крайне сложная. Созданная почти за девять месяцев оборона австрийцев состояла из двух-трех позиций на расстоянии 3-5 километров друг от друга. Каждая позиция имела глубину до 4-х км, усилена проволочными заграждениями, узлами сопротивления. Опыт прорыва укрепленных позиций на Западном европейском фронте был малоутешительным. За время длительной подготовки операции, скрыть которую было невозможно, противник успевал привлечь к месту готовящегося прорыва резервы и, когда, наконец, начиналось наступление, то оно превращалось в массовое избиение обеих сторон до их полного истощения. Продвижение вперед, в лучшем случае, исчислялось несколькими

Приезд генерала П.П.Скоропадского в расположение полка.

километрами. Брусилов же предложил принципиально новый подход – готовить сразу 20-30 мест атаки на протяжении фронта. Лишив, таким образом, противника возможности определить направление главного удара.

Утром 4 июня огненный вал русской артиллерии обрушился на австрийские позиции. Взлетали в воздух проволочные заграждения, блиндажи, укрепления. За первые три дня войска Брусилова прорвали неприятельские позиции на фронте 70-80 км и ушли в глубину на 25-30 км. К исходу пятого дня только в плен было взято более 72-х тысяч австрийцев. Пора было активизироваться и Западному фронту, но Эверт при попустительстве начальника штаба Главковерха М.В.Алексеева оттягивал начало наступления.

Тем временем армии шли вперед. К 10-му июня в русском плену было уже 4013 офицеров и около 200 тысяч солдат противника. 11-го июня фронт усилился переданной ему 3-й армией. Стало ясно, что именно Брусилов может развить успех в стратегический. В июле сформировалась для наступления в разрыве между 3-й и 8-й армиями Особая армия. В нее вошли, кроме двух армейских, еще и гвардейские корпуса.

Место для действия гвардейцев было выбрано крайне неудачно. Непроходимая, раскинувшаяся более, чем на версту, болотистая долина реки Стоход, прорезанная несколькими глубокими рукавами, стала кошмаром нашей гвардии. К этому моменту полки находились в блестящем состоянии. «Многочисленные, зака-

ленные уже в боях, выздоро вевшие после ранений, старые солдаты представляли собою, вместе с жидкими кадрами, оставшимися после боев 1915 года, остов гвардейских полков. Молодые – были прекрасно обучены и дисциплинированы. Подтянутые, щегольски одетые гвардейцы носили на себе печать красоты и мощи. Их веселые, открытые лица отражали царивший среди них бодрый, превосходный дух» – вспоминал потом один из кирасирских офицеров.

Неудачу отчаянных атак неприятельских позиций никак нельзя поставить в вину гвардейцам. Крайне незначительное продвижение вперед стоило им колоссальных потерь. Например, в лейб-гвардии Кексгольмском полку только за один день выбыло из строя 60% солдат и 80% офицеров. Мало чем в таких условиях могли помочь своим товарищам кавалеристы.

С помощью прибывающих отовсюду подкреплений (при полном бездействии двух русских фронтов) противник все более упорно сопротивлялся на всех участках. Движение наших армий замедлилось. В августе стало понятно, что рассчитывать на стратегические последствия блестящего наступления не приходится. Постепенно русские армии останавливались и переходили к обороне. К концу октября активные боевые действия совсем затихли.

Надежды на участие кавалергардов в настоящих победных боях так и не сбылись. Он и долгое время замещали потрепанные пехотные полки в окопах, несли «тяжелый и чуждый для кавалерии род службы» Кроме того, им снова пришлось (на этот раз по жребию) откомандировать нескольких офицеров в пехоту. К зиме гвардию отвели в тыл на отдых.

Новости из столицы долго добирались до расположения частей. Помимо официаль ных сообщений доходили тревожные слухи о беспорядках на улицах Петрограда, недовольстве населения, об измене при дворе. 20 декабря в полку узнали об убийстве Григория Распутина. Эта фигура «святого старца» давно вызывала ненависть всех, кто хоть что-то слышал о его похождениях. Хотя официально виновников убийства не назвали, но все указывали на молодого князя Феликса Юсупова, как на главное действующее лицо. Кавалергарды удовлетворенно замечали, что хоть Феликс не кавалергард, а только сын кавалергарда (его отец командовал полком перед войной) , но все равно молодец!

Находясь на отдыхе, гвардейцы деятельно готовились к кампании 1917 года. В военных кругах перспективы на этот год оценивались как весьма обнадеживающие. Общая численность вооруженных сил Антанты достигла 27 миллионов человек против 10 миллионов в странах Центрального блока. Экономика Германии уже не справлялась с потребностями армии, исчерпаны людские ресурсы, еще более тяжелое положение создалось в Австро-Венгрии.

Снабжение русской армии стало вполне удовлетворительным. Несмотря на значи тельное уменьшение численности работающих, производство вооружений возросло по сравнению с 1913 годом на 130%, снаряжения – на 21%, производительность труда

Остановка на марше.

– на 76%.Несколько хуже обстояли дела с про довольствием - выдачи мяса и хлеба на фронте сокращались. Вообще на третьем году войны войска утомились, начинались разговоры о мире. Но дисциплина поддерживалась жестко и боеспособность частей сомнений не вызывала. Общее мнение военных выразил Брусилов в беседе с корреспондентом «Таймс»: «Война уже выиграна союзниками, хотя невозможно еще определить, сколько потребуется времени, чтобы убедить неприятеля, что дело, из-за которого он залил кровью Европу, безвозвратно потеряно».

Наряду с оптимизмом, вызывала опасения все более неспокойная обстановка в столице. Последовал ряд противоречивых приказов, по которым части трех гвардейских кавалерийских дивизий то должны были спешно грузиться в эшелоны для отправки в Петроград, то погрузка отменялась.

5 марта в полк одновременно пришли два документа, потрясшие гвардейцев – акт отречения Николая II и отказ великого князя Михаила Александровича от вступления на престол. Интересно, что великий князь не захотел принимать власть из рук своего брата, но согласился, говоря современным языком, баллотироваться в государи. «Одушевленный единою со всем народом мыслею, что выше всего благо Родины нашей, принял я твердое решение в том лишь случае воспринять верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому принадлежит всенародным голосованием, чрез представителей своих в Учредительном собрании установить образ правления и новые основные законы Государства Российского. Посему ...прошу всех граждан Державы Российской подчиниться Временному правительству, по почину Государственной Думы возникшему и облеченному всею полнотою власти, впредь до того, как созванное в возможно кратчайший срок, на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, Учредительное собрание своим решением об образе правления выразит волю

народа» – так было написано в обращении Михаила Александровича.

Через несколько дней кирасирские полки принесли присягу Временному правительству. Большая часть людей отнеслась к церемонии безразлично. Многие кирасиры из осторожных крестьян листов присяжных под писывать не стали. Отказались ставить свою подпись и некоторые офицеры.

С конца марта кавалергардов определили на охрану двух железнодорожных узлов – Шепетовки и Казатина. Армия постепенно начинала разваливаться, появилось значительное число дезертиров и для поддержания порядка в тылу использовалась кавалерия. Кавалерийские части не так пострадали в боях, как пехотные и в них еще оставалось 40%-50% кадрового состава солдат, сохраняющих дисциплину. Тем не менее в полках образовывались солдатские комитеты. У кавалергардов комитет начал работу с ревизии «экономических сумм», образовавшихся за время войны. Интересно, что эти деньги решили поделить между солдатами, введя понятие «солдат-день». Определение количества этих дней по каждому солдату с самого начала войны надолго загрузило работой и комитет, и офицеров. Тем временем в армии шла организация офицерского союза. Назначенный 22 мая Верховным Главнокомандующим Брусилов поддержал идею союза, ответив представителю этой организации: «я вполне сочувствую...и когда придет нужный момент, стану совместно с ним действовать. Пока же, ради тактических побуждений, буду держаться от него далеко. Настоятельно прошу повременить с какими бы то ни было выступлениями, ибо вскоре начнется атака на фронте, в успехе которой я вполне уверен».

К сожалению, в последнем прославленный и опытный генерал ошибся. 16 июня наступление начал Юго-Западный фронт. Четыре армии имели все необходимое – преимущество в численности, артиллерии, боеприпасах. В течение нескольких дней войска наступали без напряжения, довольно легко взламывая оборону противника. Но развития успеха не последовало. Войска начали обсуждать приказы, митинговать, части отказывались идти вперед. Когда германское командование начало контрудар, русские отошли на исходные рубежи почти без сопротивления. На Северном фронте солдаты вернулись на свои позиции после захвата первой линии германских окопов. На Западном фронте «после исключительно эффективной артиллерийской подготовки войска двинулись в атаку, прошли церемониальным маршем две-три линии окопов, побывали на батареях, сняли прицелы с орудий и... вернулись в свои окопы». Вести активные боевые действия русская армия больше не хотела. 6 июля Брусилов был заменен на должности Главковерха генералом Корниловым.

Кавалергарды все это время провели в работах по обеспечению порядка на железной дороге. В полку постоянно сохранялась дисциплина и никаких недоразумений между солдатами и офицерами не возникало. В конце августа стало известно о провале попытки захватить Петроград выступлением офицеров и

юнкеров внутри города с привлечением армейских частей. Генералы Корнилов, Деникин, Марков, Орлов, Эльснер, Эрдели были арестованы. Обстановка в полках сразу осложнилась. 12 сентября солдатский комитет вынес решение: «...во избежание дальнейших осложнений удалить из полка теперь же в первую очередь 11 нижепереименованных офицеров: полковника Д.Н.Звегинцова, штабс-ротмистров: барона К.К.Кнорринга, П.П.Баранова, графа М.В. Старженского, Г.А.Скалона, князя М.А. Голицына, барона Г.А. фон-дер-Остен-Дризена, М.В.Безобразова, корнетов: графа Г.О.Медема, П.П.Зубова и прапорщика Роговича. Остальные офицеры должны быть удалены в самое ближайшее время, по мере прибытия им смены».

1 ноября полк покидали уже последние четверо офицеров: ротмистр Г.С.Воеводский, шабс-ротмистры В.Н.Звегинцов, А.В.Чичерин, князь А.П.Ливен. Они уезжали в Киев. На вокзале Казатина собрались почти все оставшиеся в полку кавалергарды. Прощание было трогательным. Офицерам помогли устроиться в вагоне, прогремело последнее «Ура!». «Трубачи заиграли полковой марш. Поезд медленно двинулся вперед, увозя последних кавалергардов продолжать свой крестный путь служения России... В открытое окно вагона порывом ветра донесло заключительное колено родного марша: «Кавалергарды, будьте на страже, Белая дама смотрит на вас...» – так запомнился этот день Владимиру Звегинцову.

После отъезда офицеров полк, как организованный коллектив, просуществовал не долго. Часть людей разъехалась по домам, часть отправилась в столицу, пытаясь разобраться в происходящем. Значительное число солдат было родом из Малороссии и их привлекла идея создания Украинской армии. Полк распался.

Проследить дальнейшую судьбу кавалергардов оказалось очень сложно. Рассеявшиеся на огромных пространствах нашей страны, гонимые ураганами бурных событий тех лет, следы бывших кавалергардов затерялись. По вполне понятным причинам никто не афишировал свою принадлежность к элитному полку императорской гвардии. Скорее всего мы никогда не узнаем, как сложилась их жизнь. Можно надеяться только на случай, помочь которому, наверное, поможет эта книга.

С другой стороны, полк продолжает существовать, если сохраняется его знамя и воины вокруг него. Боевой штандарт кавалергардов не погиб. В конце 1918 года в Новороссийске под ним объединились несколько офицеров полка: полковник Д.В.Коссиковский, штабс-ротмистры граф И.Д.Толстой, граф А.Д.Толстой, В.В.Шебеко, граф Р.В. Мусин-Пушкин, граф С.Д.Шереметев, вольноопределяющийся Р.К.Львов. Проследить путь этих кавалергардов и их судьбу оказалось несколько проще, поскольку сохранились воспоминания участников событий, некоторые документы. Однако, опять же по известным причинам, такие материалы никогда у нас не издавались и «частное знакомство» с ними тоже было практически исключено. Теперь же мы можем продвинуть наши знания о кавалергардах еще на несколько лет вперед.

Первоначально, ввиду крайне незначительного числа людей, при Сводно-гвардейском пехотном полку образовался эскадрон конных разведчиков, состоявший из чинов Кавалергардского и двух кирасирских полков. К 1-му января 1919 года эскадрон расположился в 70 верстах к югу от Мелитополя. Спустя некоторое время было принято решение переименовать его в полк четырехэскадронного состава под названием Сводный полк Кирасирской дивизии, где каждый эскадрон воспроизводил один из полков !-й гвардейской кавалерийской дивизии. На первых порах в полку не имелось ничего. Седла, лошадей, оружие, снаряжение, обмундирование, деньги – все пришлось добывать самостоятельно. Была надежда, что удастся развернуть эскадроны до полных полков и в какой-то момент это почти получилось. Однако, как заметил один из офицеров, «ко всем формированиям гражданской войны совершенно неприменимы масштабы регулярных армий. Кавалергарды временами имели три, иногда два, чаще всего один эскадрон, боевой состав которого редко превышал 100-200 человек, падая часто до 2-3 десятков. Все это зависело не только от пополнения людьми, сколько от наличия конского состава».

В этот период половину кавалергардов составляли немцы-колонисты, другую – мобилизованные жители Мелитопольского уезда и добровольцы. Подготовку их в военном отношении взял на себя бывший старший унтер-офицер полка вахмистр Гновшин. Офицеров все еще не хватало и их обязанности исполняли старые солдаты. С оружием тоже было плохо: «Почти все офицеры были без револьверов, шашки – большая редкость и выдавались лишь лучшим, испытанным кирасирам, винтовки – самые разнообразные: русские, немецкие, изредка японские и итальянские».Так шло создание нового Кавалергардского полка.

1919-й год был самым насыщенным по накалу борьбы на юге России. По ходу боевых действий обе стороны прошли весь спектр эмоций – от отчаяния до предвкушения победы и наоборот. Вместе с основными силами Добровольческой армии кавалергарды в составе своей кавалерийской дивизии продвигались на Бахмач-Нежин-Батурин-Глухов. Передовые части армии генерала Май-Маевского заняли Курск и Орел. Впереди

Князь Н.А.Долгоруков, Н.М.Петрово-Солово, граф Н.А.Мусин-Пушкин.

была Тула и Москва. Однако, в конце октября им уже пришлось начать отступление.

В декабре обстановка изменилась коренным образом. Отступление войск и, особенно, тылов армии, все больше выходило из-под контроля командования. Сама армия оказалась расчлененной на три части. Левый фланг под командованием генералов Бредова и Шиллинга отходил от Киева и Чернигова на Одессу. Центральная группа генерала Слащева направилась в Крым. Правофланговые части Добровольческой армии по тянулись через Донецкий бассейн на Дон и далее к Новороссийску. В этом направлении двигались и кавалергарды. Картины отступления навсегда врезались в память тех, кто их видел. «Сравнительно хорошо налаженная, планомерная эвакуация армейских тылов постепенно превратилась в сплошной хаос. Проселочные дороги были забиты перемешавшимися обозами разных частей и сотнями тысяч подвод с беженцами. Тиф, новое испытание, выпавшее на долю этой массы несчастных, измученных людей, косил ежедневно тысячами и тысячами смертей. Всюду лежали трупы людей и павших от бескормицы лошадей. Хоронить их было некому и некогда» – так запишет потом один из офицеров полка.

Остатки кирасирского полка дошли до Новороссийска. Им нашлось место на транспорте «Аю Даг». Тяжелее всего для кавалеристов было расставание с лошадьми – их оставляли. «Полк, стой! Слезай! Расседлывай! Взять с собой седла и изголовья! Выходи на погрузку!». Последнее прости боевому другу, последняя ласка, кусок сахара и, не оборачиваясь, к трапу.

28 марта 1920 года кирасиры выгрузились в Феодосии. Там их ждал сюрприз. Отступавшая другими путями полковая хозчасть самостоятельно прибыла в Крым. За короткое время кавалергар-

Сергей Павлович Родзянко.

ды восстановили силы и полк был передвинут на оборону горловины полуострова.

В июне армия выдвинулась в Северную Таврию. Загремели бои у Каховки, на Мариупольском направлении. К этому времени полк изменил свой состав. Эскадрон конногвардейцев поступил в конвой главнокомандующего генерала Врангеля, расформирован эскадрон кирасир Его Величества – почему-то их забрали на формирование бронечастей.

К концу октября обстановка вновь осложнилась. «Полная невозможность пополнить убыль в войсках, в особенности в коннице, начертание фронта а виде выгнутой к северу на 120 верст дуги длиной около 400 верст с необеспеченными флангами... ставили командование перед трудной задачей продолжения боевых действий». Фронт пришлось сокращать, втягиваясь обратно в Крым. После падения укреплений Перекопа стало ясно, что в Крыму не удержаться. На рассвете 1 ноября остатки полка (около 200 шашек) вошли в Ялту. На следующий день кавалергарды начали погрузку на транспорт «Крым», имея с собой только седла и оружие. Они еще не знали, что война для них закончилась. Только спустя много лет полковник В.Н. Звегинцов напишет об этом дне: «Повернулась последняя, заключительная страница боевой летописи Кавалергардского полка».

4 ноября 1920 года пароход прибыл в Константинополь. Конечным пунктом расположения армии стал лагерь на полуострове Галлиполи. Часть людей разъехалась со временем из лагеря, но основная масса прожила в нем до августа 1921 года. «Зима без теплого белья, жизнь в палатках, в непривычных условиях после крушения всех надежд, была самым тяжелым периодом «Галлиполийского сидения» – вспоминал потом один из офицеров. Со временем жизнь несколько наладилась. Возобновились строевые занятия, подтянулась дисциплина, заработали курсы младших офицеров. Однако, мучила неизвестность и полное отсутствие средств. Командиры все же пытались хоть как-то поднять настроение людей. Так, командир кирасир Его величества полковник Ковалевский продал ордена своего покойного отца, чтобы устроить скромный полковой праздник. Сохранились фотографии этого праздника, где кирасиры (кавалергарды тоже участвовали в нем) стоят в строю с оружием и в форме. Правда, обмундирование было сделано уже из подручных материалов – рей-

тузы пошиты из одеял и выкрашены в синий цвет, вместо сапог американские брезентовые гетры, покрашенные черным, но все же это была форма.

Наконец, благополучно завершились переговоры с Сербией и 15 августа кирасиры покинули лагерь. Через Салоники гвардейский кирасирский полк прибыл на станцию Джевджели – границу Сербии. Его приняли на пограничную службу. Обратимся далее к запискам Г.А.Гоштовта. «Служба не тяжелая, но все были разбиты по отдельным постам и редко могли встречаться друг с другом. В ноябре 1922 года пограничная служба была уничтожена и полк перешел в финансовый контроль в городе Сплит, где простоял два года. Служба более тяжелая, но условия жизни были более культурные. Главный же недостаток заключался в том, что войска были оторваны от своих офицеров, чем нарушалось желание сохранить кадры. Поэтому из Сплита полк, надев свою русскую форму, ушел на работы по постройке железной дороги в Боснию, в гор. Мокрая Гора. Здесь кирасиры вошли в рабочую группу вместе с кавалергардами и конногренадерами под командой полковника Попова. В горах Боснии потекли тяжелые рабочие дни, все работали кирками и лопатами во главе с командирами эскадронов и лишь по праздникам надевали родную форму, а над бараками развевался флюгер родного полка. Это был кирасирский хуторок, признанный даже почтой. В 1925 году полковник Доленга-Ковалевский поехал на разведку и вскоре перевел кирасир и кавалергардов в гор. Новый Сад, куда впоследствии прибыли и конногренадеры. Здесь удалось устроить

На работах в Сербии.

большинство на аэродром и железную дорогу, а кирасир разместить по богатым хуторам. Здесь и закончилось совместное существование... В поисках приюта и возможности заработать на хлеб насущный, русские эмигранты...как щепки после кораблекрушения, понеслись по мирскому океану, вдобавок взбаламученному еще после только что завершившейся мировой войны. Казалось бы они должны были – при полной неподготовленности к какой-либо работе, всюду чуждые, стесняемые местными законами об охране труда – неминуемо пойти на дно».

Однако, как мы знаем, этого не произошло. Русские люди сумели выжить в суровых условиях, неизменно помогая друг другу. Многие из офицеров осели во Франции. Организационно поддержка бывших гвардейцев пошла через созданное 30 июля 1924 года Гвардейское объединение. Долгое время кавалергарды поддерживали отношения и с шефом своего полка – императрицей Марией Федоровной. Она с дочерями Ксенией и Ольгой была эвакуирована в апреле 1919 года из Ялты на борту английского крейсера «Мальборо» и поселилась в Копенгагене при дворе своего племянника короля Христиана X.

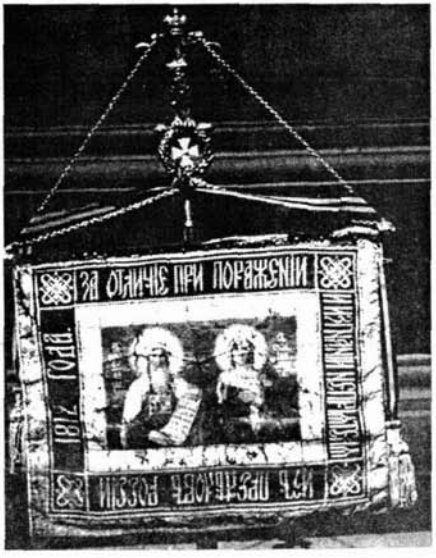
Через несколько лет, когда жизнь большинства участников Великой и гражданской войн вошла в нормальное русло, их стали тревожить опасения, что все бесценные для отечественной истории дневники, документы, регалии исчезнут со временем вместе с их владельцами. Тогда и появился этот протокол: «Группа офицеров гвардейской конницы, по инициативе генерала князя Эристова, собралась на частное совещание 6-го декабря 1931 года. В составе: генерала князя А.Н.Эристова, В.Н.Бибикова, Н.Н.Бобри-кова, Б.В.Геништа, Г.А.Гоштовта, В.Н.Звегинцова, В.В.Кононова, И.М.Кучевского, С.Л. Сафонова, Б.Н.Третьякова, Н.В.Шеншина, В.С .Хитрово. Из сообщения генерала князя Эристова и путем обмена мнений выяснилось. 1. Принимая во вни-

Георгий Георгиевич Раур, Николай Александрович Львов 5-й. Такими они были в эмиграции. Фото 1939.

мание, что архивы полков и батарей уничтожены и что воспоминания о действиях боевых частей в Великую войну постепенно стираются в памяти ее участников – крупный жертвенный период служения Царю и Отечеству полков и батарей гвардейской конницы может пропасть для истории. 2. Необходимо для предотвращения сего спешно принять всевозможные меры».

И меры были приняты. Усилиями всех бывших военных (не только гвардейцев) в течение многих лет издавался на русском языке ряд журналов («Военная быль», «Военно-исторический сборник» и др.), появились отдельными изданиями работы, посвященные русской армии начала XX века, сформировалось несколько музеев. В этих музеях и по сей день хранятся бесценные для нас свидетельства боевой славы России, но все это пока недоступно для обычного человека. Хранятся там и многочисленные реликвии кавалергардов: оружие, предметы обмундирования, награды, ларец императрицы, документы. Стоит и боевой штандарт полка.

Наш старый стяг, хранимый свято нами.
Руками русскими и русскими шелками
В родной земле любовью выткан он.
Он был овеян русскими ветрами
И, окропленный русскими дождями,
Он солнцем русским в битвах освящен.
Пусть вместе с нами изгнанный поныне,
За годы долгие скитаний на чужбине
Он обветшал, посекся и поблек.
Для тех из нас, кто знать и помнить смеет
По-прежнему с увядших складок веет
Нам прямо в душу русский ветерок...



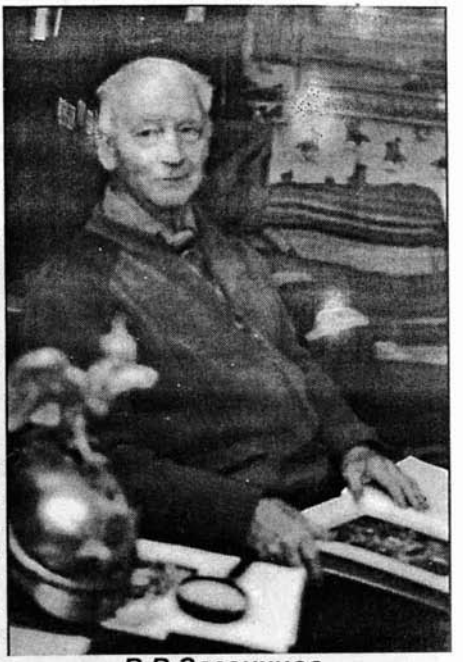
ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Мы не стремимся быть первыми, но не допустим никого быть лучше нас» – сказал как-то граф А.И.Мусин-Пушкин. Эти слова давно стали девизом Кавалергардского полка. Его история, как мы видели, была, действительно, историей первого полка российской кавалерии. В то же время на кавалергардах, как ни на одном другом формировании, сказывались все основные события в жизни нашего государства. В конце своего пути они разделили общую участь всех российских полков и теперь наша задача не дать исчезнуть памяти о них. О людях, создавших честь и славу России на протяжении многих веков. К сожалению, сохранение этой памяти у нас пока не гарантировано. Достаточно вспомнить, что у нас в стране не существует ни одного специализированного музея русской армии или полка. О создании такого музея в Москве долгие годы ведутся разговоры, но конкретных действий нет и сменится еще не одно поколение, пока такое чудо произойдет.

Существует огромный массив исторической информации, находящийся за рубежом. Пока с ним знакомы лишь единицы наших специалистов. К счастью, эти материалы, как правило, находятся на надежном хранении. Замечательно, что ряд наших соотечественников охотно и бескорыстно делятся имеющимися материалами, помогают практически, если это требуется для дела. В нашем случае значительную помощь оказал сын полковника Кавалергардского полка Владимир Владимирович Звегинцов. Огромное ему спасибо и вечная ему память!

Также мы надеемся, что эта работа в какой-то степени повлияет на формирование разумного взгляда на проблему увековечения памяти частей российской армии и людей, их составлявших. А это во-многом зависит и от нас. Пожалуй, пока никто, кроме нас не соберет эти материалы, не издаст их и не вовлечет наших соотечественников в святое дело.

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ВЛАДИМИРОВИЧА ЗВЕГИНЦОВА



В.В.Звегинцов. 1914-1996.

Родился в Царском Селе в семье кавалергардского офицера. Звегинцовы принадлежали к старинному дворянскому роду, имевшему девиз «Слову своему господин и раб». Без преувеличения можно сказать, что этим девизом Владимир Владимирович руководствовался всю свою жизнь. Когда в Гражданскую войну семья Звегинцовых вынуждена была покинуть Родину и, подобно многим эмигрантам, обосновалась во Франции, будущему историку было 6 лет. Первые свои работы – «Форма русской армии 1914 года» и «Русская армия 1914 года. Дислокация, формирования, регалии и отличия» В.В.Звегинцов издал в Париже в 1959 году. Впоследствии выходят «Хронология русской армии», «Знамена и штандарты» и, наконец, фундаментальный труд в 7-ми томах «Русская армия 1700-1917». К этим капитальным работам следует прибавить множество статей и заметок в специальных периодических изданиях, таких как «Военная быль», «Военно-исторический вестник» и др. Одна из главных заслуг В.В.Звегинцова состоит в том, что он собрал воедино и тщательно проанализировал великое множество источников из собраний зарубежных и отечественных музеев, библиотек и частных собраний и тем создал основы для всех будущих исследований, посвященных русской армии. На сегодняшний день свод трудов Владимира Владимировича остается непревзойденным.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Производство 28 сентября 1906.

По каким-то странным и до сих пор неизвестным мне причинам в тот год кавалерийские вольноопределяющиеся должны были держать экзамены при Павловском Училище. Когда мы это узнали, то сильно встревожились; видно собираются нас подтянуть, уж верно экзамены будут строже и много серьезнее, чем в так называемом «лошадином училище».

Там царил родной нам кавалерийский дух – погромче звени шпорами, докажи подобающую лихость – и все будет хорошо. Не то в серьезном Павловском училище, в самом, так сказать, святом святых пехотнаго капища. Припомнят нам и «пехота не пыли» и малиновый звон шпор и другия наши ведомыя и неведомыя прегрешения ! Страшно?

Наши доброжелатели из юнкеров серьезно советовали нам поменьше проявлять кавалерийский дух, не греметь шпорами, ненавистными для пехотнаго уха, не то... и они грустно качали головами, давая понять, что исход будет самый плачевный.

Мы приняли это всерьез и тщательно затыкали спичками репейки шпор, чтобы как-нибудь ненароком не зазвенели. Повороты старались делать возможно безшумные, приставляя ногу, осторожно, ходили чуть что не на цыпочках. Словом, лихие кавалеристы имели самый пришибленный и робкий вид.

Из-за нашей ли скромности, или просто, потому, что «не так страшен чорт, как его малюют», но нас не резали и экзамены сошли у большинства благополучно. Даже когда к моему ответу по тактике изволил прибыть сам начальник училища, о котором меня предупреждал мой милейший «натаскиватель» полковник Х, что он чрезвычайно свиреп и если, не дай Бог, будет присутствовать на экзаменах, то за результат ручаться нельзя – даже этот грозный судия меня не срезал, а поставил вполне сносный балл.

Итак, экзамены по общим предметам прошли благополучно. Для специальных кавалерийских испытаний по иппологии и истории конницы мы явились в Николаевское училище и тут, наконец, могли вытащить ненавистныя спички из шпор и блеснуть всем своим кавалерийским шиком и грохотом.

Эти экзамены прошли, так сказать, шутя, хотя некоторые совсем на знали, где находится колено на задней ноге лошади и, несмотря ни на какие подсказы, упорно тыкали в скакательный сустав, Латур-Мобура путали с Мюратом. Но это все, конечно, были пустяки, главное же мы проявляли нужную отчетливость и лихость, подобающия кавалеристам.

Съемки мы тоже должны были сдавать при Николаевском училище. Нас оправили на две недели в Красное Село, что после скучных и душных классов было даже приятно. Было весело бродить по полям с планшетом, закусывать и выпивать у все время

вертящихся, как слепни, «шакалов». Это уж был как бы сплошной пикник. К счастью и погода в тот год была хорошая; почти не было дождя. Помню, например, нашу глазомерную съемку. Участок нам был дан длиной по кругу верст восемь и мы ухитрились на нем сделать невязку в две с лишним версты.

Шли все гурьбой, предводительствуемые руководителем – кап. Ген. штаба. Собственно говоря, шел он, сопутствуемый двумя «подлизами», остальные же все время отставали: очень уже было холодно, да и у сопровождавших нас шакалов было особенно много вкусных вещей.

Но и это сошло как-то, несмотря на то, что наш руководитель грозился нам всем (кроме подлиз) поставить неудовлетворительные баллы.

Итак, для меня все сошло бы благополучно, если бы на мое несчастье я не заболел перед самым концом съемок и должен был их отложить до осени, вместе с теми, у кого были переэкзаменовки. В мой полк в тот год выходили, кроме меня, ещё двое и у обоих были переэкзаменовки. Из них я был первым по средней отметке.

Осенью удалось быстро доделать съемки и оставалось лишь вычертить их набеловую в училище.

Было начало сентября, я сидел в пустом классе Николаевскаго училища и старательно накладывал толстые штрихи на Дудергофскую гору. Выходило довольно черно и грязно, но чем же я был виноват, что мне достался самый обрыв? Да кроме того, мне этой премудрости никогда не удавалось постигнуть: поставишь два-три штриха прилично, а там пойдёт криво и косо, ведь их надо вести перпендикулярно к горизонталям а, ну-ка, умудрись это сделать, когда она, подлая вьется, как змея. Просто мученье.

Я мрачно смотрел на свою работу, как, вдруг, дверь отворилась и вошел грозный инспектор классов – полк. О. Подойдя ко мне, он посмотрел на мое черчение и сказал, указывая на угол плана, где склон горы был более пологий: «Заштрихуйте-ка мне вот этот квадрат». Я начал штриховать, но не прошло и двух минут, как он меня остановил, сказав: «Довольно, хорошо. Скажите, пожалуйста, сколько вам нужно для гвардейскаго балла?»

Так как у меня было уже несколько больше требуемой средней отметки, то я ответил, что вполне удовлетворился бы девяткой.

– «Отлично», сказал он, «собирайте ваши вещи и можете итти, Вас в приемной ожидает полковой адъютант, который просил отпустить вас возможно скорее, т.к. завтра вашему полку предстоит Высочайший.смотр и Августейшему Шефу было угодно, чтобы вы на нем присутствовали. Понимаете, что это значит? Поздравляю вас». И гроза вдруг прояснилась, показалось солнце, и свирепый полковник с любезной улыбкой протянул мне руку.

Быстро собравшись, я сбежал в приемную, где наш полковой адъютант подтвердил радостную весть – завтра Высочайший смотр в Петергофе и, вероятно, производство.

Не забудьте, добавил он, привезти с собой офицерскую форму. Полк будет стоять в казармах Л.Гв. Уланскаго полка, прибудьте туда к семи часам утра.

В самом радужном настроении я понесся домой и уже не помню, как дождался желаннаго утра. С первым поездом выехал в Петергоф и явился к назначенному часу в полк.

Там уже шли лихорадочные сборы: начищались каски и кирасы до блеска .золота, лошади, которым с вечера вымыли хвосты и гривы квасом и на ночь заплели их в мелкия косички, выгляделн, когда их расплели и расчесали, как нарядныя дамы,только что вышедшия от парикмахера.

Мне, вместо моего Троглодита, на котором я проделал все учения, назначили молодую кобылу Китаянку, одну из самых красивых лошадей эскадрона. «Почему?», спрашиваю, ведь раньше сколько ни просил вахмистра Фому Михеевича дать мне ее для езды – всегда получал отказ. – «А, –. говорит взводный Тищенко, – вам придется ехать в замке эскадрона, вы лишний унтер-офицер, ну, стало, быть, надо вам и лошадь показистее, Троглодит-то хорош на ученье, что и говорить, ну а куда ж ему, безухому, на царской смотр, да и на самое видное место" (действительно, у моего Троглодита было отрублено одно ухо каким-то неудачным рубакой). – «Смотрите не подкачайте, – продолжал Тищенко, – докажите». Ехать в замке четвертаго эскадрона, т.е. замыкать весь полк, ехать одному на виду у всех, на виду у Государя – какое счастье! Чувства, которыя я тогда испытывал, вероятно приближались к тем, что переживал Николай Ростов, когда ему пришлось ехать на Царском смотру в замке своего эскадрона. Но в то время, конечно, мне было не до сравнений – слишком уж был занят собой: страх, чтоб как-нибудь не «подкачать» и радость, что можно «доказать» – сливались в общее волненье.

Парад был назначен въ 11 часов. За уборкой и разными приготовлениями время прошло незаметно, и вот уж мы на плацу.

Подъзжает постепенно начальство, команда «смирно», здорованье – все как-то проходит в тумане, в ожидании великаго момента, в сладком предвкушении и в волнении. С моего места сзади развернутаго эскадрона начальство видно неясно, врезывается только то бодрое, наигранно молодцеватое, то наоборот, какое-то старчески разслабленное или аффектированное здорованье.

Но вот полк как бы вздрогнул, раздалась команда «Смирно!» и все замолкло – на плац въезжала группа всадников и впереди ея Государь, все взоры напряженно впились в Него, все видели только Его одного. Сердце словно сжалось и быстро, быстро забилось. Медленным шагом проезжал Он по фронту полка, здороваясь отдельно с каждым эскадроном, ласково и внимательно вглядываясь, казалось, в самые глаза каждаго солдата. Вот Он поравнялся с серединой нашего эскадрона, – «Здорово четвертый эскадрон», негромко, но внятно, каким-то особенным, задушевным голосом, как никто другой не мог бы поздороваться,

сказал Государь, и ясная улыбка светилась в Его глазах, когда в ответ загремело из полутораста молодых, сильных грудей: «Здравия желаем Вашему Императорскому Величеству». И потом бурное и радостное «Ура» – долго провожало медленно удаляющуюся не-большую фигуру Царя.

Команда, перестроения, прохождение рысью и, потом галопом, сознание, что не «подкачал», проехал на виду у Государя «этаким чортом» – все слилось в общее радостное чувство. Полк построен квадратом, нервное ожидание дошло до предела. Когда же наконец? Вдруг слышу приказание эскадроннаго командира: «Вольноопределяющийся, вперед!». Выезжаю; кто-то что-то говорит, но все в тумане и ничего не слышу, не понимаю. Все мысли, всё внимание сосредоточены на небольшом всаднике, одиноко стоящем на середине плаца. Добрая кобыла лихо выносит полевым галопом и послушно останавливается в пяти шагах от Государя. Да, это Он! Его добрые, лучистые глаза ласково вгляды-ваются, кажется, в самую душу.

– Поздравляю вас корнетом, – слышу уже знакомый негромкий, но удивительно ясный голос.

– Покорно благодарю, Ваше Императорское Величество, – на всю площадь ору радостно, как-то стихийно.

Государь улыбается. «Ему понятна эта радость. Он сам рад, что мог доставить счастливейшую минуту, незабываемую на всю жизнь. Потом опять туман, кто-то поздравляет, все спешат во дворец переодеваться к Высочайшему завтраку, и я тоже приобщаюсь к этому офицерскому бытию. Во дворце, в отведенных для офицеров комнатах, ждет первое разочарование: мой человек с вещами не приехал из Петербурга. Волнение, отчаяние. Все быстро переодеваются в мундиры "перваго срока" и один за другим уходят наверх в Царские аппартаменты. Мне нечего переодеть, не итти же унтер-офицером.

Тут сжалился надо мной мой старый приятель, друг детства, вышедший в полк из корпуса, стало быть на четыре года опередивший меня (я поступил из университета). По сложению он еще «плотнее», чтобы не сказать, толще меня. Он предлагает мне свой мундир, в котором был на смотру. С радостью соглашаюсь – что же делать, хотя и не «первый срок» и довольно мешковато сидит, но все же хоть что-нибудь и можно итти «туда» со всеми офицерами. Переодевание и пригонка берут довольно много времени, и когда я поднимаюсь наверх, уже все сидят за столом – войти в столовую нельзя. Это оказалось для меня счастьем.

Несколько генералов и чинов дворцоваго ведомства завтракают в прилегающей к столовой зале и приглашают меня подсесть к ним. Сажусь. Тут многие мне знакомы, знают моего отца, помнят меня еще с детства. За разговором о том, о сем, вдруг, кто-то обращается ко мне с поздравлением по случаю производства. Мой сосед по столу взглядывает равнодушно на меня и говорит: «А, вы произведены в поручики, поздравляю». С удивлением гляжу на него, на свои эполеты и... о ужас, вижу на них три звездочки. Видно, второпях, переодеваясь в мундир мое-

го приятеля, забыл переменить его эполеты. Какое счастье, что опоздал к завтраку и не попал в залу, где был Государь. Что было бы? Арест, разжалование? Всякие ужасы пробегают в голове, пока я пулей слетаю вниз и среди оставленных мундиров нахожу и прилаживаю корнетские эполеты. Когда уже по форме одетый, вновь поднимаюсь наверх завтрак кончен и Царская семья окружена офицерами нашего полка, происходит так называемый «круг». Я замешиваюсь в задние ряды. «Вновь произведенные, вперед», приказывает командир полка, и нас как-то выжимают в передний ряд. Опять вижу лучистые, улыбающиеся глаза Государя, Он что-то спрашивает о моем мундире, мешковатость которого бросается Ему в глаза, «вероятно не .ожидали производства и не успели заказать формы». Командир объясняет в чем дело, на сцену вызывают моего приятеля, владельца мундира и подтрунивают над ним и надо мной. Потом разъезд, мое офицерское платье, наконец, привезено, быстро переодеваюсь в городскую форму. Поезд в Петербург, давно неиспытанное удовольствие ехать в первом классе. С вокзала в собрание. Едем на извощике вместе с тоже вновь произведенным С. Я старший по баллам и гордо принимаю честь, командую «вольно» встречающимся командам солдат. Чувство радости и гордости.

С тех пор прошло уж тридцать лет, а счастливое время производства неизгладимо запечатлелось в памяти, и картины встают, как живыя, со всеми сложными чуствами их сопровождавшими.

М. Скарятин.

Приложение 2

НОЯБРЬСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ.

Помню чудесный декабрьский день: тихо, легкой мороз, яркое солнце. Невский полон гуляющих. Молодцевато идет полк. Вдруг, где-то впереди, в расположении головного батальона, неожиданно послышался наш полковой марш. По резким, медным звукам музыки улавливаю сразу, что это – трубачи кавалерийскаго полка. Слышны команды: «смирно, господа офицеры». И почти сейчас же заиграл и наш оркестр. До меня долетают звуки Кавалергардскаго марша. Звуки Кавалергардскаго марша переплетаются теперь и с нашими: «Финляндцы, вы стяжали славу, повсюду, где ходили в бой...». Все ближе и ближе, все громче и яснее нарастают звуки нашего марша. И вдруг, сразу, я вижу идущих нам навстречу, всадников гвардейской «тяжелой». Вот трубачи-Кавалергарды, впереди серебряные литавры. Вот и их головной, Ея Величества, эскадрон. Красавцы-богатыри, голубоглазые и светловолосые, на громадных гнедых конях. Седла покрыты красными вальтрапами о серебряными галунами. Блестящие каски с посеребренными двуглавыми орлами. Поверх шинелей – медныя, сверкающия на солнце кирасы. Звенят тяжелые палаши в стальных ножнах. Колышатся красныя пики с бело-алыми флюгерами.

И невольно залюбуешься на эту воинскую красоту. Кавалергарды видимо возвращались откуда-то (не с похороннаго ли наряда?) в свои старыя Елисаветинския казармы, на Захарьевскую.

Два гвардейских полка встретились, и каждый приветствует другого его полковым маршем – таков был обычай. Круто повернуты головы солдат. У офицеров – рука у головного убора.

Горячатся кони, танцуют. Твердо слышна наша нога. Гуляющие по Невскому проспекту с интересом и любопытством наблюдают эту традиционную церемонию встречи двух гвардейских полков, любуются красотой конницы и стройностью пехоты, слушают их звучные полковые марши. Да, много было в былой Царской России непередаваемой красоты, даже в таких, казалось бы, прозаических воинских нарядах и учениях. Строго соблюдались старые обычаи, свято хранились полками их седыя традиции. Жизнь тогда была совсем иная, и, вспоминая о ней теперь, на чужбине, просто не веришь, не приснилось ли все это во сне? И невольно благодаришь Господа Бога, что он дал нам счастье все это пережить, что имеем мы, на старости лет такия дивныя воспоминания.

Д.Ходнев. Л-гв. Финляндского полка.

Приложение 3

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ ТОМУ НАЗАД

Санкт-Петербург начала нашего столетия вплоть до первой мировой войны мало чем отличался от Петербурга времен Императора Николая 1-го.

Это был своего рода придворно-военно-чиновничий стан, все штатское терялись на фоне многоцветных, красивых и разнообразных с форм. Блестящия каски с орлами, кивера, султаны, Павловския гренадерки и медвежьи высокия шапки дворцовых гренадер, малиновый звон шпор, звон палашей, гремящих по граниту тротуаров, шпаги, тесаки, превращающие русскаго мужика в подобие римскаго легионера. На серо-серебряном фоне Петербургскаго неба, эти краски веселили взор и были красивы.

Много было и других красочных одеяний: трехугольныя шляпы с кокардами, с перьями и без перьев – надетыя вдоль, а иногда и поперек, белыя барашковыя свитския шапки, шинели с бобрами, чорныя, либо сераго сукна, длинныя до пят с пелеринами. Далеко были видны красные генеральские отвороты и подкладки, широкие золотые и серебряные погоны и густые эполеты.

Для современной войны эта архаическая красота была мало пригодна, но в мирные годы яркость красок давала жизнь и блеск суровым берегам Невы. И, может быть, эти краски, блеск золотых и серебряных приборов в некоторой степени, заменяя и отсутствующее солнце и даже дневной свет, особенно в темные, сумрачные зимние месяца.

По улицам тогдашняго Петербурга вереницами тянулись извощичьи пролетки или сани, в зависимости от сезона, и на облучках, немного боком, сидели бородатые скифы в ватных армяках и катанах, лениво подергивая висящия вожжи. Толстобрюхая лошадь на согнутых ногах с трудом тащит дребезжащую пролетку или санки, крытые полостью непонятнаго длинноволосого зверя.

«Па-а-берегись!» раздавался повелительный окрик и мимо проносился лихач. Рысак – совершеннейший зверь орловской породы – широко забирая ногами, пустив по ветру длинный хвост, легко обгоняя всех, без усилия тащил блестящую, лакированную пролетку. Дуга легкая, шлея, сиделка лакированы с серебряным набором. Сам иэвозщик – краснощекий, чернобородый малый, твердо держит, в далеко вытянутых руках темносиния вожжи.

Плывут ровной рысью придворныя, запряженныя парой в дышло по английски. Хвосты и гривы лошадей коротко подстрижены, а кучера и выездной -- одеты в красныя с золотыми орленьми позументами, придворныя ливреи с пелеринами – гладко выбриты. На них красныя трехъугольныя шляпы, украшенныя белыми перьями, надетыя у одного вдоль и немного набок, а у другого поперек. В руках у кучера длинный английский бич.

Даже частныя кареты, коляски и сани прибавляли краски к общей симфонии стараго Петер5урга своими необычайными, нигде невиданными шляпами малиноваго, желтаго, зеленаго бархата, в вид толстых квадратных подушек, лежащих прямо на головах кучеров.

Таков был Петербург всего пятьдесят лет тому назад.

Прошло полвека и изумительно думать, что мы, уже взрослой жизнью, жили в Петербурге, оставшемся почти неприкосновенным со времен «Блаженной памяти Николая Павловича». Сам же Петербург – Петербург Елизаветы, Екатерины и особенно обоих внуков Великой Императрицы, был торжественно красив и мы выросли в нем, любуясь каждый день странной смесью венецианскаго романтизма, классических колоннад и легкого барокко, той почти театральной декорацией, которой, опершись на гранитный парапет широкой и величавой Невы, любовался Пушкин.

Тяжелая конница в золотых шлемах с двуглавыми орлами, в сверкающих кирасах, с длинными палашами, была неотъемлемой частью этого Петербурга, и, когда рано утром, во мгле Моховой или на тихой Миллионной, звеня подковами, шел взвод Кавалергардов в кирасах и касках, с бело-алыми флюгерами на алых пиках, со штандартом, тихо плывущем над всадниками, казалось оживало прошлое стараго Санкт-Петербурга.

Зима 1913 года была последней спокойной зимой перед огромными сдвигами, переменившими в корне Россию, ея историю, а с ней и державный Петербург. Зима была снежная, морозная, веселая и беззаботная. На Рождество Александр Тимашев, Димитрий Дубасов, Александр Дризен и я охотились в подмосковном имении моих родителей Яропольце. Несмотря на яркое солнце, дух захватывало от сухого мороза и вечерами блестящая, белая луна, окруженная широким, ярким поясом, ослепи-

тельно освещала белые снега, белый дом и белую ограду вокруг сада. Светло было, как днемъ и в неподвижно замерзшем парке, на ярко белом снегу, лежали четкая, почти черныя тени деревьев.

За день до Новаго Года нарочный принес телеграмму, сообщавшую о принятии нас в Кавалергардский полк. Из Пажескаго корпуса нас было принято четверо. Считая по старшинству : Фельдфебель Михаил Безобразов, камер пажи Сергей Безобразов, Николай Казнаков и Димитрий Дубасов. В телеграмме было также сказано, что командир полка кн. А.Н.Долгоруков примет нас 15-го Января в 10 с половиною часов.

Для такого исключительнаго дня, из погребов были вынесены старинныя, пузатыя, зеленаго стекла бутылки токайскаго, лежавшие там со времен Великой Екатерины, и будущие Кавалергарды, под взорами георгиевских кавалеров других времен отпраздновали это долгожданное событие.

По возвращению в Петербург первый заботой было обзавестись белой с красным околышком полковой фуражкой. Таков был обычай в корпусе: камер-пажи и пажи старшаго класса, вечером, перед укладкой на ночь, по мере принятия в полки, надевали фуражки своих частей и, таким образом, понемногу открывались тщательно до того скрываемыя намерения.

С вечера все было готово, но как это часто бывает, в последнюю минуту мелкий бес вмешался в дело и на одной из белых перчаток оказалось чернильное пятно. Пришлось послать в магазин Фокина на Караванную.

Все это заняло не мало времени и, когда я, наконец, добрался до передней командира – командир жил в полковой казенной квар-тире в Шефскомъ Корпусе, то швейцар, снимая пальто, сообщил, что «господа уже представлялись и изволили отбыть».

Вчетвером было бы менее страшно, а тут я оказался один. Я стоял и ждал в большом зале у двери. Направо открылась другая дверь и генерал в серой тужурке, окутанный облаками сигарнаго дыма, появился в ней. Три шага по уставу, легкое сердцебиение и длинная сакраментальная фраза «камер-паж такой-то является по случаю принятия в полк». Бес, повидимому, потерял меня в дороге и я легко и точно проделал все, что полагалось. Командир любезно улыбнулся и протянул руку. Несколько наставительных слов, очень добродушных и я почувствовал себя счастливым.

Весной, после съемок, наступило время прикомандирования к полку. Незадолго до съемок, отслужил я свою последнюю камер-пажескую службу. То была последняя вспышка блеска и величья уходящей династии.

Ранней весной 1914 года к нашему Императору приехал на свиданье король Саксонский и по этому поводу в Царскосельском дворце был назначен парадный завтрак. Уже с ранняго утра мы, камер-пажи, готовились к предстоящему торжеству, затянутые в белыя лосины, лакированных ботфортах со шпорами, в мундирах по колено, разшитых золотом сверху до низу и также разшитых по рукавам и даже сзади. На боку шпага на золотой портупее, с блестящей черной каской со звездою и ниспадающим

каскадом белаго султана, мы, правда, были похожи на заморских жар-птиц, на которых даже было больно смотреть.

Придворныя кареты повезли нас через весь Петербург на Царскосельский вокзал и удивленные прохожие долго глядели нам вслед, стараясь угадать значение такого видения. Такие же кареты встретили нас в Царском Селе и быстро доставили во дворец.

В большой, полупустой гостиной перваго этажа стояли, тихо переговариваясь, первые чины Двора. Потом, понемногу, прибыли члены Царской Семьи – все высокие, видные с голубыми Андреевскими лентами черезъ плечо. Арап в шелковом золотом одеянии в малиновом тюрбане распахнул обе половины большой двери и сразу наступила тишина. В дверях появился церемоний-мейстер. Жезлом чернаго дерева с набалдашником слоновой кости с черным орлом, он торжественно ударил трижды о пол и громко провозгласил: «Их Величества».

Вошел Государь и рядом с ним небольшой, рыжеватый и довольно толстый король Саксонский. Государь представил ему министра Двора графа Фредерикса и свиту. Король пожал руку министру и, сделав широкий жест рукой, добавил что-то по-немецки к глубокому недоумению остальных лиц свиты.

Затем шествие выстроилось вдоль галлереи. В первой паре Государь с Императрицей, потом король с Вдовствующей Императрицей, потом все Великие Князья и Княгини. Я шел слева от моей Великой Княгини Елизаветы Маврикиевны, жены Великаго Князя Константина Константиновича, стараясь не наступить на ея шлейф. Подымаясь по белой мраморной лестнице, я залюбовался блестящей вереницей шествия. Тут я заметил, что моя Великая Княгини исчезла. Напрасно я разыскивал ее вдоль шествия - ее нигде не было.

Так мы добрались до верху, проследовав через несколько галлерей и приемных и вошли в огромный, двухсветный синий с золотом зал. На хорах, высоко наверху, придворный симфонический оркестр, в красных с золотом одеяниях грянул: «Славься, Ты Славься». Государь с Императрицей, ведя шествие, шли вдоль бесконечнаго стола, расположеннаго покоем. Приглашенные стоя ждали у своих мест и, по мере прохождения Царя, все эти знатные, заслуженные сановники, покрытые золотом, лентами и звездами, низко склоняли свои головы.

Царь остановился во главе стола. Короля подвели к его месту, как раз против Царя. Каково было мое удивление, найдя мою Великую Княгиню у своего прибора. Ей было смешно, так как из-за больной ноги она поднялась по лифту и, вероятно, догадывалась, как я растерялся, оставшись один. Наконец, Государь сел, и за ним все остальные. За Государем стоял наш фельдфебель Михаил Безобразов. Налево от Государя сидела Императрица, дальше Великий Князь Кирилл Владимирович и рядом моя Великая Княгиня. Я стоял и смотрел. Трудно было найти лучшее место для наблюдения.

За двумя Императрицами и всеми Великими Княгинями стоя-

ли камер-пажи, за камер-пажами придворные-скороходы в желтых с двуглавыми орлами одеяниях. На них были небольшия шапочки такого же цвета, отороченныя с одной стороны короткими страусовыми перьями.

Растворились парадныя двери и вереница камер лакеев внесла серебряныя блюда. Императрица сидела через два кресла направо. Она концами пальцев перебирала край белой скатерти, ничего не тронула из поданных блюд и почти не произнесла ни одного слова. Заметно было, как неожиданно менялся цвет Ея лица, то бледнея, то вспыхивая розовым блеском. Вероятно мысли Императрицы были далеки от окружающей ее церемонии.

Немного налево Великая Княжна Ольга Николаевна о чем-то спорила с Великим Князем Кириллом Владимировичем. Она хотела что-то записать на меню и, повернувшись ко мне, с веселой улыбкой, попросила карандаш. Еще со времен Великой Екатерины, камер-пажам полагалось иметь при себе аглицкия соли, ножницы, иголки со вдетыми нитками, но карандаш и бумага не были предусмотрены. Совсем неожиданно я почувствовал в руке карандаш и с радостью подал его Великой Княжне. Она приветливо еще раз улыбнулась. Спас меня скороход, имевший, вероятно, все необходимое при себе.

Так мы стояли неподвижно и часы шли за часами. Мимо проносили жареных фазанов, рябчиков, знаменитые дворцовые «паштеты». Чего только не подавалось к столу. Произнесены были речи, но время для нас тянулось, а главное хотелось есть, как может хотеться в 19 лет, простояв без еды так много часов.

Наконец Государь встал, зашумели стулья и шествие тем же порядком отправилось в большую гостинную, где, согласно камер-фурьерскому журналу, «Высочайшия Особы изволили откушать кофе». Мы же продолжали стоять, но на этот раз вдоль стен, терпеливо ожидая нашей очереди.

Теперь, 5О лет спустя, вспоминая все эти великолепия, которыя тогда казались так назыблемы, трудно поверить, что всего три года отделяли эту спокойную и уверенную в себе эпоху от катастрофы, где весь правящий класс великой монархии, с династией во главе, исчез безвозвратно, что все эти государственные мужи так непредвиденно и потом неожиданно превратились в несчастных стариков, гонимых революцией. Воистину, «неведомы пути Господни».

Кавалергарды стояли в Павловской Слободе Краснаго Села. Каждое утро ровно в 6 утра трубачи объезжали лагерное расположение полка и на всех перекрестках играли генерал-марш. Начинался день кавалерийскаго полка.

Военное поле было главным поприщем, где массы конницы маневрировали в облаках густой пыли. Само поле, казалось, не имело границ и разросталось во все стороны до горизонта. Хотя еще зеленое, оно было затоптано тысячами конских копыт. Издали поле казалось ровным, как бильярд, но на самом деле, оно было прорезано глубокими складками, где, как говорили знатоки, могла скрыться целая дивизия. Небольшое возвышение, назы-

ваемое Царским Валиком, служило местом наблюдения для Царя, когда Император присутствовал на маневрах.

С ранняго утра, в облаках желтой пыли мы носились по безконечной равнине, исполняя замысловатыя построения строевого устава. Солнце жгло немилосердно и в накаленном воздухе, обливаясь потом, подобные «отрокам в пещи огненной» мы обучались кавалерийскому искусству.

Трудно теперь себе представить, что столько времени и усилий было потрачено на уже отжившия формы войны. Пулеметы и скорострельная артиллерия давно уничтожили значение больших конных масс в европейских войнах, а мыслено продолжали готовиться к войнам времен Наполеона.

Но мы в этом отношении не были исключением. Французы выступили на войну в красных штанах, в их главном штабе царила выработанная еще до войны теория, что путь к победе лежал в непрерывной штыковой атаке пехотой. Этот непонятный консерватизм уложил в первый же год войны сотни тысяч ненужных жертв и Франция чуть не погибла.

Наконец наступил день, когда я был назначен ординарцем к командиру бригады кн. В.А.Долгорукову. Учение было дивизионное и начальником дивизии был генерал Казнаков. Поле было покрыто до горизонта маневрирующими массами конницы. Зрелище было великолепное и я с интересом следил за всем происходившим. Потом мое внимание перешло на другие предметы, мысли унеслись куда-то в пространство и, убаюканный ездой и горячим солнцем, я забыл о маневрах, о моем генерале и, вообще, обо всем, что происходило кругом и, неожиданно я был разбужен обрывками слов, долетавшими до меня. «1-му полку... колоннами ... и т.д.». Согласно уставу, передача приказаний должна быть исполнена немедленно.

Припустив коня, я скакал по широкому полю. Вдали виднелась тяжелая масса нашего полка. И тут, к своему ужасу, я заметил, что кроме 1-го полка и колоннами, я мало что запомнил и что длинное приказание каким-то образом пронеслось мимо моих ушей. Разстояние до полка быстро сокращалось и по мере сокращения мое волнение соответственно возрастало.

«Надо вернуться, переспросить», твердил разум. «Немыслимо, невозможно» – пугало воображение. Но вот полк. Вот командир с трубачем и ординарцами. Теперь уже поздно, и я, лихо остановив коня в двух шагах от кн. Долгорукова, рапортую. «Ваше сиятельство, 1-ому полку приказано построиться... тут я запнулся, вспомнил какое-то построение, где тоже было слово «колоннами» и, которое мы еще так недавно учили в корпусе, и, как человеку, которому больше терять нечего, быстро отбарабанил знакомую формулу. Авось сойдет».

Полк начал проделывать свою эволюцию, остальные же делали что-то совсем другое. Все перепуталось и, по выражению летописца, полки «побрели розно». Я же скакал обратно к командиру бригады. Прискакал начальник дивизии, генералы спорили. Появился и наш командир и после длинных споров и взаимных упре-

ков всем вдруг стало ясно, кто был главным виновником. Мне немедленно было приказано вернуться в строй. Так неудачно началась моя военная карьера и до вечера я ходил уничтоженный, купаясь, как мне казалось, в море позора. Но молодость быстро забывает уныние и неудачи и уже на следующее утро, забыв о происшедшем, я выехал на учение таким же бодрым и реселым, как всегда.

В начале июня из рядовых Кавалергардов, мы камер-пажи, были переведены на офицерское положение и одновременно допущены в офицерскую артель. До этих пор мы столовались в небольшой столовой во втором этаже вместе с вольноопределяющимися кн. Игорем Репниным и Александром Шебеко.

В день допущения камер-пажей в офицерскую артель, я был назначен дежурным по полку. Это был своего рода день страшнаго суда. Находясь на дежурстве я не разставался с шашкой, револьвером и фуражкой, даже за столом. Когда все уже сидели, вошел командир; я подошел к нему с рапортом и командир занял свое место во главе стола. Дальше сидели полковники и командиры эскадронов. Противоположный конец стола был занят штабс-ротмистрами и поручиками, а нам и молодым корнетам была предоставлена середина.

Первые дни в артели очень стеснительны и, как правило, на нас никто не обращал внимания. За одним из таких завтраков подошел ко мне вестовой со стопкой на серебряном блюде: «От корнета графа Толстого». Я уже знал,что надо делать. Со стаканом в руках, обойдя весь стол, я отправился чокнуться с отправителем. Это был первый признак оттепели. Одна за другой стали появляться другия стопки – это тоже было признаком полнаго признания. В артели подавалось только шампанское удельнаго производства под названием Абрау-Дюрсо. Недели три спустя мы совсем привыкли к своему положению и постепенно были приняты наравне со всеми.

Приблизительно в это же время, полк одним переходом прошел до реки Дуги, верстах в сорока от Краснаго Села. День был необычайно душный, тяжелый. Пыль густым облаком висела над эскадронами. Плохо мною пригнанная винтовка натерла мне спину до крови. Последние часы перехода были особенно мучительны. У Луги полк обучался сторожевому охранению и, главным образом, плаванию Жили мы в палатках на лугу у реки, где было тенисто и прохладно. В большой артельной палатке мы завтракали и обедали.

В это время происходили события, нарушившия в корне нашу спокойную, равномерную жизнь. Мало кто оценил сразу значение Сараевскаго убийства. Раздавшийся выстрел был первым выстрелом мировой войны, стоившей человечеству невиданныя жертвы.

Палатки были сложены и полк вернулся в Красное Село. Камер-пажи были вызваны обратно в лагерь корпуса и на короткий срок мы опять окунулись в корпусную жизнь. 12-го июля последний раз шли мы строем на площади около лагерной церкви, где и

построились в ожидании прибытия Государя. Вместо обычнаго 6-го Августа мы были произведены на три недели раньше.

Государь приехал в автомобиле, один с дежурным флигель-адъютантом. Встав перед строем, Государь сказал речь, в которой, не касаясь грозныхъ событий, поздравил нас с производством, прибавив, что ожидает от нас верной и добросовестной служ-бы. Царь говорил усталым, тихим голосом, выглядел озабоченно и сразу после речи уехал.

А мы, уже не в строю, окончательно прощаясь друг с другом, отправились каждый в свой полк. Производство обыкновенно сопровождавшееся веселыми празднованиями, теперь прошло почти незаметно. На следующий день полку было приказано возвратиться в Петербург, где начались забастовки и рабочия волнения.

Уже у Нарвской заставы мы почувствовали новыя настроения. На перекрестках толпы рабочих мрачно встречали нас враждебными криками, а мы безмолвно шли по рабочим окраинам города.

Но с объявлением войны, эти настроения немедленно исчезли и заменились звучным «Боже Царя Храни». Появились трехцветные флаги и толпы народа ходили с иконами и царскими портретами. Но что-то тревожное застряло в душе, что-то подсознательно скрывавшееся и три года спустя вскрытое Февральской революцией.

А пока что настроение рабочих в корне изменилось. От скуки или в ожидании болыших возможностей «народ» купался в патриотических настроениях. Восторг охватил все слои населения и мы наивно верили в скорыя победы и быстрый конец войны.

Офицерам Петербургскаго гарнизона было приказано собраться вЗимнем Дворце, куда к полудню должен был прибыть Государь. Огромные залы были полны военными. С трудом можно было двигаться в тесно стоящей толпе. Нева, сине-зеленая, живая от коротких волн, блестевших и переливавшихся на солнце, разстилалась широкой пустыней между дворцом и Петропавловской крепостью. Вдали на западе показался небольшой катер под Императорским Штандартом и по мере его приближения, берега Невы, покрытые толпами народа, гремели нескончаемым ура. Катер отшвартовался у гранитной лестницы и Государь с Императрицей вошли череэ Иорданский подъезд во Дворец.

Государь, под руку с Императрицей, шел между двумя плотными стенами офицеров и несмолкаемое «ура» потрясало своды огромных зал. Наконец, по знаку Царя, наступила тишина. Государь говорил о предстоящей войне, о необходимости единения и закончил речь известным обещанием не заключать мира, пока хоть один враг останется на Русской Земле. Общий порыв охватил присутствовавших и загремело такое ура, котораго, вероятно никогда не слыхали стены стараго дворца.

В ответ на наше ура, снаружи донесся рев океана среди разразившейся бури. Дворцовая площадь, соседния улицы и набережныя были залиты народом. Флаги, портреты, иконы развевались и блестели на темном фоне необъятнаго сборища.

Государь вышел на балкон, и толпа упала на колени. Кто бы в

эти минуты мог бы предвидеть, что те же массы народныя пойдут на приступ этого же дворца и всего через три года.

22-го июля полку была назначена погрузка в эшелоны. Утром мы стояли построенными на Захарьевской улице. Прибыл командир Гвардейскаго корпуса генерал-адъютант В.М. Безобразов и другие старые командиры. После молебна мы прошли церемониальным маршем перед нашими бывшими командирами.

Затем, после обеда, эскадроны по очереди выступили на Варшавский вокзал на погрузку. Мой 4-ый эскадрон выступил последним уже ночью. Наше выступление в поход по пустынным улицам уже спящаго города прошло незамеченно и только в одном от-крытом окне, где-то на Забалканском проспекте, чья-то рука посы-лала нам напутственное приветствие.

После погрузки эшелон сразу начал двигаться и мимо вагонов плыли знакомыя и незнакомыя лица провожающих. Не имея опыта войны, казалось, что мы покидаем родныя места навсегда. Что же касается нашего полка, то это было именно так. Смутно чувствовался конец эпохи и начало чего-то новаго, еще непонятнаго, так далекаго от всего к чему мы привыкли. Но это были только неуловимые намеки и предчувствия того будущаго, которое мы даже представить себе не могли.

Последнее видение, оставшееся в моей, памяти, была моя няня, утиравшая платком слезы и рядом генерал Скарятин, крестивший уходящий поезд. Его сын, старший офицер нашего эскадрона, с которым я занимал одно отделение, открыл очень удобный походный погребец и мы выпили на дорогу по чарке водки.

С тех пор прошло полвека войн, революций и изгнания. Мало осталось в живых из тех, кто в июле 1914 года грузился в эшелоны. Все быстрее бегут годы и один за другим старые Кавалергарды уходят для возсоединения с теми, кто уже перешел черту.

С. А. Безобразов

Приложение 4

Выход на войну и операции I А.К.

По объявлении мобилизации 1914 г. я поехал в Гвардейское Экономическое Общество закупать различные вещи для моих вьюков. На мой вопрос о полевой книжке, приказчик ответил, что все обыкновенныя полевыя книжки уже распроданы, но что имеются таковыя для военных летчиков. Этот ответ почему-то меня очень поразил и у меня явилась мысль, не есть ли это указание Свыше, и что я должен выступить на войну в авиации.

Не купив ничего для вьюков и схватив полевую книжку для летчиков, я поехал к полковому командиру кн. Долгорукову просить разрешение о прикомандировании меня к авиационным частям. После некотораго увещевания он все же дал свое согласие.

От него я отправился в Военное Министерство, где ввиду не-

достатка военных летчиков, моя просьба была немедленно удовлетворена, и я был прикомандирован к 1 корпусному авиационному отряду, куда я и явился. Командир отряда военный летчик капитан Прусис принял меня очень радушно и, кажется, с удовольствием, так как к этому времени я уже приобрел некоторую известность, как частный летчик с двухлетним стажем, принимавший участие в Авиационных днях на Келомяжеском аэродроме и, после поездки в Германию, демонстрировавший корректирование стрельбы артиллерии с самолета перед внушительным количеством генералов на военном поле в Красном Селе. В разговоре он упомянул о маленькой загвоздке, заявив, что так как я был назначен сверхштатным, то у него для меня не было самолета и что отряд должен грузиться через два дня для следования на фронт.

Пришлось опять нестись в город в Инженерное Управление. Там мне заявили, что они не располагают ни одним запасным самолетом. Я было впал в уныние, но вдруг меня осенила счастливая мысль попробовать раздобыть хотя бы какой-нибудь самолет в Гатчинской Авиационной Школе. После усиленных доводов и уговоров, мне удалось получить наряд.

На другой день утром я уже представлял командиру школы капитану Рудневу мой наряд. Тот был немного удивлен такому своеобразному наряду, но предупредив меня, что кроме нескольких школьных Фарманов-16, да еще в довольно потрепанном виде, у него ничего нет, он повел меня к ангарам и предложил выбрать любой из них. После беглаго осмотра я выбрал самолет, который имел наименьшее число видимых поломок.

Поблагодарив Руднева и отправив свой автомобиль на военный аэродром в Петроград, я вылетел туда же на своем новом боевом коне, Он оказался хорошо отрегулированным и после непродолжительнаго перелета, я опустился на аэродром. Капитан Прусис поздравилъ меня с таким быстрым приобретением самолета, и я тут же попросил его о зачислении в отряд моего шофера, авиационнаго механика бывшаго студента Золотова и камердинера Васильева. Васильев, бывший Кавалергард эскадрона Е.В., занимал до того момента должность швейцара офицерскаго флигеля на Шпалерной улице. В отряде он сохранил полковую форму и этим постоянно напоминал мне родной полк. На следующий день мы все четверо явились, на вокзал для погрузки в эшелон, причем моя машина, гоночный «Непиер» 40 Л.С. была так же погружена.

Вагон командира нашего корпуса (I А.К.) генерала Артамонова находился в голове эшелона и, когда наступило обеденное время, он прислал ко мне своего адъютанта с приглашением у него пообедать. Это приглашение меня много удивило, так как я не был знаком о генералом. Но причина приглашения скоро объяснилась. Будучи одним из генералов, присутствовавших на моей демонстрации корректирования стрельбы артиллерии, он хотел лишний раз услыхать от меня, что можно ожидать от авиации. Я был очень рад познакомить его с мелкими деталями по этому вопросу, которым сам всегда интересовался,

По прибытии эшелона в Варшаву, мы узнали, что наш новый аэродром на Макатовом поле не связан железнодорожной веткой с главной линией и, поэтому отцепив наши семь вагонов с самолетами и прицепив другой паровоз, мы тронулись дальше. Пройдя верст 20, мы остановились около небольшого поля, с котораго, собрав наши самолеты, мы вылетели и благополучно опустились на Макатовом поле. Через нисколько дней мы уже летели всем отрядом в крепость Новогеоргиевск.

Во время этого перелета у меня вдруг остановился мотор и я начал планировать, выбирая подходящее место для посадки. Мои постоянныя упражнения в мирное время в посадках в определенную точку с любой высоты с остановленным мотором мне очень пригодились в этот момент и много раз в течение войны.

В наступившей тишине спуска без мотора я вдруг услыхал ружейную стрельбу, свист пуль вокруг себя и увидел на дороге остановившуюся роту, стрелявшую по мне, Впечатление было очень неприятное, так как в это время я был в нескольких сот шагов от них. Через минуту я сделал посадку и увидал как вся рота побежала ко мне. Когда я их встретил трехэтажными выражениями моих чувств, ближайшие ко мне встали навытяжку и спросили «Ваше благородие, позвольте посмотреть на мишеньки». Эти наивные сибиряки приняли трехцветные национальные круги, накрашенные на нижней поверхности крыльев, за мишеньки. Подошли офицеры роты и я посоветовал им в другой раз быть более осторожными и прекращать безпорядочную стрельбу своих ретивых стрелков. Судя по количеству пуль, попавших в крылья и фузеляж самолета, только чудо спасло меня от неминуемой смерти. Кажется это произвело некоторое впечатление на них и, надеюсь, послужило уроком в будущем. Тем временем Золотов починил магнето и мы полетели дальше.

Но наше благоденствие было кратковременным. Через четверть часа полета капризное магнето опять зашалило и мотор остановился. На этот раз мы спустились спокойно, но не успели мы заняться починкой магнето, как услыхали окрик «руки вверх, а то буду стрелять». Унтер-офицер и рядовой стояли за нами, держа винтовки на прицел. Пришлось опять прибегнуть к трехэтажным выражениям, после которых они опустили винтовки и рядовой был послан за начальником заставы. Потом выяснилось, что они приняли меня за немецкаго офицера при виде моей летческой формы и залетной шапочки. Откатив самолет к концу поля, я с трудом отделился и через некоторое время благополучно спустился в Новогеоргиевске, где наш отряд с нетерпением ждал мое возвращение.

В это время наш корпус, не встречая никакого сопротивления, продолжал продвигаться в направление Сольдау, составляя крайний левый фланг 2-й Армии генерала Самсонова, которая двигалась в общем направлении на Мазурские озера. Когда дивизии прошли через город Сольдау и штаб корпуса расположился в са-мом городе, нам было приказано перелететь на довольно большое поле к северу от Сольдау и вот мы в Герма-

нии. В доме, отведенном нашему отряду, мы нашли полный комплект очень подробныхъ карт немецкаго генеральнаго штаба прошлогодних маневров в этом районе и удивительно схожих с теперешней обстановкой и прложением воюющих сторон.

12 августа мне пришлось пойти в штаб корпуса. Командир корпуса вызвал меня к себе. Я не видал генерала Артамонова со времени следования в эшелоне. Он мне сказал, что немного обеспокоен отсутствием сведений о главных силах противника от глубокой кавалерийской разведки. Это объяснялось, вероятно, поспешностью отхода немцев. Он мне сказал, что ему необходимо знать месота сосредоточения крупных сил неприятеля и приказал мне произвести глубокую разведку. Когда я вылетел на следующий день, утро, на счастье, выдалось тихое с отличной видимостью. Перелетев наши линии и пройдя довольно длинное разстояние в районе города Таненберг, как раз против нашего центра, я заметил большое скопление войск, что и начертил в полевую книжку, ту самую, которая решила мою судьбу. Затем я повернул налево и полетел вдоль фронта.

В это время меня начала обстреливать, судя по точности огня, зенитная батарея. Появились белыя облачки разрывов вокруг меня и, вдруг, я почувствовал сильный удар по спине. Весь самолет начал трястись. Вероятно шрапнель выбила кусок пропеллера и он, потеряв равновесие в своем вращении, стал трясти самолет. Должен сознаться, что я очень испугался и мое первое чувство было выключить мотор, дабы прекратить эту ужасную тряску. Я прекрасно сознавал, что от нее может сломаться стальной диск, державший вращающийся мотор Гном, и тогда неизбежно он вывалится, лопасти пропеллера порережут одну из хвостовых труб и мой Фарман без хвоста полетит камнем вниз.

Но сознание, что наш корпус может быть в серьезной опасности и желание оправдать оказанное мне генералом Артамоновым доверие, заставили меня продолжать полет. Но вот от тряски оторвались от алюминиевой обшивки фюзеляжа часы и покатились на пол. На меня опять напала паника и я повернул домой, но через минуту опять летел в прежнем направлении. Еще два раза отрывались разные приборы, падая на пол фюзеляжа, и я автоматически поворачивал назад и через секунду заставлял себя снова продолжать разведку. И вот, наконец, появился город Лаутенбург. Облепив его со всех сторон, расположился, по крайней мере, корпус. Все запасные пути и даже главныя линии были забиты подвижными составами и чувствовалось громадное оживление. В направление нашего леваго фланга двигалось несколько колонн. Вот что я искал и, наконец, нашел. Моя настойчивость была вознаграждена.

В мгновение, набросав все виденное в полевую книжку, я повернул обратно кратчаишим курсом на наш аэродром. Находясь на высоте двух тысяч метров и имея с этой высоты возможность планировать довольно далеко, я разсчитал дистанцию и, как только наступил этот момент, с чувством облегчения и мысленно прочитав благодарственнуто молитву, я выключил мотор и начал

длинный планирующий спуск.

Расчет оказался правильным, и не сделав ни одного поворота, простреленный самолет опустился благополучно на своем аэродроме. Подбежавшие механики немедленно принялись за разборку мотора и очень скоро обнаружили, что диск, державший мотор, был сломан в трех местах и только четвертая часть была цела. Старый механик заявил, что только чудо могло удержать мотор на своем месте.

Я пошел для подробнаго доклада к генералу Артамонову, После некотораго раздумия, он мне сказал: «Вот Вы все видели, как на ладони, как по Вашему надо поступить». Я ответил, что, вероятно, германская группа, ближайшая к нашему, левому флангу и расположенная в районе Лаутенбурга, предназначена для обхода нашего фланга и отброса его на ту группу, которая находится против нашего центра в достаточном отдалении. Этим, вероятно, и объясняется почему наши разъезды не могли ее обнаружить. На этом основании надо немедленно прекратить продвижение корпуса, перестроить его части в полоборота налево уступами, опираясь левым флангом на речку Сольдау, окопаться, дабы встретить натиск противника и задержать его обход нашего леваго фланга. Результат разведки надо немедленно донести штабу Армии, так как бой можетъ начаться в любой момент. Генерал Артамонов выэвал начальника штаба и, сообщив ему обстановку, приказал написать соответствующий приказ.

Этот знаменательнnй для генерала Артамонова и меня приказ от 13 Августа 1914 г. начинался с описания моей разведки с упоминанием моего имени. В последствии на основании этого приказа я был награжден за спасение 1 А. К. от окружения орденом св. Георгия 4-й степени. После этого все разыгралось, как по нотам. Уже в приказе от 14 Августа было сказано, что перестроившиеяся войска корпуса были атакованы передовыми частями противника и что его давление все усиливается. Тем временем генерал Артамонов получил ответную телеграмму на свое донесение: «Генерал, если Вы боитесь – сдайте командование».

К сожалению генерал Самсонов не обратил внимание на доклад генерала Артамонова, не веря воздушной разведке. Он не обратил также внимания на начавшийся обход леваго фланга 1 А. К, следствием чего почти все корпуса 2-й Армии, включая и штаб генерала Самсонова, были обойдены той же германской группой и втянуты в Мазурские леса и болота. Генерал Самсонов, слишком поздно поняв свою ошибку, застрелился в лесу.

Между тем, под натиском неприятеля на наш левый фланг и наваливавшагося противника с фронта, части нашего корпуса начали постепенный отход за речку Сольдау. Наш отряд, отправив вперед свой обоз, вылетел из Сольдау, когда наши пехотныя цепи стали отходить через его аэродром. Отлетев немного, мы остановились, чтобы узнать участь нашего обоза, но увидев страшнейший хаос корпусных обозов на перекрестке дорог, стали наводить порядок. Когда наш обоз благополучно проследовал через этот перекресток, мы поднялись и опустились в крепости Новоге-

оргиевск для починки наших самолетов.

За отступление от Сольдау генерал Артамонов был предан полевому суду, но на основании моей разведки и приказу по корпусу от 13 Августа, он был полностью оправдан.

Вскоре я был назначен начальником отряда обороны Варшавы и отправился в Москву для принятия новаго самолета Моран. Мой же верный старый Фарман-16, спасший мне жизнь, погиб при первом своем полете.

Н.С. Воеводский

Приложение 5

ПЕРВЫЕ ДНИ В ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ

Пограничную реку Шешупу перешли в брод, с трудом взбираясь на противоположный довольно крутой и скользкий берег. Трудно пришлось конным батареям. С шумом, плеская водой, ору-дия проваливались в воду. Лошади в уносах по брюхо в воде, хра-пели, напрягаясь под ударами ездовых. Они, раскатившись, вы-бирались на противоположный берег и с грохотом, окутанныя бе-лой пеной, блестящие от воды, пушки уносились дальше в поля на чужую сторону. Все кругом так непохоже на Россию. Каменныя фермы, черепичныя крыши, обсаженные деревьями дороги, поля, обнесенныя проволочными изгородями. Часто вьются узкоколейки и на перекрестках на круглых щитах грозное немецкое «Halt», а потом «Langsam fahren. Signal geben».

Дорога взбирается на невысокой холм, с котораго далеко видны двигающиеся на запад дивизии. Издали всадники кажутся игрушечными и между эскадронами маленькия лошадки тащут игрушечныя пушки. Впереди по полям до самаго горизонта, видны разъезды и дозоры. Все это выглядит грозно и в то же время напоминает цепи муравьев на садовых дорожках.

Солнце склонялось к западу, когда мы подходили к деревне Шидленен. Было пустынно и тихо. Население ушло или попряталось. По скошенным лугам бродили черно-белыя коровы, оставленные хозяевами и жалобно мычали, ожидая удоя.

Налево от дороги низкий, уже скошенный клевер казался золотым от последних лучей солнца, бивших прямо в глаза. За полем гряда почти чёрных кустов с ярко обагренными верхушками. Длинныя, черныя тени легли на темнющия поля. У дороги на клевере лежал человек, местный житель, вероятно жертва случайной пули... Он лежал на спине, зажав в руке хворостину. Три коровы молча и недвижно стояли над ним. Всадники проезжали и смотрели на убитаго. Так проходили эскадрон за эскадроном и тени от лошадей и всадников безшумно скользили по клевееру и по лежащему человеку.

Эскадрон остановился в ближайшей ферме у дороги. Молодая хозяйка возилась на кухне и все выбегала на дорогу, ожидая запоздавшаго мужа. На большой сковороде, на раскаленных уг-

лях очага готовилась яичница. Мальчик и девочка, спрятавшись под столом, с испугом выглядывали на непрошенных гостей.

Усталые мы легли спать где и как попало и долго еще окна светились красным заревом пожаров, охвативших окрестности, освещая на потолке красиво выведенную затейливой готикой надпись: «Jeden Morgen, trink deine Kaffee onne Sorgen». Это милое, наивное изречение, так сейчас несвоевременное, олицетворяло спокойную и мирную жизнь, которая текла здесь до нашего прихода.

Чуть свет двинулись дальше. Муж хозяйки так и не вернулся, а мы ушли, оставив за собой чужую жизнь, мелькнувшую перед нами, как один из тех незначительных эпизодов, из которых соткана походная жизнь. Муж хозяйки, вероятно, никогда не вернулся и то, что нам казалось повседневной мелочью, было полно огромнаго и грознаго значения для этой одинокой фермы и ея обитателей.

Безчетное количество переходов сделал я, двигаясь сразу за командиром нашего 4-го эскадрона Димитрием Ивановичем Звегинцовым, и как сейчас вижу хвост и спину его гнедой кобылы Львицы, танцующей, почти не касаясь земли, своими сухими, породистыми ногами.

То рысью, то шагом, вытянувшись по обочинам дороги, шли мы в серой предрассветной мгле безоблачнаго ранняго утра. Слабо сверкая, потухали одна за другой бледнеющия звезды, прямо на север, над горизонтом висела бледно-серебристая комета, изогнув пушистый хвост, головой как бы указывая нам дорогу. То была комета, предвестница потрясений и грозных событий. Но горячие лучи солнца, вспыхнув ярким заревом, вмиг смыли с чистаго неба ночное «знамение небесное».

Весело и беззаботно продолжали мы поход по полям Восточной Пруссии, неумолимо приближаясь к пропасти, поглотившей наши полки и наши мечты.

Был час одиннадцатый, солнце начинало сильно пригревать. Лошади притомились и даже Львица больше не танцевала, а шла ровным легким ходом, отчетливо, отпечатывая на мягкой земле обочины цепь почти круглых, небольших подков.

«Стой! Слезай!» – раздалось вдоль колонны. Кто где мог устроился в тени деревьев. Теперь минут десять можно будет отдохнуть.

Вдруг вихрь пронесся по дороге, подымая столбы крутящейся пыли. Листья на деревьях затрепетали, мелькая светло-серебристыми низами и верхушки деревьев гнулись под напором налетевшей бури.

Стало холодно и приметно темнее. Так же неожиданно ветер опал и природа замерла в ожидании чего-то необычайнаго, полная страха и напряжения. Лошади жались друг к другу, храпели и, прядя ушами, дрожали. Солнце потухло и мрачные сумерки покрыли окрестность. Все было необычайно. Не верилось, что только что было светло, тепло и кругом стояло еще совсем летнее, жаркое утро.

«Знамение небесное» длилось недолго – всего несколько минут и постепенно освобождаясь от нашедшей на него тени,

солнце опять засверкало, согревая поникшую природу.

Эскадроны двинулись вперед и все опять приняло знакомый походный порядок. Тот же нестройный топот сотен конских копыт, позвякивание подков о случайный кремень, металический звон столкнувшихся стремян, горячий запах лошадинаго пота и простой родной махорки.

Впереди раздались команды и эскадроны один за другим стали быстро сходить с дороги в открытое поле, на галопе выстраиваясь в линию колонн. Все пришло в движение. Начальник дивизии, окруженный многочисленным штабом, под дивизионным значком проскакал вперед. Во все концы неслись ординарцы.

Большое поле было перед нами и оно тянулось вплоть до небольшой деревни, верстах в трех на краю этого поля.

Раздались знакомые сигналы. Димитрий Иванович поднял шашку, Луч солнца ослепительно скольянул по ней и на мгновение мелкнули видения четырнадцатаго века: Crecy, Poitiers, Куликово Поле. Длинныя стены всадников, увенчаные лесом пик, стояли неподвижно, как воскресшее из далекаго прошлаго средневековье.

Заиграли трубы, раздались команды: «Шашки вон, пики в руку! Рысью!». Вся масса кавалерии дрогнула и, тесня друг друга, всадники с трудом сдерживали коней, стараясь держать равнение, унаследованное от долгих, жарких эволюций на военном поле. Конница плотной массой двигалась вперед. Земля тряслась от тяжелой поступи Кавалергардских и Конногвардейских эскадронов. Перейдя в галоп, мы шли прямо на неприятельскую кавалерию, расположившуюся перед деревней впереди. Но времена Crecy и Poitiers прошли и вместо пищалей и стрел нас встретили несколькими очередями шрапнелей, а вражеская конница, не дожидаясь столкновения, полным ходом скрылась за деревней.

К тысяченогому гулу конницы присоединились оглушительные разрывы, визг и свист шрапнелей. Казалось они рвались прямо над головами скачущих полков. Лошади без седоков носились перед рядами, мешая равнению и путая построения.

Опять Димитрий Иванович поднял высоко шашку и разгоряченные кони с трудом перешли в шаг. Вернувшись на шоссе, мы продолжали свое походное движение. Это была первая и последняя атака такого рода, и с тех пор уроки военнаго поля перешли в разряд исторических воспоминаний

С.А.Безобразов

Приложение 6

ИЗ ДНЕВНИКА А. М.ЗВЕГИНЦОВОЙ.

С самаго начала своего прикомандирования к 1-й Гв. Кавалерийской дивизии в феврале 1915 г. 41-й. Передовой отряд Краснаго Креста делил с полками все тягости и опасности боевой работы. Часто находясь в сфере действительнаго артиллерийскаго

обстрела, отряд никогда не покидал своих полков, всегда оставаясь с ними до самаго конца, Полки знали, что все, что можно будет сделать для облегчения страданий, будет сделано, что никто не будет забыт, что все будут вывезены, перевязаны, напоены, накормлены и что для каждаго найдется доброе, сердечное и ободряющее слово.

Весной 1915 г. дивизия была отведена на отдых в Виленскую губернию.

Барбос не мог получить отпуска и потому устроил мне разрешение приехать в полк. Он прислал в Вильно своего деньщика Псарева, чтобы помочь мне добраться до мес. Олькеники, в районе котораго стоял полк. Рано утром в 4 часа поезд пришел на ст.Олькеники. Отсюда до полка было еще верст 5. На вокзале стоял пост полевого телефона Кавалергардов. Псарев попросил телефониста передать в штаб полка и далее в 4-й эскадрон, что я приехала и прошу прислать за мной лошадей. Телефон прнял Дежурный по полку бар. Кнорринг. Он сразу взял полковой автомобиль и довез меня до эскадрона.

Штаб эскадрона находился в фольварке Норведзишки. Офицеры занимали очень милый дом в 4 комнаты с верандой. В гостиной стояло пианино, несмотря на ранний час Кнорринг сел и заиграл на нем эскадронную песнь «Полянку». Все проснулись, быстро «оделись» и чествовали меня ранним чаем. Было очень весело. Барбос оставался за командира эскадрона. С ним были Репнин, Грюнвальд, Медем. Полком командовал кн. Эристов. Очень милый и сердечный человек. 0н был выдающийся военный и очень храбрый. Я всегда вспоминаю его с большой нежностью за его милое ко мне отношение. Я была первой полковой дамой, приехавшей в расположение полка. Кн. Эристов часто приглашал меня к завтраку и к ужину о трубачами в Артель. Весна была замечательна, все кругом цвело. В саду яблони и вишни были покрыты цветами. Соловьи трещали всю ночь под самым окном и так удивительно хорошо, как я не слыхала даже у нас на Хопре. Я провела там десять чудных дней.

10 мая Барбос был наэначен начальником полковой учебной команды в Муравьевския казармы. Там, а через три недели в Новгороде, куда перевели команду и маршевый эскадрон, я прожила до середины июля. За это время я окончила курсы сестер милосердия и сдала экзамен при Екатерининской Общине Краснаго Креста в Новгороде.

В Новгороде было получено приказание команде и маршевому эскадрону выступить на фронт. Я первый.раз ехала в эшелоне и мне все казалось очень весело. Со станций мы трогались по сигналу трубы. Всю дорогу солдаты пели песни. Струков и Меликов ехали в эшелоне.

Точнаго нашего назначения мы не знали и получали распоряжения от комендантов станций. Не доезжая Крейцбурга нас повернули обратно, и на ст. Ракишки получен был приказ выгружаться и идти походом в район Уцян за 100 верстъ. В Ракишках я разсталась с с Барбосом и поехала по узкоколейной дороге до

Уцян, откуда до моего отряда было еще верст 40. Приехала я поздно вечером под проливным дождем. Станция была крошечная, деваться было некуда. Я раскрыла свою походную кровать и легла спать. Меликов, который ехал со мной, и артиллерист Огарев спали прямо на столах. Рано утром мы достали телегу и на ней добрались до обоза II раз. дивизии в мест. Лелюны. Обозом командовал Кнорринг. Я остановилась у него и просила дать знать в отряд, что я приехала и прошу прислать за мной автомобиль. Кнорринг пригласил меня завтракать. Мы только что сели за стол, как увидели в окно, что на улице поднялась страшная суматоха. Вдруг к окну подбегает местный священник и кричит «Господа, немцы идут лавой на местечко». Мы все вскочили с мест, и я должна сознаться, очень испугалась и подумала – вот не успела приехать на фронт, как меня заберут в плен.

Из окна мы действительно увидали.целый разъезд в касках и с распущенными флюгерами, медленно двигающийся на Лелюны. Кнорринг сказал мне идти немедленно в самую верхнюю комнату. Тем временем были приняты все меры для отражения немцев. Огарев выкатил пулемет. Ждали только, чтобы они подошли ближе. К счастью, в самый последний момент распознали в них наших Кирасир Ея Вел. В это утро они захватили немецкий разъезд, надели их каски, распустили флюгера и решили напугать обоз. Все это могло кончиться для них очень плохо, и начальнику разъезда кор. Гончаренко здорово влетело за его шутку, начиная от Кнорринга и Огарева и кончая ген. Казнаковым.

На следующий день к вечеру я приехала в Куркли, где стоял мой отряд. Начальница отряда гр.Пушкина, сестра бар. Врангель и доктор Баландович сидели за столом и разсматривали с дивизионным врачем Мундтом карту. На следующий день предполагалось наше наступление на Коварок и надо было распределить, где будут находиться наши перевязочные пункты и куда высылать Б-моторы и санитарныя двуколки. Все это было для меня совершенно новым и очень меня интересовало. Спать я легла в одной комнате с сестрой Иваненко. В соседней избе лежали больные Пантелеев и Соловой. На следующий день меня отправили рано утром с сестрой Иваненко за три версты впереди Куркли, где в помещении школы мы развернули перевязочный пункт вместе с отрядом В.К. Марии Павловны. Гр.Пушкина и бар. Врангель выехали на автомобиле к дивизии, которая стояла у Коварска. Этот день останется навсегда в моей памяти. Это был первый бой и первые раненые, которых мне пришлось видеть.

К 12 часам повозка за повозкой привозили к нам раненых, преимущественно пехотинцы и Александрийские гусары. Видя, что работа затягивается и что у нас нет никакого освещения для вечерней работы, доктор отправил меня в Куркли за свечами, керосином и запасом бинтов. И вот когда я приехала в Куркли, то увидела следующее. Вся деревня была запружена телегами, двуколками, битком набитыми тяжелоранеными. По видимому не все полки получили уведомление, где будут стоять наши пункты, и многие отправили своих раненых по неверному маршруту. Что

мне было делать, Я была совершенно одна и кругом меня вся эта масса.раненыхъ. Я чувствовала, что у меня кружилась голова и не знала, как помочь и с чего начать. К счастью в это время приехал доктор Л-гв.Конной артиллерии Богдан Богданович Бауэр, на редкость милый и и чудный человек и прекрасный доктор. Мы быстро развернули с ним перевязочный пункт и принялись вдвоем за работу. Я плохо помню, как долго и сколько раненых мы перевязали. Навсегда запомнилиось мне два солдата с развороченными животами. Раны были ужасныя. Надо было немедленно отвезти их в этапный лазарет. Только там можно было сделать им сложную операцию, чтобы спасти им жизнь. Они крепко держали меня за руки, как будто чувствуя, что я одна могу их спасти. Я на минуту вышла на воздух, так это было все ужасно и тяжело. Вероятно вид у меня был тоже ужасный.

Пантелеев подошел ко мне и заставил выпить стакан вина. Я чувствовала, как по моему лицу текут слезы и только повторяла «Для чего эта война и кому она нужна». Но потом все прошло. Я уложила раненых в автомобиль и отвезла их в этапный лазарет и оставалась с ними все время, пока не кончилась операция. Я уложила их на койки, перекрестила и поехала въ Куркли. Уже начинало смеркаться, когда я вернулась на наш перевязочный пункт с бинтами, керосином и свечами, и получила замечание от нашего доктора, что так долго отсутствовала. Работы было много, и долго еще при свечах продолжали перевязки. Скоро приехали гр.Пушкина и бар.Врангель. Бой начал стихать, стрельба понемно-гу затихала. Всех раненых отправили в тыл, и только тогда я по-чувствовала, как страшно голодна. С утра я ничего не ела, но у нас ничего больше не осталось. Приходилось ждать возвращения наших автомобилей, чтобы ехать в Куркли.

На следующий день 31 июля мы получили приказание перейти в район ст. Окнисты. Штаб дивизии стал в доме помещика, а наш отряд у самой станции. Полки по очереди занимали окопы и сторожевое охранение. Участок был тихий, но все же, когда Барбос был в окопах, я безпокоилась и ждала с нетерпением смены. 9-го августа пришло приказание нашей бригаде форсировать реку Овенту. 10-го рано утром мы выехали с двуколками и автомобилями. Кавалергарды были в резерве. Стрельба была не очень сильная, но все же у коннаго полка было несколько раненых, и один из них скончался у нас на пункте. Но это была только разведка. На следующий день выступил на форсирование реки Кавалергардский полк. Предсказывали тяжелый день, и мы, т.е. гр.Пушкина и я, страшно волновались за полк. Мы приехали к опушке леса у дер. Дворжанцы. Дорога была отчаянная и часть пути мы ехали прямо полем. Автомобили мы оставили на опушке, двуколки же - за горой, не доходя штаба полка. Там же стояла наша конная батарея. Мы оставили наши.двуколки и пошли пешком к штабу полка, который стоял на пригорке. Внизу разстилалась долина реки Овенты, издали виднелся костел Оникшт, весь пробитый снарядами. Начался артиллерийский огонь по немецким окопам и заграждениям, чтобы дать возможность Кавалергардам перейти ре-

ку. Снаряды нашей батареи пролетали над головой о таким грохотом, что я думала, что оглохну. Немцы отвечали. Внизу в долине стоял хопм и на нем находился наш артиллерийский наблюдательный пункт. Там же стоял Барбос. Эристов его мне показал и я его узнала по выцветшей фуражке. Почти каждые полчаса приходили приказания Штаба Армии «развивать ураганный огонь и в 7 часов форсировать реку». Артиллерийский огонь все усиливался. Цепи Кавалергардов лежали уже у самой реки и перестреливались с немцами. Я стояла и не сводила глаз с Барбоса, через котораго то перелетал немецкий снаряд, то разрывался, не долетая. Лицо нашего бригаднаго Арапова, всегда веселаго, было мрачно. Кн. Эристов нервно смотрел на часы; 5 1/2...6...6 1/2... и вдруг, о, чудо – пришло приказание Плеве немедленно прекратить операцию и кавалерии идти 80 верст к югу. Опоздай это приказание на 15 минут и от полка мало бы что осталось. Лица Арапова и кн. Эристова просветлели. Я с трудом дошла до двуколки и легла в нее со страшной головной болью и мало что понимала.

С темнотой эскадроны начали стягиваться к коноводам. Последним пришел Барбос с полуэскадроном. Голова моя прошла. Мы сели с ним на край канавы и ели какие-то бутерброды. Наши двуколки начали уходить. Гр.Пушкина взяла меня с собой в двуколку. Через полчаса мы приехали к нашим автомобилям. Наше удивление было большое, когда мы увидели, что двух наших других сестер: бар.Врангель и гр. Беннигсен ни в одной двуколке не было. Что делать? Уже наступила ночь и было совсем темно. Кавалерия наша с темнотой ушла и фронта никакого не было. Мы решили ехать их искать. Но только успели выехать из деревни, как встретились с телегой, с которой соскочили наши две сестры и стали разсказывать о своих приключениях.

Оказывается, что они по ошибке сели в полковую двуколку и только через некоторое время заметили, что идут не с нами, а идут в хвосте полка совсем в другую сторону. Тут они так растерялись, что соскочили с двуколки и побежали к тому месту, откуда мы все уехали. Но там уже никого не было. Только в кромешной темноте догорал потухающий костер. Они чуть не заплакали. Ночь, темно, наших больше никого и немцы совсем близко. В это время послышался со стороны реки конский топот. Они страшно испугались. На их счастье это был разъезд Кавалергардов О.Оболенскаго. Он послал вернуть полковую двуколку, на ней они доехали до ближайшей деревни, откуда на крестьянской подводе добрались до нас. Мы долго их этим дразнили

Позельви 1915год.

Участок, который занимала наша дивизия у местечка Позельви, был до такой степени спокойньм, что в отряде остались только доктор Баландович, Георгий Менгден, Олеся Врангель и я. Остальныя сестры с начальницей отряда графиней Пушкиной уехали в отпуск. Дом, в котором мы жили, стоял почти рядом со штабом дивизии. Генерал Казнаков часто приглашал Олесю Вран-

гель и меня к завтраку и сам почти ежедневно приходил к нам пить чай. Он чудно к нам (41 отряду) относился, особенно, ко мне, всегда называя по имени. Он знал Барбоса с детства и был очень дружен с его отцом. Он прощал нам наше полное отсутствие дисциплины и всегда, если на то была малейшая возможность, исполнял все наши несуразныя желания.

Но посли десяти дней полнейшей тишины нам пришлось неожиданно отступить. Между нами, т.е. отрядом ген. Казнакова, и отрядом ген. Арсеньева, который командовал Кирасирами Ея Величества и батальоном пехоты у Куркли, образовался прорыв. 26-го августа нашу пехоту убрали и через несколько дней должны были уйти и мы. Вечером я узнала, что в охранение вступил 4-й эскадрон, но так как на фронте было все по-прежнему тихо, то я особенно не безпокоилась. На следующий день, рано утром, когда мы все еще спали, стали усиленно стучать в нашу дверь. Оказалось приказание генерала Казнакова немедленно свертывать наш отряд, так как под напором больших сил неприятеля наша кавале-рия начала медленно отходить.

Мне стало ужасно жутко, тем более, что на фронте поднялась сильная артиллерийская стрельба и наши части обстреливались, тяжелыми снарядами. В очень короткое время мы были готовы. Двуколки, повозки запряжены и нагружены и автомобили были все в сборе. Я пошла с Олесей Врангель в штаб дивизии за распоряжениями. Генерал Казнаков нам приказал отправит обоз в Видзенишки на присоединение к обозу дивизии. Автомобилям и двуколкам оставаться у господскаго дома в Позельви, где нам открыть перевязочный пункт. День былъ солнечный и ясный, но мне казалось, что сыро и холодно. Я старалась узнать от проезжающих Кавалергардов, что делается в полку, Сведения приходили все тревожней. На полк навалилось огромное число немецкой пехоты. Только против одного 4-го эскадрона насчитали 16 цепей. К трем часам штаб Казнакова перешел в Видзенишки. Полк понемногу медленно отходил и вся дивизия так же. Раненых привозили все больше и больше и у нас было очень много работы. Стрельба все усиливалась и приближалась. Уже ясно слышался ружейный и пулеметный огонь. Приехал наш бригадный Петр Иванович Арапов и приказал нам ускорить эвакуацию раненых, после чего перейти отряду в деревню Пиктуны за 6 верст.

С горы хорошо было видно, как отступают наши цепи, Позельви горело, а лес против местечка уже был занят немцами. Было уже под вечер. Красное солнце заходило в черных тучах. Цепи перестреливались совсем близко. В лощине у нашего дома стали коноводы Коннаго полка. Шрапнельные разрывы все приближались. Одна из них разорвалась над самыми коноводами. 11 лошадей и 2 Конногвардейца были ранены, к счастью легко в руку. Мы тут же их перевязали. Подъехал князь Эристов и приказал нам переходить в Пиктуны, чтобы не мешать отходу полков. Мы погрузили наших последних двух раненых Конногвардейцев в автомобиль и тронулись в Пиктуны. Через час туда же пришел и Арапов со своим штабом и накормил нас обедом. Он нам сказал, что пол-

ки выступят в 6 утра на Маляты. В это время неожиданно пришел 4-й со штандартом. Его сменили после того что он был двое суток в охранении и цепи. В 5 часов ночи, несмотря на страшную темноту мы тронулись к штабу дивизии в Видзенишки, но отъехав немного от деревни, наш фиат попал в ухаб и застрял. Пришлось просить 4-ый эскадрон помочь нам вытянуть машину. Мы поехали дальше, но через несколько верст снова и на этот раз окончательно застряли в болоте Тьма была кромешная и грязь ужасная. В это время подъехали два Конногвардейца, проверявшие провод полевого телефона. Олеся Врангель вызвала Ширкова и просила прислать людей, чтобы вытащить нас из болота.

Мы же с Георгием Менгденом и двумя раненными в руку Конногвардейцами пошли пешком в Видзенишки. Электрический фонарь был только у меня и слабо освещал дорогу. Пять верст в дремучем лесу показались нам безконечными. К тому же мы боялись, что не услышим окликов часовых и что они примут нас за немцев и обстреляют. К трем часам мы добрели до штаба. Адъютант штаба капитан Самсон Гиленштерн очень обрадовался нас увидеть, но сказал, что если не удастся вытащит Фиат, то придется его взорвать.Но к нашей радости раздались гудки и наш Фиат появился цел и невредим. Его вытащили не Конногвардейцы, а взвод Барбоса. Спать нам оставалось всего несколько часов. Не раздеваясь мы легли в машину. Было страшно холодно и сыро. Выступили в 6 утра. Казнаков хотел отправить весь наш отряд с обозом, но потом согласился на нашу просьбу и разрешил нам с тремя автомобилями идти в колонне главных сил.

За ночь выяснилось, что две немецкия кавалерийския дивизии идут в разрез между нами и Арсеньевым, а третья наступает на нас сзади. Когда мы выступили, туман был страшно густой. Дорога с крутыми подъемами и спусками была отвратительна. В авангарде шли Александрийские Гусары, которые входили временно в нашу дивизию. В Маляты был сделан привал, которым мы вос-пользовались, чтобы выпить чай и закусить. Через полчаса выс-тупили на Сугинты. Дорога делалась все хуже и хуже. Мотор Казнакова постоянно останавливался и нам приходилось его подталкивать в гору.

Наконец подошли к Сугинтам. Александрийцы выслали лаву, так как по словам местных жителей здесь недавно были немцы. Не успели Александрийцы скрыться за пригорком, как затрещали немецкие пулеметы и мы увидели как лава отходила галопом. Нам привезли несколько раненых и мы их тут же перевязали. Один из них был очень тяжело ранен. Остальные полки спешились и пошли в цепь. Ружейный огонь все усиливался, артиллерийский тоже. Шрапнели рвались над самым местечком. местный ксендз в страхе все нас спрашивал, будет ли бой и что ему надо делать. Прискакал наш дивизионный врач доктор Мундт и передал приказание Казнакова открыть перевязочный пункт в соседней деревне. Название ея я забыла, она начинается на букву «Л» и на карте она не помечена. В тот момент над самым костелом и рядом с нами разорвалось несколько шрапнелей. И ксендз и док-

тор Мундт куда-то пропали.

Вблизи виднелась какая-то деревня. Мы решили, что это вероятно та, про которую нам говорил наш дивизионный врач, и тронулись туда с нашими моторами. Но не успели мы отъехать и сотни шагов, как над тем местом, где только что стояли автомобили, разорвалась шрапнельная очередь. Затем дивизия начала отход. Я очень безпокоилась, потому что все эскадроны прошли кроме 4-го, который был оставлен в арьергарде. Наконец подошел и он.

Мотор Казнакова окончательно испортился и нам пришлось взять его на буксир. Дорога стала еще тяжелей. Она тянулась густыми бором и песками, затемъ стали попадаться очень крутые подъемы. Наш бедный Фиат пыхтел, шипел, вода в радиаторе закипала и он с трудом тащил машину Казнакова. В этот день все машины 41-го действовали замечательно, даже такие корявыя, как Бразье и Дитрих, и те ни разу не отстали.

Солнце уже заходило, когда мы въехали на пригорок у Кокутатек. Обоз запрудил всю дорогу и нашим моторам пришлось остановиться. Мы вышли из машины и пошли на горку, где стоял Кантакузен. Вдруг мы услыхали, как он что-то кричал своим Кирасирам, показывая им на лес. Потом мы увидели, как немецкий разъезд полным ходом уходил к лесу, а за ним, как на парфорсной охоте, гнались Кирасиры Его Величества. Но разстояние между ними было слишком велико и немцы наверно бы ушли, если бы их не перехватил Кавалергардский разъезд Зубова, который выскочил им на перерез и всех их захватил в плен. Опять мы вместо Арсеньева наскочили на немцев. Весь обоз был немедленно двинуть дальше.

В доме ксендза у Казнакова собрались все командиры. Все советовали продолжать отход и не ставить охраненния в полной темноте. Казнаковъ молча слушал и когда все решили, что его убедили, он встал и сказал: «А я приказываю становиться на бивак и сам иду спать». Мы пошли к себе в дом, который нам отвели вместе со штабом бригады, но долго не решались идти спать. Было очень неуютно и нам казалось, что мы попали в мышеловку. На станции узкоколейной железной дороги стоял паровоз с несколькими вагонами и платформами. Мы отправили с ним всех наших раненых, туда же был погружен и мотор Казнакова.

Рано утром мы продолжали наш отход. Казнаков с начальником штаба Матковским сел в наш грузовик. Мы шли с первой бригадой, то обгоняя, то пропуская полки. Я безпокоилась, так как не видела Барбоса. Но вскоре он догнал полк. Он был в дальнем охранении с полуэскадроном и на разсвете у него была перестрелка с немецкой кавалерией. Погода была чудная и настроение тоже. Все были рады, что ночь прошла без историй. В 4 часа мы подошли к Таурогену и там, к всеобщей радости, встретили разъезд Кирасир Ея Величества из отряда Арсеньева. Наконец связь с ним была возстановлена.

КАВАЛЕРГАРД ИВАН РАНД.

Его сослуживцами, Кавалергардами 3-го эскадрона он был прозван «человек-бинокль». И, действительно, зрение его было изумительное. Где бывало трудно разглядеть в хороший бинокль – там видел он отлично простым глазом.

Однажды я был послан со своим взводом в дальнюю разведку. Прошли мы в этот день уже много верст, но нигде не встретили даже намека на близость противника. Кругом было все так тихо, спокойно и пусто, что временами забывались и немцы и сама война и казалось мне, что я на летних маневрах в хорошо знакомых мне окрестностях Краснаго Села.

Жара стояла необычайная и, когда разъезд втянулся в густой дремучий лес, то сразу оценили его прохладу. В лесу, прикрытые от палящих лучей солнца, лошади пошли бодрее. Воздух был полон эапахом тысячи тысяч разных цветов и молодой листвы.

Наконец лес начал редеть. Головные дозорные остановились, не выходя на его опушку. Я свернул с дороги, остановил разъезд и, поручив его взводному, сам о двумя Кавалергардами подъехал к головному дозору. Передо мной лежала широкая, совершенно открытая равнина и только впереди, верстах в двух, а может быть и больше, виднелся отдельный небольшой хутор. Лежал он по направлению нашего пути и я решил, что и по времени и по месту, там будетъ лучше всего дать роздых разъезду, накормить и напоить людей и лошадей.

Долго и тщательно я всматривался в бинокль, стараясь разсмотреть весь хутор, подолгу останавливался на постройках, заборах и на ближайшей к нему местности. Но как я не старался — увидеть мне ничего не удалось. Все было пусто и сам хутор казался мертвым и брошенным своими хозяевами. Я уже совсем собрался вести разъезд дальше, заранее предвкушая заслуженный отдых, как скорей в шутку, подозвал к себе «человека-бинокль» и говорю ему: «А ну-ка, Ранд, посмотри-ка ты. Может быть тебе и посчастливится увидать немца». Ранд, заслонив рукой глаза от солнца, долго и пристально всматривается в хутор. Мне было забавно смотреть на него в эту минуту, так напряженна была вся его фигура.

Но каково было мое удивление и недоверие, когда он мне вдруг сказал: «Так точно, Фаше Фисокоблагоротие, на крыше тома ситит наплютатель». Что за ерунда, говорю я ему, если я в мой бинокль ничего не обнаружил, то как можешь ты различить на таком расстоянии простым глаэом? – «А Фи, Фаше Фисокоблагоротие, посмотрите направо от трупы, там хорошо фитна его голофа, он тоже смотрит ф пинокль». С огромным недоверием и с некоторой долей смущения я снова беру свой бинокль и напряженно разсматриваю крышу, трубу и, наконец, различаю небольшое, заостренное, серо-зеленое пятно, похожее на острие немецкой каски.

Что немцы, действительно, занимали хутор и довольно крупным разъездом – дальнейшия события дня подтвердили это полностью. Но что пятно это было немецкой каской, можно было только предположить или догадаться, тогда, как Ранд совершенно определенно увидал это простым глазом.

Ранд был эстонцем, уроженцем одного из многочисленных островов Эзель-Дагскаго архипелага. Как все население этих островов он с ранняго детства рыбачил со своим отцом и побывал с ним на его баркасе во всех портах Балтийскаго моря, ходил в Данию, Швецию, в Данциг, на остров Рюген.

И вот этому природному моряку, совершенно не знакомому с лошадью и с уходом за нею, пришлось служить в кавалерии. Чем руководствовалось воинское присутствие, назначая его в этот род войск, вместо флота, останется навсегда тайной.

Когда в конце 1915 года я был откомандирован в штаб коннаго корпуса начальника нашей дивизии генерала Казнакова, то вахмистр эскадрона подпрапорщик Палиенко предложил мне взять с собою вестовым Ранда. Мой прежний вестовой ефрейтор Елавиков, как намеченный к производству в унтер-офицеры должен был остаться в строю. С этого момента Ранд находился при мне до самой революции.

В 1916 году я был переведен в штаб XXXIV А.К. Ранд последовал туда с двумя верховыми и одной вьючной лошадьми. Ходил он за лошадьми прекрасно и, когда мой деньщик Кудрявский, выросший и воспитанный у нас в имении, позорно дезертировал в первыя же недели революции, Ранд сам предложил мне его заменить и быть одновременно моим вестовым и деньщиком.

Революция и все ея «завоевания» не произвели на него ни малейшаго впечатления. Он только ядовито посмеивался своим характерным эстонским говором над распустившейся солдатней «самой свободной армии в мире».

Штаб корпуса находился в конце 1916 года в Белой Церкви. Ни его «украинизация», ни другие эксперименты не спасли корпус от общей участи всех других корпусов некогда славной Российской Императорской Армии. Предвидя дальнейшия события, я заблаговременно запасся фальшивым документом демобилизованнаго штабного писаря, конечно под вымышленной фамилией.

Зимой 1918 г, перед самым занятием Киева большевиками, я кружным путем пробрался в Курск, где мне было приготовлено убежище. Ранда с моими лошадьми и вещами я оставил в Белой Церкви, уполномочив его поступить с ними, как он найдет нужным, вплоть до их полной ликвидации. Я не мог ему дать моего адреса в Курске, не зная его точно тогда сам. Единственно, что знал Ранд, это была фамилия, под которой я скрывался – Александров.

Прошло несколько тревожных для меня месяцев в Курске. Жил я у маленькаго почтоваго чиновника, где я нанимал небольшую комнату и у котораго я столовался. После нескольких неприятных встреч я отрастил себе бороду и совершенно перестал выходить на улицу. Что делалось на Божьем свете узнавал я из старых со-

ветских газет, изредко попадавшйх мне в руки. К этой безпросветной, монотонной жизни, прибавилась забота о будущем. Как долго продлится для меня такое положение ? На сколько хватит у меня денег и что же будет дальше ?

И вот, однажды, в обед, вбегает ко мне взволнованная хозяйка и говорит мне, что меня ищет какой-то военный и требует меня видеть.

Первой моей мыслею было, что советчики узнали кто я, второй – бежать. Но как и куда? В окно ? Но, если пришли за мною, то ясно, что все выходы заняты. К тому же я совершенно не знал ок-рестностей Курска.

Но судьбы не миновать. Перекрестившись, я вышел в полутемную переднюю. Я не мог, выйдя из светлой комнаты, разглядеть сразу, кто стоит передо мною. Единственно, что я сразу заметил, это что солдат был без оружия и это меня немного ободрило. Но потом, когда глаза привыкли к полутьме, я вдруг увидел усталое, похудевшее лицо Ранда.

«Ранд! Каким образом ? Почему ты здесь, как ты меня нашел?» – Тут Ранд, узнав меня по голосу, несмотря на мою бороду, разрыдался, как ребенок. Слезы ручьем текли и он не был в состоянии произнести ни одного слова. Я его обнял и повел в свою комнату, где он, наконец, успокоился и начал свое повествование.

Лошадей моих он продал в формировавшийся в Белой Церкви польский эскадрон, все равно забрали бы силой. Вещи мои он отдал знакомому ему жителю Белой Церкви. А тут в Курске он уже четвертый день ходит с утра до поздняго вечера из дома в дом, разыскивая штабнаго писаря Александрова. Он уже потерял всякую надежду найти меня и завтра собирался ехать к себе на родину.

«Но к чему же ты сюда приехал и зачем так долго искал меня по городу, вместо того, чтобы прямо ехать к себе на родину из Белой Церкви?» –- Ранд омотрел на меня удивленными глазами, не понимая моего вопроса. – «Послушай, Ранд, продолжал я, тебе же проще было ехать прямиком». Наконец Ранд сообразил. «Ну как я мог это сделать. Ведь должен я доложить Вам о всем, указать у кого я оставил Ваши вещи и сдать Вам деньги за лошадей».

Прошли года. Судьба забросила меня в Польшу, где я заведывал одним из больших лечебных курортов. Мне приходилось принимать участие во многих международных курортных съездах. На одном из них в 1937 году в Будапеште я познакомился о очень милым делегатом Эстонии и разсказал ему всю историю Ранда. Он обещал мне разыскать его и таким образом у меня завязалась с Рандом переписка.

Писал он по-русски скверно, да и за 20 лет порядочно подзабыл русский язык. Но все же понять его можно было. Во всех своих письмах он неизменно выражал трогательную преданность прошлому. К полку, к эскадрону и ко мне. Писал он, что по-прежнему рыбачит, но уже не с отцом, а с сыном. Жаловался на всякия

послевоенныя паспортныя затруднения, сильно сузившие поле его деятельности. Последнее письмо его было перед самой 2-й мировой войной. Он жаловался уже на здоровье и на то, что глаза его перестают быть «биноклем».

До сих пор всегда вспоминаю мою встречу с ним с большим волнением. Что с ним теперь? И жив ли этот удивительно благородный, честный, порядочный и светлой души «человек-бинокль», Кавалергард № 3-го эскадрона Иван Ранд

В.Кочубей

Приложение 8

Пребывание в Муравьевских казармах после революции 1917 г.

Раз 2-ой маршевый эскадрон с гр. Матвеем Старженским. во главе и один маршевый эскадрон Улан Его Величества под командою полковника Кобелева были погружены в эшелоны и отправлены в Царское Село на усмирение пьяного безобразия, которое там происходило. Начальником обоих эшелонов был полковник Кобелев, как старшиий в чине. От него, как от прямого свидетеля, я и узнал подробности этого похода.. Оба эскадрона дошли в эшелонах до Царскаго в порядке, но когда они выгрузились, солдаты увидали это пьяное разливное море,.будучи сами уже сильно тронуты веяниями революции. они сами бросились ломать винные склады и. пьянствовать.

Кобелев и Старженский решили увезти людей обратно, но Кобелев сомневался, что удастся посадить людей обратно в эшелоны. Действительно, трубач тщетно играл «сбор» и «садись» – люди не обращали на это никакого внимания. Тогда Старженский подошел к первому встречному Кавалергарду и прикаааал ему влезть в вагон. Солдат ответил грубостью. Кругом стояли остальные с оружием. Многие на порядочном взводе и ждали, что будет. Старженский вынул револьвер и вторично приказал ему сесть в вагон. На отказ и новую грубость, Старженский выстрелил в него из револьвера и уложил его на месте. Этот решительный акт произвел такое впечатление на остальных, что люди обоих эскадронов тотчас сели в вагоны, и Кобелев со Старженским благополучно доставили их обратно в Кречивицы.

Там люди наших маршевых эскадронов сказали Старженскому, что они его очень уважают, но и очень его боятся и потому просят его уехать, что он и сделал, да и ничего другого сделать не мог. Во всяком случае он поступил так, как подобает русскому офицеру, и на такой смелый поступок не всякий способен. Он не дал развиться пьяному вооруженному безобразию, не .допустил нарушения дисциплины и, вероятно, спас этим много жизней, и при этом рисковал он много.

о.Георгий (Шереметев)

КИЕВСКИЕ РАССТРЕЛЫ

В последних месяцах 1917 г. в Киеве, где находилось много различных штабов Южнаго и Юго-Западнаго фронтов, скопилось большое количество офицеров, откомандированных по разным причинам от своих частей.

Обстановка в самом Киеве была до нельзя сложная. Наряду с чисто военными органами полевого управления армиями и с Имперскими государственными учреждениями там находилась Центральная Рада – новообразованное Правительство Украины, постепенно захватившее в свои руки все государственныя функции прежняго правительства.

Но кроме обязательства иметь украинския удостоверения личности и запрета ношения военной формы, иной, кроме украинской, Центральная Рада не чинила в то время особых затруднений всем уволенным от службы и принужденным в силу обстоятельств жить на территории Украины. Так продолжалось до января 1918 года, когда, после захвата власти большевиками, началось их наступление на Украину.

20-го января в Киеве был слышен отдаленный, но все приближающийся орудийный гул. 21-го бой подошел почти вплотную к го-роду, а 22-го шрапнели и гранаты рвались на его окраинах. Оскол-ком одного снаряда была ранена на Подоле сестра и дочь Кава-лергарда С.Е. Гернгросс (Софья Евгеньевна Бенкендорф). В пос-ледующие дни огонь стал значительно сильный и снаряды рва-лись уже в самом центре города.

В ночь с 25 на 26 января Украинская Армия и власти покинули город, который был занять Красной Армией, под начальством Муравьева.

Было ли это на самом деле так, или же явилось плодом провокации для сведения личных счетов, но большевикам донесли, что из окон дома, где жили офицеры полка: штабс-ротмистр Евгений Евгеньевич Гернгросс, князь Михаил Александрович Голицын и Георгий Георгиевич Скалон было произведено несколько выстрелов.

По распоряжению Муравьева все жильцы этого дома должны были явиться в Мариинский дворец, где находился штаб Красной Армии для проверки документов. Когда эти три офицера пришли во дворец, там уже находилось несколько тысяч людей разных социальных положений, вызванных или пришедших по своей инициативе для проверки или получения новых удостоверений. Их было так много, что они буквально запрудили весь дворцовый парк.

Не прошло и нескольких минут со времени прихода ко дворцу наших офицеров, как на крыльце дворца появился Муравьев в сопровождении другого комиссара Раскольникова и, окинув взглядом всю эту толпу, сказал «Всех не проверишь. Разстрелять». Сразу по этим несчастным, ни в чем не повинным людям открыли

огонь из пулеметов.

Разстрелы продолжались потом по всему городу. Так был убит другой офицер полка корнет князь Николай Александрович Долгоруков, сын бывшаго командира полка. Он был остановлен на улице для проверки документов. Он не мог их сразу найти и сказал, что забыл дома. Патруль его отпустил. Затем, отойдя немного, Долгоруков нашел удостоверение в другом кармане и вернулся к патрулю, чтобы показать документ. Патруль был советский – документ украинский. Тут же на улице Долгоруков был убит. Через три дня труп его был найден среди других тел, простреляннный пулями и с разбитой прикладом головой.

В первые дни Киевскаго террора было убито больше пяти тысяч человек. Выдавать тела родным не разрешалось, хоронить так же было запрещено. Несмотря на этот запрет, вестовому Гернгросса 3-го эскадрона ефрейтору Амбразасу удалось в груде трупов разыскать тело своего офицера. Тела князя Голицына и Скалона были также опознаны. Оба они были добиты штыками. Монахини Покровскаго монастыря, рискуя жизнею, тайно похоронили всех трех.

В тот самый день, когда погибли в Киеве Гернгросс, Скалон, кн. Голицын и кн. Долгоруков, там же был арестован и другой офицер полка поручик гр. Николай Александрович Мусин-Пушкин. Жил он на квартире своей сестры Любови Александровны Кочубей. Никакого оружия при обыске не было найдено, но красноармейцы все же арестовали гр. Мусин-Пушкина и П.В. Кочубея и увели их ко Дворцу, где, по их словам, им будут выданы новые документы. По дороге к ним присоединили еще несколько других партий арестованных.

Когда они подошли ко Дворцу, площадь перед ним была полна вооруженными красноармейцами и матросами. Один из матросов подошел вплотную к Кочубею и убил его выстрелом из револьвера в затылок.

За ним было убито еще несколько человек. Настала очередь и гр. Мусин-Пушкина. Перед ним стало несколько матросов с винтовками наизготовку. Уверенный в неминуемой смерти, гр. Мусин-Пушкин снял шапку и перекрестился.

Но тут случилось воистинну Божье чудо. Какой-то солдат схватил гр. Мусин-Пушкина за руку и крикнул собиравшимся его разстрелять: «Братцы, что вы делаете! Побойтесь Бога» – и оттащил его в сторону.

Обстановка, сложившаяся в Петрограде с захватом власти большевиками, не давала возможности различным тайным монархическим организациям продолжать свою деятельность в столице. Полковнику Кавалергардскаго полка Андрею Андреевичу Пантелееву, состоявшему в одной из них, было предложено отправиться в Киев, где можно было ожидать более благоприятных условий для продолжения этой работы.

В июне 1918 г. он был уже в Киеве и почти сразу был взят командующим Украинской армией гр. Келлером в адъютанты.

Но ярко русская ориентация гр. Келлера скоро принудила гет-

мана Скоропадскаго уволить его от занимаемаго поста. Вместе с гр. Келлером ушел в отставку и Пантелеев.

Между тем международное положение продолжало изменяться и вместе с ним изменялось и взаимоотношение различных сил, боровшихся на территории России. Германия, поддерживавшая до тех пор гетмана, была сама накануне революции и полнаго развала. Для облегчения увода на родину своих войск, разбросанных по многим городам Малороссии, в Крыму и до границ Всевеликаго Войска Донского, немцы вошли в переговоры с Петлюрой.

Если не с их помощью, то с их попустительством 1/14 Декабря 1918 года Петлюровския войска заняли Киев, после слабой и краткой его обороны немногочисленными Кирпичевскими отрядами.

Вместе с полк. Пантелеевым и другим своим адъютантом ротмистром Ивановым гр. Келлер пытался пробиться с небольшой группой офицеров из Киева. Ему это не удалось и пришлось искать убежище в Михайловском монастыре. Несмотря на уговоры гр. Келлера, ни Пантелеев,ни Иванов не пожелали искать спасения в бегстве и бросить своего начальника. Оба остались с ним.

Уже на следующий день они были обнаружены при обыске в монастыре и к ним был приставлен караул. Немецкое командование дважды пыталось уговорить гр. Келлера одеть германскую форму, что дало бы немцам возможность безпрепятственно вывести его из монастыря. Но гр. Келлер не поддался никаким уговорам и наотрез отказался от предложения немцев. Вместе с ним отказались и его адъютанты.

Поздно вечером 8/21 Декабря отряд Черноморскаго коша предъявил караулу ордер о переводе арестованных в помещение контрразведки на Б. Подвальной 10 для допроса. По дороге у памятника Богдану Хмельницкому они были предательски убиты в спину.

На запрос германскаго командования, что сделалось с гр. Келлером, Петлюровское правительство ответило, что ему ничего не известно. Между тем, тела были перевезены в военный госпиталь, где были опознаны знакомыми. Пантелеев был убит сразу. Гр. Келлер и ротм. Иванов были добиты штыками. Все трое похоро-нены 10/23 Декабря в Покровском монастыре.

Приложение 10

Последняя операция. Октябрь 1920.

Октябрь 1920 года. Село Серогозы. Новый Командир Сводно-Гвардейскаго Кавалерийскаго полка Улан Его Величества Полковник Александр Ковалинский принимает полк. Бряцая палашами и саблями, полк проходит церемониальным маршем в конном строю. Четыре эскадрона:1-й Кавалергардский, 2-й Кирасирский Его Величества, 3-й Уланский Его Величества и 4-й Сводный из остальных полков. Всего 800 сабель.

Полковник Ковалинский, доблестный офицер, образованный, скромный, редко храбрый, с милой улыбкой и благороднейшей душой. Истинно можно было сказать: рыцарь без страха и упрека. Через неделю он был убит двумя пулями в лоб, выравнивая полк под пулеметным огнем перед конной атакой, которая опрокинула противника.

Я не был в строю и приехал в полк на случай убыли офицеров и чтобы присутствовать при последней решительной операции. Вооруженный французоким палашом и английским Смитт-Вессоном (подарок Коссиковскаго при отъезде) иду в тачанке с Ротмистром уланскаго Его Величества полка Александром Фермором, в будущем мой шурин, милейший человек и отличный офицер, проделавший Ледяной Поход.

Вечером полки выступают на последнюю операцию. Мы с Фермором следуем в тачанке при боевом обозе. Маршрут его нам известен; Б.Ивановка, Агайман, Покровка, Ново-Алексеевка, Сальково. Так должно было быть, но не все предположения сбываются.

Лунная.ночь..Морозъ 17 ниже нуля. Степь пустынна, замерзша, но бесснежна, изредка вылезаем и бежим, чтобы согреться. В Большой Ивановке обоз остановился на привал. Моему спутнику сильно захотелось чаю, Мы и зашли в.хату, где и просидели с часок. Ког.да вышли, обоз уже ушел. Что было делать? Сели мы в тачанку и стали его догонять, но догнать его в этот день нам так и не удалось. Получв тревожныя сведения о неожиданном занятии красными Агаймана, он был направлен по другому маршруту. Но тогда мы этого не знали.

Мороз крепчал. Обоза все не было видно. полк в составе Конаго корпуса Генерала Барбовича исполнял свое задание в неизвестном .нам направлении. И вот мы вдвоем с Фермором, с солдатом на козлах – одни в безбрежной степи, бесснежной, густо замерзшей, освещенной луной, лучи которой казались ледяными. Мы были, как затерянная ладья полярных исследователей, заблудившихся в арктических снегах.

Бегай, не бегай, а мороз пробирал до костей. И вдруг; о, радость, в степи огонек. Оказался хутор. На дворе две подводы о ранеными под Рогачиком Корниловцами. Два здоровых попросили нас помочь им снять с подводы одного офицера с перебитой ногой, который стонал при малейшем прикосновении. Бережно снявши его, мы погрелись и удалились. Не знаю, удалось ли им уйти, как нам, или нет – не знаю. Но по этой местности на утро прошли все орды Буденнаго.

Едем дальше, а мороз все кажется крепче. Наконец, минуя Агайманы, (нам один мужик сказалъ, что там уже красные) дошли мы до Покровки, где по нашим сведениям должен был стоять запасный батальон Корниловцев. Но село было пусто. Лишь у подъезда одной из хат стояла тройка Коменданта. Сам он стоял на крыльце. Он сообщил нам, что Агайман действительно занят красными и что все воинские части, стоявшия в Покровке, уже ушли, и сам он уезжает пооледним. 0б нашем же обозе он ничего не

слыхал. С этим он сел в тройку и укатил.

Была глухая ночь. Все спало. Лишь в хате, оставленной Комендантом, слабо догорала железная печурка. Мы влезли погреться. Ни дров, ни дерева под руками не было, даже мебель отсутствовала. Солдат принес соломы, но она плохо грела. Махнувши на все рукой, мы тронулись в путь на Быково.

Когда мы подъезжали к станции, уже наступило утро. Там стояло три санитарных поезда и сестры бегали за кипятком для утренняго чая. Картина была мирная, но в душе у меня было тревожно. У меня бывают такия предчувствия, и мне все казалось, что смерть витает кругом. Увы, мои предчувствия сбылись полностью. Об участи раненых и особенно бедных сестер лучше не писать, т.к. их захватили Буденновцы – самая низкая и жестокая сволочь, какую только видел свет.

Оттуда мы поехали вдоль полотна железной дороги в Ново-Алексеевку, где стояло много обозов Коннаго корпуса и других, но нашего не было. Оставивши Фермера в хате на окраине села для подготовки обеда, я поехал на станцию Ново-Алексеевка узнавать про наш обоз. Там я узнал от Коменданта, что он болтается где-то на хуторах к востоку от села. Там же стоял поезд Американскаго Краснаго Креста, при котором был прикомандирован переводчиком на несколько дней наш молодой офицер Воеводский 5-й. Он был очень храбрый мальчик, но тут он волновался, т.к. были сведенья о наступлении Буденнаго, а им все не подавали паровоза. Через час он вместе с Американцами попал в руки красных, и чудом остался жив, поздравленный Американцем старшим делегатом этого Краснаго Креста.

О точном нахождении нашей боевой ударной группы никто ничего не знал. Она и точно ударила, и больно ударила по Буденному, но уже после того, как он прошел по Ново-Алексеевке.

На станции я еще сильные почувствовал присутствие смерти. У меня было чувство, что говорю я с уже неживыми людьми, и я с тоской уехал за Фермюром. Застал я его в той же хате. Мы отпрягли и только успели сесть за стол, как послышалась недалекая канонада. Мы вышли на улицу и увидели рвущуюся над станцией Рыково шрапнель. Мы тотчас же. запрягли и поехали к полотну жел. дороги, чтобы ехать на станцию Ново-Алексеевка, надеясь пробраться на Сальково и на Чонгарский мост.

Но, подъезжая к полотну, мы увидели скачущия нам навстречу лавы, которых сначала приняли за наших Кубанцев. На полотне стоял санитарный поезд, окруженный людьми. Что там происходило, я, слава Богу, не видел, т.к. в эту минуту мы сообразили, что лавы, несшиеся нам навстречу, были красные. Мы вынули револьверы и спешно повернули обратно.

Проскакавши сквозь село Ново-Алексеевку, полное обозов, мы выехали к его восточной окраине и прямо наткнулись на штабной обоз нашего полка с Мишкой Безобразовым и Литвиновым во главе, которые собиралось заворачивать в село. Мы им объяснили, что за нами скачут Буденовцы. Мишка немедленно повернул обоз в степь и пошел на Геническ, что сделали и мы Литвинов

же поскакал в село посмотреть, где красные. Ровно через две минуты он выскочил обратно с обнаженной шашкой. За ним гнались красные с криками: «Офицер, стой!».

Около нас ехала пулеметная тачанка Марковскаго полка, и т.к. наши обе тачанки остались сзади, мы просили их дать очередь по преследовавшим нас красным. Они согласились с условием, чтобы мы остановились вместе с ними, чтобы им не стоять одним, что мы и исполнили. Они дали очередь, и остановили красных. Так мы и ехали с этими Марковцами по степи в сторону Геническа. Конные красные, к счастью в небольшом количестве, преследовали нас по пятам. Далеко влево маячил, тоже отступая, взвод.Терских казаков. Мы ехали в хвосте успевших ускакать повозок, изредка останавливались. Марковцы пускали очередь, осаживая красных, и мы снова ехали дальше. Револьверы лежали унас на коленях, но благодаря пулемету, пользоваться ими не пришлось. Вечером красные отстали и скрылись. А к ночи мы прибыли в Геническ, в котором столпилось много повозок, и, дождавшись очереди, перешли по мосту на Арбатскую стрелку. Истинно Бог нас спас.

Ночью мы снова пошли дальше по стрелке. В сторону Салькова виднелись огни паровозов и бронепоездов, которые в тумане двигались.туда и сюда и казались сказочными привидениями. Временами слышалась то глухая, то близкая канонада. В темноте шли такие же повозки, как и наша, и отставшие конные и пешие люди. К утру мы прибыли в единственное на стрелке село и там обрели наш обоз с Сафоновым. Мишка и Литвинов со своим обозом были тоже там, чему мы очень обрадовались.

После этого два дня и две ночи мы шли по косе (90 верстъ). Слегка потеплело. Мела крупа. Справа и слева чернело море. Изредка заходили мы в рыбачью хату погреться, но быстро оттуда вылетали. Они все были набиты народом до отказа, как церковь на Пасху, и воздуха там просто не хватало. И оба дня ни кусочка хлеба и ни капли воды.

Наконец мы прибыли в село Корпечь на Ак-Монай, где нашли интенданта Донского Корпуса, который очень любезно отпустил нам продукты. Помню, когда, я к нему за этим пришел, у него на столе лежала замороженная и объеденная корка арбуза. Я ее попросил, и должен сказать, что в жизни не едал ничего вкуснее, так мы были голодны.

На другое утро мы прибыли в Окречь на нашу базу. Поевши и переночевавши, мы утром двинулись к Перекопу в поисках полка. Мороз стал значительно слабее. Вечером мы прибыли в деревню Владимировку у Юшуни. Там нашли только что раненаго Рауха, Виктора Родзянко и Левушку Гагарина. От них мы узнали о повторных атаках полка, о смерти Ковалинскаго и о ранении Володьки Пушкина. Раненых Глеба Гагарина и Альку Пашкова мы застали уже на базе в Окрече. Узнавши, что Володька Пушкин и другие раненые лежат еще в деревне Магазинке, я очень обезпокоился, т.к. красные уже переправились на Литовской полуостров. Мы хотели ехать их вывозить, но узнали, что их уже

отправили в Окречь, что действительно так и оказалось, но только-только успели выскочить, а затем в Феодосии чуть было не остались на набережной, так как Кубанцы Ген. Фостикова не хотели их брать. Они, бедные, много пережили, но, слава Богу все-таки добрались до Константинополя.

Раух был ранен, когда он пытался в последний раз конной атакой отбить наши бывшие позиции с проволокой, занятыя уже красными. Он еще полный азарта разсказывал,что его ранили, когда он уже вскочил в пролет между проволокой. Он мне говорил, что один молодой офицер эскадрона Кирасир Его Величества, фамилию забыл, после нескольких повторных атак на проволоку, сказал ему: «Чувствую, что если будет еще одна атака, я не вернусь». Так, увы, и вышло. В последней атаке его лошадь была убита и он не выскочил.

О полке сведения были самыя смутныя. Точное местонахождение было неизестно. Говорили, что осталось всего сорок пять человек. Вечером боевой обоз выступил. Я ехал на большой подводе с Джемалем Каблаховым. Ночью, после долгих блужданий, прибыл из полка больной Борис Чичерин и лег в нашу повозку. Обоз тянулся длинной лентой. Начало и конец его терялись в темноте. Все пространство от Перекопа до Чонгара было покрыто лесом костров, у которых грелось безчисленное количество замерзших людей.

Куда мы шли, мы не расспрашивали. Но, видя, что миновали Аз-Джахарчи, и свернули затем на юг, я понял, что Крым оставляется и двигаемся мы к морю. На душе было тяжело. Думы перемешивалсь в голове темнее ночи, в которую мы уходили. И до утра мы двигались куда-то, плывя в темноте и направлясь на юг в сторону Симферополя. Утром обоз стал биваком. Но не прошло и получаса, как на севере показались разрывы шрапнелей. Начальник обоза Сафонов решил двигаться дальше и хорошо сделал, так как на оставленной нами территории скоро показались красные всадники, атаковавшие отставшие обозы других частей. Мы уже думали строиться вагенбургом, но красные всадники отстали и мы пошли спокойно дальше.

Днем мы встретили Донской Корпус Генерала Абрамова. Донцы шли бодрые, в удивительном порядке. Все офицеры были на своих местах и не было заметно никакого уныния. Штаб любезно сообщил всю обстановку. Донской Корпус шел на погрузку в Керчь, а нашему Конному Корпусу Ген. Барбовича было дано направление на Ялту.

В Симферополь мы не зашли, а прямо шли к горам. Пересекая шоссе, мы встретили наши бронефорды, обслуживаемые Кирасирами Ея Величества, и с ними нашу летучку с сестрами. Там была моя двоюродная сестра Сема Гейден. Она сказала мне, что ехала в тачанке с Натальей Ивановной Звегинцовой, и как ее убило пулей, и она довезла только ея тело.

Ночевать мы остановились в нагорной деревне Зуи. Тут стали отпускать желающих остаться людей, давая им бумагу в том, что они были насильно мобилизованы, как подводчики, и давали им и

самыя подводы, ставшия нам ненужными. Некоторые колонисты, которые все время очень доблестно сражались, теперь решили уйти, чтобы вернуться к своим семьям. Но из бывших пленных красноармейцев никто остаться в Крыму не пожелал. Они отлично сознавали, что ждет их в красной армии и предпочитали эвакуироваться вместе с нами.

На разсвете мы выступили дальше, взявши проводника. Мы шли по довольно диким местам, через горные перевалы. Были слухи, что в этих местах орудуют зеленые, и мы выставили нечто вроде маленькой походной заставы из конных людей. Я попросил у Каблахова лошадь и поехал с ними. Я ехал рядом с Сережкой Шидловским (Конн.Арт.), а перед нами шли Мишка Безобразов и Владимир Михайлович Корольков. Мишке местность была знакома, и он проверял проводника.

Когда мы в густом тумане подходили к какой-то горной деревне, проводник бежал. Несколько человек из нас поскакали в разныя стороны его искать. Извлекши свой очень неудобный палаш и, окунувшись в плотный, как сливки, туман, я поскакал наугад и около какой-то балки совершенно случайно нос к носу столкнулся с проводником. Вид моего довольно безобиднаго палаша произвел на него нужное впечатление, и он проворно вернулся к нашей.колонне. В-общем он струсил и бежал совершенно напрасно, т.к. в деревне ему дали денег и отпустили. Мишка знал дальнейший путь не хуже его.

Наконец мы подошли к самому перевалу на большой дороге. Тут мы нашли наши пополнения, которыя были посланы вперед охранять подступы к перевалу. Тут нас нагнал и Корпус. Сводно-Гвардейск. Кавалерийским полком командовал уже Новиков (Улан Его.Вел.). Соединившись со всеми, мы дошли до Алушты, где и заночевали. Тут отпустили всех еще желав-ших остаться.

Утром Корпус двинулся на Ялту на погрузку, а полк остался в Алуште заставой охранять посадку Корпуса на суда.

Помню, как, проходя через Массандру, наши части получали столько вина, сколько хотели. Заведующий казенным складом решил, что все равно большевики все разберут. Как сейчас вижу отставшего солдата, не помню уж какой части, догонявшего свою подводу о двумя парусиновыми водопойными ведрами в руках. Он торопился и расплескивал на шоссе из праваго душистую мадеру, а из леваго мускатное вино. Это был один из редких комических эпизодов этого печальнаго дня. Когда посадка была закончена, а она длилась всю ночь, на следующее утро Сводно-Гвард. Кав. полк в свою очередь подошел к молу и погрузился на транспорт «Крымъ». Подъехал Врангель и подбодрял людей, отвечавших ему громким «Ура». Когда он отплыл, вышел из гавани пассажирский пароход «Русь» с частями корпуса. Затем колыхнулся и наш «Крым». Давка на нем была невероятная. На нем шло 5000 человек. Колыхнулся и медленно стал отходить от берега. Он постепенно таял, заволакиваясь туманом, и, наконец, скрылся за горизонтом. Последняя страница повернулась и Родины больше не стало, надолго...

о.Георгий (Шереметев)

ОСТАВЛЕНИЕ КРЫМА

1 Ноября 1920 года утром Сводно-Гвардейский кавалерийский полк последним подошел к Ялтинскому молу и стал грузиться на ожидавший транспорт «Крым». Всю ночь, пока Конный Корпус Генерала Барбовича грузился на этот корабль, и на пассажирской пароход «Русь», Свод.-Гвард. Кав. полк стоял на последней заставе в Алуште, прикрывая посадку корпуса.

Наконец погрузился и полк. Лошади пускались в город. Седла и винтовки брали с собою на транспорт. Несмотря на морально-тяжелую обстановку, люди шли бодрые, и дисциплина в остатках доблестиых полков Императорской Гвардии не падала.

Погрузились последние люди, В это время подъехал генерал Врангель и бодрыми словами старался поддержать дух у уезжавших воинов.

Наконец корабль плавно качнулся и тихо стал выходить иэ Ялтинскаго порта. Берег, и с ним Россия, стали медленно удаляться и скрываться в тумане. На сверхперегруженном корабле люди молчали. Каждый, как святыню, таил свои чувства в себе.

Наконец усталость брала свое. Три недели безпрерывнаго похода, с жестокими боями, на сильном морозе, без крова, без сна, и часто без пищи, все это вдруг осталось сзади, и люди тут же засыпали, не думая более ни о чем. Глядя на мутныя волны и на скрывающийся берег, я невольно задумался, и в голове моей проплыла, только что завершившаяся, доблестнейшая страница истории родного полка – его участия в никем не оцененной безумной и славной борьбе против врага России, имя которому - чудовище.

И прошли перед моими глазами все мои друзья, пролившие кровь, или жизнь положившие в этой неравной борьбе. Эти страницы истории полка залиты их воистину жертвенной, ибо добровольной кровью, из них сплетена новая ветвь в серебряный венок неувядающей полковой славы.

Проносятся места, события, имена. Вот Эйгенфельд и первые воссоздатели полка после страшнаго урагана революции – Коссиковский, Егор Дризен, Иван и Андрей Толстые, Раух, Роман и Володька Мусин-Пушкины. Вот убитый в Благодатном Илья Бибиков. Отход на Ак-Монай. Ранены Миклашевский и Роман Пушкин, Затем Крым, Таврия, Украина. Вот Розен одним своим присутствием благословивший вновь создавшийся. полк. Вот раненый в конной атаке Дризен и убитый Владимир Львов. Вот умирающий в поезде от раны в живот милый Миша Рогович. Откат на Новороссийск и Крым. Умирает от тифа в Ростове Адеркас и прикомандированный Петр Струков. Умирает от плеврита в тяжелых условиях Сандрик Тимашев. Опять Крым. Убиты два принятых в полк юнкера Константиновца: светлый мальчик Ларюша Пушкин во главе роты на Перекопе и Ширинский при неудачной высадке на Кубань. Убит около Джанкоя снарядом в голову Владимир Ше-

беко. В доблестной конной атаке у Каховки тяжело ранен Ваник Толстой. Наконец последние бои, начиная от Серогоз и кончая кровавой Карповой Балкой. Ранены Глеб Гагарин, Алька Пашков и Володька Пушкин. Раух тяжело ранен на самой проволоке Литовс-каго полуострова, в безумно смелой атаке - последней конной ата-ке полка... Все это проплывает мимо. Дым только что отзвучавших событий еще не разсеялся, и за этим дымом скрылась Русская Земля...

Широкий горизонт Чернаго моря, волны, тихия волны, успокаивающия душу. Кругом на палубе спящие воины славнаго Конна-го Корпуса Барбовича. Последние остатки полка приютились в трюме. Разговоры - самые обыденные. О щемящей тоске не говорят, как бы по безмолвному соглашению. Туманныя дали раскрываются за горизонтом. Что они таят? Куда мы идем? Что ждет нас? Что будет с Россией? Недоуменные вопросы...

Волны шумят и плещутся о корабельный борт. И это неуклонное движение приводит в ясность разбитыя мысли,

Нет, нет. Прочь слабость и сомнения. Святая Русь, скрывшаяся за туманом красной волны, но которая будет, погибнуть не может. Она и сейчас жива, но таится в душах людей, и там в оставленной Родине, и здесь в сердцах этих измученных спящих воинов. Жертвенная кровь даром не проливается. В духовном плане она сильнее земной победы. Она, как озимое семя, вложенное в землю. Пусть снег покрыл первые всходы. Весна приблизится. Растает снег, и звонкими ручьями он оросит замерзшие всходы. Яркое солнце оживит их, и оно не за горами. И когда подымется Божий колос, посеянный мучениками на родной земле, не будет силы, которая бы его остановила.

Сквозь бушующее море, в туманных далях, вижу Тебя, воскресшая моя Родина. Вижу и Тебя, родной мой полк, положивший столько новых жизней с 14-го по 20-ый год на спасение и воскресение Отчизны. Тело полка разорвано в клочья, но штандарт жив. Пусть не угаснет дух Кавалергардов, пусть в предстоящем изгнании горит он еще ярче к России. Пусть передастся он и молодым поколениям, да пронесут и они честно полковое имя сквозь бури испытаний. Пусть и они в душах своих сберегут белизну Креста Св. Иоанна Иерусалимскаго на нашем малиновом штандарте.

Тихо кругом. Мысли оборвались. Наступила ночь. Волны также безстрастно плещут. Замерцали звезды и засияли Божественным утешением в разбитой душе. В теле безумная усталость. Но на душе светло.

КАВАЛЕРГАРДСКИЙ ДИВИЗИОН 1918-1920

Сорок лет тому назад на различных фронтах Белаго движения отдельные Кавалергарды принимали участие в борьбе против большевиков.

Имена светлейшаго князя Анатолия Павловича Ливена и командующаго Западной Армией Александра Павловича Родзянко вошли в историю гражданской войны. Другие же, как Иван Димитриевич Аничков и Владимир Андреевич Клот в Сверной Армии в Архангельске жизнею своею запечатлели верность Родине.

Но только на юге России, в Добровольческой Армии Кавалергарды участвовали, как боевая часть.

Возродившиеся, подобно Фениксу из пепла, после того, что старый полк прекратил свое существование, Кавалергардские эскадроны долг свой перед Отчизной исполнили до конца. Сильные традициями стараго полка, они с оружием в руках пронесли через кровавые годы этой страшной борьбы незапятнанным имя Кавалергарда. Столь же грозное врагу, как было оно грозно в эпоху Наполеоновских войн и во время Первой Великой Войны.

28-е Октября 1918 года является начальнымъ днем формирования Кавалергардскаго дивизиона. В этот день при Сводно-Гвардейском пехотном полку была учреждена команда конных разведчиков и первыми Кавалергардами, вступившими в ея ряды были полковник Димитрий Владимирович Коссиковский и штабс-ротмистры граф Иван Дмитриевич и граф Андрей Димитриевич Толстые. Впоследстаии команда развернулась в четырехвзводный эскадрон: I-й Кавалергардский, 2-ой Конногвардейский, 3-й и 4-й Кирасирские.

1-го Января 1919 года, после выгрузки в Феодоссии, эскадрон конных разведчиков отделился от полка и перешел в район станции Быково Мелитопольскаго уезда, где скоро развернулся в четырехэскадронный полк. Затем, по мере пополнения людьми и ло-шадьми, эскадрон развернулся в дивизион.

Наибольший боевой состав Кавалергарды имели в середине 1919 года, доведя число своих эскадронов до трех действующих, при дивизионной конно-пулеметной команде, четвертаго запаснаго эскадрона и большой хорошо оборудованной хозяйственной частью с целым рядом различных мастерских.

Впоследствии огромныя потери, понесенныя ими в боях под Глуховым, Бахмачем, Нежиным, при отходе Армии на Дон, под Ростовом, на Днепре, под Каховкой и в Северной Таврии постепенно сократили число эскадронов.

В последних осенних боях 1920 года, когда решалась участь Армии и судьба России, они имели всего один эскадрон.

В разное время 26 кадровых офицеров Кавалергардскаго полка находились в строю дивизиона.

За все время существования дивизиона его потери в офицерском составе, как кадровом, так и поступившим в дивизион, выра-

жаются следующим образом; убитыми, умершими от ран и в госпиталях 6 (или 18%), ранеными 14 (42%), без вести пропавшими 1 (3%), контуженными 3 (9%), а всего 72 %.

Приложение 14

Список кавалергардов, в Русской Смуте расстрелянных, зарубленных, в тюрьмах умученных, на поле брани за освобождение Родины павших и в госпиталях на фронте скончавшихся.

Документ печатается по тексту «Вестника кавалергардской семьи» 1965 г.

1917

1.Граф Георгий Георгиевич Менгден. Свиты Его Величества генерал-майор. Бывший командир полка. Убит в Луге 1-го марта

1918

1.Граф Николай Владимирович Клейнмихель. Московский вице-губернатор. Бывший офицер полка. Расстрелян в Евпатории 24-го января.

2.Евгений Евгеньевич Гернгросс. Штабс-ротмистр.

3.Георгий Георгиевич Скалон. Штабс-ротмистр.

4.Князь Михаил Александрович Голицын. Штабс-ротмистр.

5.Князь Николай Александрович Долгоруков. Корнет

Все четверо вышеперечисленных расстреляны в Киеве 26-го января.

6 Е.И.В. Великий князь Михаил Александрович. Бывший командир полка. Пропал бесследно в Перми 30-го мая

7.Князь Владимир Алексеевич Шаховской. Шталмейстер. Бывший офицер полка.

8. Князь Леонид Алексеевич Шаховской. Шталмейстер. Бывший офицер полка.

Оба вышеперечисленных взяты заложниками и зарублены в Пятигорске 31-го октября.

9 Андрей Андреевич Пантелеев. Полковник .Расстрелян в Киеве 8-го декабря.

10. Александр Петрович Сабуров. Петроградский губернатор. Бывший офицер полка. Расстрелян в Москве.

11. Граф Матвей Викторович Старженский. Штабс-ротмистр. Убит, пробираясь в Северную армию.

12. Граф Георгий Оттонович Медем. Поручик. Убит, пробираясь в Южную армию.

13. Илиодор Михайлович Бибиков. Бывший офицер полка. Замучен в тюрьме города Зарайска.

1919

1. Е.И.В. Великий князь Николай Михайлович. Бывший офицер полка. Расстрелян в Петропавловской крепости 30-го января.

2. Илья Николаевич Бибиков. Вольноопределяющийся. Убит в конной атаке у хутора Благовещенского 26-го февраля.

3. Владимир Константинович Львов. Корнет. Убит в конной атаке у хутора Средники 4-го августа.

5. Михаил Алексеевич Рогович. Корнет. Смертельно ранен в бою у села Гапоново 11-го ноября.

6. Александр Александрович Тимашев. Штабс-ротмистр. Умер в госпитале в Харькове в октябре.

7. Андрей Иванович Арапов. Полковник. Расстрелян в Петрограде.

8. Георгий Федорович Гринвальд. Полковник. Командир Конно-егерского полка в Северо-Западной армии. Умер в госпитале дер. Афанасьево 26-го сентября.

9. Николай Павлович Шабельский. Вольноопределяющийся. Убит в бою с бандой Шубы в ноябре.

10. Борис Эдуардович Плеске. Штабс-ротмистр. Расстрелян в Петрограде.

1920

1. Граф Илларион Владимирович Мусин-Пушкин. Юнкер. Убит в бою у хутора Преображенка на Перекопе 15-го января.

2. Князь Эммануил Николаевич Щербатов. Ротмистр. Умер от сыпного тифа в госпитале в Новороссийске 15-го января.

3. Петр Ананьевич Струков. Корнет. Умер от сыпного тифа в Новороссийске в январе.

4. Иван Дмитриевич Аничков. Корнет.

5. Владимир Андреевич Клот. Корнет.

Оба расстреляны в Архангельске в феврале.

6. Барон Петр Александрович Бильдерлинг. Ротмистр. Расстрелян в Майкопе 15-го марта.

7. Владимир Вадимович Шебеко. Штабс-ротмистр. Убит бомбой с аэроплана на станции Джанкой 3-го апреля.

8. Николай Сергеевич Исаков. Корнет. Убит в бою у села Жеребец 13-го июня.

9. Князь Сергей Николаевич Ширинский-Шихматов. Юнкер. Убит у станции Приморская на Тамани 15-го августа.

10. Владимир Степанович Воеводский. Корнет. Пропал без вести на станции Ново-Алексеевка в октябре.

11. Петр Авраамович Хвощинский. Бывший офицер полка. Умер в Солдатенковской больнице в Москве после заключения в Лубянской тюрьме.

12. Алексей Оттокарович фон Адериас. Корнет. Умер от сыпного тифа.

1924

Александр Ананьевич Струков. Штабс-ротмистр. Убит в своем имении в Польше на границе с СССР в сентябре.

1939

Граф Павел Михайлович Граббе. Полковник. Захвачен большевиками в своем имении, вывезен в Сибирь, где погиб.

СОДЕРЖАНИЕ

ДЕКАБРЬ 1825 года 3
ЗА ПУШКИНСКОЙ СТРОКОЙ 22
МИРНЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ 50
ВЕЛИКАЯ ВОЙНА 71
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 96
ПРИЛОЖЕНИЯ
Производство 28 сентября 1906 г. 99
Ноябрьские воспоминания 103
Пятьдесят лет тому назад 104
Выход на войну и операции I А.К. 112
Первые дни в Восточной Пруссии 117
Из дневника А.М.Звегинцовой 119
Кавалергард Иван Ранд 127
1917 год 130
Киевские расстрелы. 1917 131
Последняя операция. 1920 133
Оставление Крыма 139
Кавалергардский дивизион. 1918-1920 141
Список кавалергардов, погибших в 1917-1939 142